

Н. Ибрагимов

ИБН БАТТУТА

И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СРЕДНЕЙ
АЗИИ

Н. Ибрагимов

ИБН БАТТУТА

И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО СРЕДНЕЙ
АЗИИ

Москва
«НАУКА»
Главная редакция
восточной литературы
1988

Ответственный редактор
Г. В. МИЛОСЛАВСКИЙ

Рецензент
Д. В. ФРОЛОВ

Ибрагимов Н.

- И15 Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1988.

128 с.

Книга Н. Ибрагимова посвящена знаменитому арабскому путешественнику XIV в. Ибн Баттуте и его странствиям по Средней Азии. Приводится (в извлечениях) перевод из сочинения Ибн Баттуты.

И 1905020000-119 66-88
013(02)-88

ББК 26. 8г

Нематулла Ибрагимов

ИБН БАТТУТА И ЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ПО СРЕДНЕЙ АЗИИ

Редактор Н. Б. Кондырева. Младший редактор Н. Л. Петрова. Художник Б. Г. Дударев. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректор П. С. Шин

ИБ № 15917

Сдано в набор 11.02.88. Подписано к печати 04.05.88. Формат 84×108^{1/32}. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,04. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 30 000 экз. Изд. № 6558. Зак. № 111. Цена 45 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21, строение 2

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143. Открытое шоссе, 28

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

ВВЕДЕНИЕ

Важное значение для исследования истории и исторической географии, истории культуры, искусства и других областей общественной и политической жизни народов, населяющих в настоящее время наши среднеазиатские республики, имеют памятники арабской географической литературы. Они представляют собой обширный пласт написанных по-арабски сочинений, через века и страны тесно связанных друг с другом определенными традициями и линиями преемственности (хотя их авторы были представителями разных народов). Для IX в. это труды таких ученых, как ал-Балазури, Ибн Хордадбех, ал-Иа'куби; для X в. — труды ал-Истахри, Абу Дулафа, ал-Мукаддаси, ал-Мас'уди, ал-Хорезми, ал-Динавари, ат-Табари, Ибн Мискавайха, Ибн Руста, Ибн ал-Факиха, Ибн Хаукала, XI век представлен трудами ал-Бируни, от XII в. сохранились сочинения ал-Идриси, Марвази и ас-Сам'ани, от XII—XIII вв. — Ибн ал-Асира, Иакута ал-Хамави, в XIV в. писали ал-Умари и Ибн Арабшах. Эти и многие другие историки и географы оставили нам наследие, на которое опираются современные ученые в воссоздании картины исторического и культурного развития народов Средней Азии, Кавказа и европейской части СССР.

«Путешествие Ибн Баттуты» (XIV в.), которому посвящена настоящая работа, занимает особое место среди трудов арабских путешественников.

«После космографий и энциклопедий XIII—XIV вв., — писал И. Ю. Крачковский, — общая мусульманская литература как бы достигает апогея... жанр путешествий остается количественно богатым до конца, но показательно и здесь, что последний великий путешественник, объехавший все мусульманские страны, относится тоже к XIV веку. Это знаменитый Ибн Баттута, путешествие которого до сих пор читается в арабской школе... тот самый Ибн Баттута, без ссылок на которого не обходится ни одна работа о Золотой Орде или Средней Азии...» [107, 416—417].

На важность сообщений Ибн Баттуты о сравнительно мало изученном периоде истории Средней Азии давно обратили внимание и другие востоковеды¹. Ибн Баттута восполняет своими интересными записками (полное название его книги — «Тухфат ан-нуззар фи гараиб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар»), основанными на личных впечатлениях, многое из того, что не зафиксировали местные хронисты того времени. Именно это увеличивает интерес к его повествованию, которое дает нам яркую и реалистическую картину культурной, политической и социальной жизни Средней Азии первой половины XIV в. Многие рассказы Ибн Баттуты о городах и городской жизни Средней Азии в первой половине XIV в. не имеют параллелей в других источниках.

И. Ю. Крачковский называл Ибн Баттуту «последним универсальным географом-практиком, не книжным компилятором, а путешественником с громадным районом посещенных стран. По подсчетам, им было пройдено более 75 тысяч миль» [107, 417]. В течение своих двадцативосьмилетних странствий он побывал в сотнях городов и селений Северной и Западной Африки, Аравийского полуострова, Индии и Испании, Турции и Ирана, Средней Азии и Восточной Европы и, наконец, Китая. «Путешествие» Ибн Баттуты настолько насыщено интересными рассказами о самых дальних странах, что его современники сочли их неправдоподобными и фантастическими. Даже такой выдающийся ученый, как Ибн Халдун², который встречался с Ибн Баттутой, не принял всерьез рассказы и описания «Путешествия», говоря, что «люди обвиняли его во лжи» [48, 143—144]. Скептически отнеслись к сообщениям Ибн Баттуты и в европейской науке. Это помешало в свое время достойным образом оценить и восстановить подлинный текст «Путешествия».

По мере развития востоковедения, равно как и географических исследований, ученые различных стран все больше убеждались в том, что описания Ибн Баттуты не плод фантазии средневекового мистификатора, а результат непосредственного наблюдения описываемых земель и народов.

Но интерес к «Путешествию» Ибн Баттуты как к источнику самых разнообразных сведений — географических, исторических и культурных — лишь одна сторона дела. Есть и другая сторона. «Тухфан ан-нуззар...» представляет собой также ценный литературный и психоло-

гический памятник эпохи, позволяющий с большей достоверностью, чем разнообразные описания «быта и нравов», осветить особенности мировоззрения человека того времени: круг его интересов, отношение к тем или иным обстоятельствам и фактам и их оценку. Каковы были определяющие черты того жанра, того направления литературной деятельности, к которому относится «Путешествие»? В этом плане записки Ибн Баттуты, изучавшиеся с точки зрения маршрутов путешественника, достоверности его данных, использовавшиеся историками, археологами и нумизматами, еще не подвергались исследованию.

Однако книга Ибн Баттуты заслуживает самого пристального внимания не только с точки зрения сообщаемых в ней фактов, но и сама по себе. Почти все многочисленные исследователи «Путешествия» единодушно говорят о том, что стиль его значительно отличается от стиля других сочинений, относящихся к жанру «рихла», книг типа «Книг путей и государств» (как сочинения Ибн Хордадбеха, Ибн ал-Факиха, ал-Истахри и др.), а также и от наиболее всеобъемлющего географического свода средневековья «Му'джем ал-булдан», принадлежащего замечательному ученому-энциклопедисту Йакуту. Например, описание путешествия Абу Хамида ал-Гарнати по характеру ближе «Книгам путей и государств», тогда как в «Тухфат ан-нуззар...» явственно чувствуется влияние широко распространенной во время Ибн Баттуты агиографической, или «житийной», литературы, сказавшееся в очень большом числе вставных рассказов о чудесах, совершенных тем или иным местным «святым» или суфийским шейхом.

Дело не только в том, что Ибн Баттута путешествовал как «мусульманский ученый» (что, несомненно, придавало ему вес и авторитет, особенно в глазах новообращенных мусульманских правителей), но и в общей психологической атмосфере эпохи, получившей непосредственное отражение в литературном творчестве: появление «житий святых», развитие суфийской поэзии на персидском и арабском языках, широкое распространение жанра *сира*, непосредственно связанного с народной традицией.

Ибн Баттута, как и Марко Поло, останавливается иногда на событиях, которые кажутся нам мелкими — например, он в деталях описывает оказанный ему прием, полученные подарки. Но не следует относить это за

счет «преувеличенного самомнения»: эти моменты были для него важными, событийными — как для придворных важно было, на какое место усадит путешественника эмир или султан. Такими же событийными были и для Ибн Баттуты многочисленные повествования о чудесах, гробницах святых и угодников.

Время путешествия Ибн Баттуты в Среднюю Азию приходится на один из наиболее тяжелых и сложных периодов в истории ее народов — период монгольских завоеваний. Арабский путешественник посетил эти районы спустя столетие после вторжения монгольских завоевателей, но тем не менее некогда цветущие города еще не залечили до конца своих ран, не заровняли разрушений, что ярко показано в «Путешествии». Вместе с тем к 30-м годам XIV в. народы Средней Азии все же до некоторой степени оправились после монгольского нашествия, и прежние торговые и культурные центры начали восстанавливаться вновь. Записки Ибн Баттуты принадлежат к числу впечатлений очевидцев о жизни в тех краях в это время; подобных свидетельств сохранилось не так много.

Средняя Азия была завоевана монгольскими племенами под предводительством Чингиз-хана в первой половине XIII в. Ранее Чингиз-хан захватил Северный Китай, монгольские отряды под предводительством его старшего сына Джучи покорили народы, жившие по берегам верхнего Енисея, а полководец Хубилай завоевал северное Семиречье. В 1218—1219 гг. монгольские войска, возглавляемые Джебе, захватили владения каракитаев в Семиречье и Восточном Туркестане и подошли к границам государства Хорезмшахов, включавшего Хорезм, Мавераннахр, часть территорий нынешнего Ирана и Афганистана.

В начале 1220 г. под натиском монгольских войск пал Отрар, затем — Бухара и Самарканд. Десятки тысяч жителей и защитников этих городов были истреблены, многие обращены в рабство. Цветущие, богатые города, полуразрушенные в ходе боев, опустели: в Бухаре, например, были истреблены все защитники городской цитадели, укрепления превращены в руины, а город предан огню; в Самарканде осталась в живых едва ли четвертая часть населения.

После взятия Самарканды хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад бежал из Средней Азии, укрылся на одном из островов в южной части Каспийского моря и больше

не предпринимал попыток защиты своих владений от завоевателей.

В последующие годы монгольские войска захватили все остальные территории государства Хорезмшахов, неся всюду разрушения, уничтожая или угоняя в рабство население. «Они никого не жалели, — пишет очевидец завоеваний Чингиз-хана арабский историк Ибн ал-Асир, — убивали женщин, мужчин, детей... Ни одного города татары не щадили, уходя, разрушали».

Как отмечал академик Б. Г. Гафуров, «монгольское завоевание принесло народам Средней Азии неисчислимые бедствия. В результате грабежей и пожаров города Мавераннахра превратились в груды развалин, трудовое население их подверглось массовому истреблению. Пришло в запустение и сельское хозяйство» [89, 452].

В первой трети XIII столетия, при жизни Чингиз-хана, монголами были завоеваны громадные территории, включая большую часть Средней Азии. В 1227 г. Чингиз-хан разделил захваченные территории между своими сыновьями. Земли Средней Азии к востоку от Амударьи достались второму сыну, Чагатаю (или Джатаю), а западная ее часть, Восточный Иран и Северная Индия отошли во владение четвертому сыну — Тулю; к северу от Аральского и Каспийского морей простирались владения внука Чингиз-хана Бату, отец которого Джучи к тому времени уже умер; титул великого хана и обширные земли в Центральной и Восточной Азии получил Угедей.

После смерти Чингиз-хана (1227) его преемники продолжали завоевания, расширяя свои владения. Хулагу, сын Тулуя, в 50—60-е годы XIII в. завоевал Иран, Месопотамию и Сирию. В 1258 г. им был взят Багдад, а халиф ал-Мустасим из династии Аббасидов захвачен в плен и убит.

В первой половине XIV в., когда Ибн Баттута посетил Среднюю Азию, ее территория была разделена между владениями трех монгольских государств. Северо-западная часть, включая Хорезм, входила в состав Золотой Орды (Улус Джучи) со столицей в Новом Сарее (Сарай-Берке); здесь правил Узбек-хан (1312—1340). Юго-запад был частью государства Хулагидов, а восточные районы относились к Чагатайскому улусу. Однако фактически у власти во многих областях стояли полусамостоятельные феодалы, происходившие частью

из династий Джучи, Чагатай и Хулагу, частью — из местных знатных родов. Ибн Баттута упоминает нескольких монгольских правителей. В Мавераннахре, Семиречье и Восточном Туркестане это были представители чагатайской династии: Кебек с 1318 по 1326 г., Элджигидей и Дува-Темюр в 1326 г. и Ала ад-Дин Тармаширин с 1326 по 1334 г. В правление последнего и посетил Ибн Баттута Среднюю Азию. Главой государства Хулагилов был ильхан («повинующийся великому хану») Абу Саид (1317—1335) [83, 197—205].

Первым монгольским государем, перенесшим свою ставку на территорию Средней Азии (в Мавераннахр), был Кебек, выстроивший себе дворец близ г. Несефа (ныне Карши). Решение Кебека имело весьма важное значение, поскольку явилось шагом к переходу монгольских правителей с кочевого на оседлый образ жизни. Однако оно еще отнюдь не означало отказа от кочевой жизни вообще: Кебек проводил значительную часть времени (преимущественно летом) вне дворца. Даже его преемник Тармаширин, невзирая на зимнюю стужу, по свидетельству Ибн Баттуты, принимал путешественника в шатре.

Правление Кебека ознаменовалось проведением важных денежных и административных реформ, способствовавших развитию хозяйства в Чагатайском государстве. Денежная система была приведена в соответствие с теми, которые существовали в государстве Хулагилов и Золотой Орде; был налажен выпуск новых монет — динаров и дирхемов (6 дирхемов равнялись одному серебряному динару весом более 8 г), которые чеканились в основном в Бухаре и Самарканде. При Тармаширине интенсивный чекан серебряной монеты осуществлялся в Отраре.

Характерной чертой внутривнутриполитической жизни Чагатайского государства этого периода были почти непрекращавшиеся междоусобицы. Местные эмиры выходили из повиновения центральной власти, вели военные действия как между собой, так и с правителями государства. Так, в правление Кебека мятежный царевич Ясаур фактически контролировал южные области страны, совершая набеги на крупные города. Преемник Кебека Тармаширин был убит в ходе восстания местных феодалов.

В правление Тармаширина произошло важное событие в политической и идеологической жизни государст-

ва: ислам был объявлен официальной религией. Его предшественник, хотя и не принял ислам, охотно беседовал с мусульманскими богословами. Тармаширин, по отзывам ссвременников, был уже ревностным мусульманином.

Большое значение имела административная реформа, в ходе которой территория страны была разделена на мелкие административные единицы — тумены, во главе которых стояли наместники — представители тюрко-монгольской знати. Главы крупных родов заняли теперь посты в государственном аппарате не только в пределах своих владений (уделов), но и во вновь созданных туменах. Род Барласов, например, расселился в долине Кашкадарьи, Джалаиры — в районе Ходжента и т. д. Однако непрекращавшиеся феодальные усобицы усложняли проведение реформ и к концу 50-х годов XIV в. привели к распаду Чагатайского государства на целый ряд самостоятельных княжеств.

Феодальное землевладение в Средней Азии при монгольских правителях характеризовалось четырьмя видами земельной собственности: государственной (земли дивана), феодальной в форме *милк* и *инджу*, вакуфной и крестьянской (*милк*). Широко практиковалась система феодальных земельных пожалований, при которой, например, воинский начальник «тысячи», получивший надел (наделы были наследственными), делил его между начальниками «десятков».

Трудовое население Средней Азии находилось в различных формах зависимости от феодальной знати и государства. Незначительная часть крестьян были собственниками земли (*милк*), огромная же масса являлась арендаторами.

Монголы интенсивно осуществляли политику закрепощения как крестьян, так и ремесленников. Весьма многочисленна была категория ремесленников, низведенных до положения рабов. Вместе с тем существовали и группы относительно самостоятельных ремесленников и торговцев, плативших налоги в государственную казну. Широкое распространение имело использование в хозяйстве рабов — обращенных в рабство местных жителей.

В целом положение широких слоев населения Средней Азии, как и других территорий, завоеванных монголами, резко ухудшилось вследствие громадных разрушений, упадка хозяйственной жизни, массового истреб-

ления и угона в рабство жителей, непомерных поборов и произвола монгольских властителей. Особо ошутимый удар нанесло разрушение ирригационных сооружений, от которых непосредственно зависел труд земледельцев.

С середины XIII и особенно в XIV в. городская жизнь Средней Азии постепенно начинает вновь оживать. Местные зодчие и ремесленники воздвигают новые архитектурные сооружения на месте разрушенных монголами, создают произведения прикладного искусства, продолжая домонгольскую художественную традицию. Архитектурные памятники, сохранившиеся от того времени,— в основном мавзолей, наиболее ранние из которых мавзолей и ханака шейха Сайф ад-Дина Бахарзи, где побывал Ибн Баттута. Сохранилось несколько мавзолеев XIV в. в Самарканде (в комплексе Шах-и Зинда), Бухаре, Куня-Ургенче и других городах. В этот период был возведен и целый ряд дворцов (дворец Кебека в Карши и др.), медресе, мечетей и других сооружений, не дошедших до наших дней или сохранившихся лишь частично.

В XIII—XIV вв. на территориях, захваченных монголами, жили и трудились замечательные поэты, ученые и мыслители, внесшие бесценный вклад в мировую культуру. Среди них такие блистательные имена, как поэт-суфий Джалал ад-Дин Руми (1207—1273), поэт, мыслитель и путешественник Муслих ад-Дин Саади Ширази (ок. 1210—1292), выдающийся историк средневековья Фазлаллах Рашид ад-Дин (ок. 1247—1318), ученый-энциклопедист Насир ад-Дин Туси (1201—1277), астроном и географ Кутб ад-Дин Ширази (1236—1311) и многие другие.

Одним из социально-политических последствий политики монгольских завоевателей на захваченных территориях было возникновение движения сарбедаров, участники которого — крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы и другие представители средних слоев города — выступали против господства монгольских правителей и поддерживавших их местных феодалов.

Среди сарбедаров значительную роль играли последователи шиитского направления ислама, хотя само движение, как отмечал В. В. Бартольд, не было вызвано религиозными мотивами [79, II, ч. 2, 364]. Шииты в государстве Хулагидов в период правления Абу Саида (1317—1335) находились в «немилости» и составляли потенциальную оппозицию режиму: ильхан вновь вер-

нул страну в лоно суннитского ислама, тогда как при его предшественнике Улджайту (1304—1317) шиизму фактически был предоставлен статус государственной религии [156, I, 110].

Сарбедары создали в Хорасане самостоятельное государство, просуществовавшее с 1337 по 1381 г.; его посетил и подробно описал Ибн Баттута. Большой популярностью сарбедарство пользовалось и в Мавераннахре. В 1365 г. сарбедары возглавили восстание в Самарканде. В государстве сарбедаров чеканилась собственная монета, была создана армия, отменены некоторые налоги, взимавшиеся монголами.

Успеху движения сарбедаров в значительной мере способствовала крайняя нестабильность государства Хулагидов, наступившая после смерти Абу Саида, не оставившего прямого потомства. «После... смерти государя державу уже нельзя было предохранить от распада», — пишет В. В. Бартольд [79, VII, 481].

Описание Ибн Баттутой государства сарбедаров уникально (как и многие другие разделы его «Путешествия»), поскольку об этом движении сохранилось крайне мало информации, исходящей от очевидцев.

Биографические сведения о самом Ибн Баттуте весьма бедны. Несмотря на широкую популярность знаменитого путешественника, в арабских исторических источниках о нем можно найти лишь две краткие заметки: одну в знаменитом «Введении» Ибн Халдуна [48, 143—144], другую — в биографическом словаре Ибн Хаджара ал-Аскалани³, который в приводимой им биографической справке ссылается на данные своих современников: Ибн ал-Хатиба (ум. 1374) и Ибн Марзука (ум. 1448).

Пожалуй, наиболее полные сведения об Ибн Баттуте можно почерпнуть из его собственного труда, где изложены основные события его жизни и истории его путешествий.

Глава I

ЖИЗНЬ И ПУТЕШЕСТВИЯ ИБН БАТТУТЫ

Полное имя Ибн Баттуты¹ — Шамс ад-Дин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Абдаллах ибн Мухаммад ибн Ибрахим ибн Мухаммад ибн Ибрахим ибн Йусуф ал-Ла-

вати ат-Танджи. Он происходил из берберского племени лавата (илаватен) и родился в г. Танжере в 703/1304 г. Год рождения Ибн Баттуты можно определить из его слов: «Я покинул город Танджу, мою родину, во второй четверг месяца Аллаха раджаба „одинокого“ 725 г. (14 июня 1325 г.)... и было мне тогда двадцать два года» [25, I, 12—13]. Эта дата подкрепляется сообщением редактора «Путешествия» Ибн Баттуты Ибн Джузайи ал-Калби (ум. 1356), который, ссылаясь на свою беседу с Ибн Баттутой в Гранаде, пишет: «Абу Абдаллах сообщил мне в Гранаде, что он родился в Тандже в понедельник 17 раджаба 703/24 февраля 1304 г.» [25, I, 13].

Семья Ибн Баттуты принадлежала к средним городским слоям. Отец его был мелким *факихом* (мусульманским правоведом), по-видимому, не располагавшим достаточными средствами, чтобы дать сыну хорошее образование. Ибн Баттута, не рассчитывая на поддержку отца, решает на свой страх и риск отправиться в Мекку, чтобы слушать там лекции известных мусульманских ученых. Отважный, но бедный молодой путешественник пускается в путь пешком и в одиночестве добирается до Тлемсена. Затем Ибн Баттута дошел до Миллийны, присоединился там к группе тунисских купцов и вместе с ними направился через Алжир в г. Биджайя, где ему пришлось столкнуться с произволом местных чиновников и наместника правителя страны. Здесь путешественник заболел, но тем не менее решил продолжать путь.

С этого времени начинаются странствия Ибн Баттуты. Маршруты и хронология его путешествия подробно разработаны И. Грбеком, а также другими авторами (Ф. Бадави, Г. В. Милославский, см. [161, 409—486; 140; 115]), и мы не будем специально останавливаться на них. Но поскольку Ибн Баттута по праву считается одним из величайших путешественников домагелланова мира, мы опишем эти маршруты вкратце, чтобы дать представление о масштабе его путешествий.

Итак, несмотря на болезнь, Ибн Баттута двинулся дальше. С трудом добравшись до г. Константины, он своим изможденным видом и нищенской одеждой возбудил жалость правителя города Абу-л-Хасана, который подарил ему два динара и одежду.

Прожив некоторое время в Тунисе, довольно подробное описание архитектурных памятников которого он

оставил нам впоследствии, Ибн Баттута вновь отправился в путь. Через Сусу он поехал в Сфакс, где присоединился к каравану паломников.

В начале месяца джумада I 726/5 апреля 1326 г. караван достиг Александрии в Египте. Пробыв там несколько месяцев, Ибн Баттута подробно описал свои встречи с учеными и шейхами, события, связанные со столкновением мусульман и христиан, крепостные стены, ворота, башни и другие достопримечательности города.

Из Александрии Ибн Баттута поехал в Дамьетту и затем по Нилу поднялся в Каир. Восхищенный пышностью и великолепием столицы Египта, диаметр которой, по его словам, «составлял месячный путь» и которая «бурлила, словно взволнованное море, потоками множества людей всякого рода: ученых и глупцов, бедных и богатых, мудрых и низких, дурных и добрых», Ибн Баттута на несколько месяцев задержался в Каире. Он подробно описал Каир, его мечети и медресе, пирамиды, реку Нил, изложил биографию правителя Египта мамлюка Насир ад-Дина и его приближенных, известных кадиев и военачальников. Хотя до нас дошло много исторической литературы о периоде правления в Египте династии мамлюков, рассказы нашего путешественника о Египте первой половины XIV в. заслуживают внимания своей объективностью и простотой, а также множеством характерных подробностей (например, он приводит данные о налогообложении в Египте, которое поразило его своими размерами).

Уже здесь, на первом этапе путешествия, определилась направленность интересов Ибн Баттуты, получившая во время дальнейших странствий еще более яркое выражение: в первую очередь его интересовали люди, а уже потом местные достопримечательности. На эту особенность, отличавшую его от многих путешественников, неоднократно обращали внимание исследователи. Так, польский востоковед А. Зайончковский считает, что девизом путешествий Ибн Баттуты следовало бы взять арабское изречение: «Сначала сосед, а потом дом, сначала товарищ (по путешествию), а потом дорога» [14, XIV].

Ибн Баттута покинул Каир с караваном паломников, продолжая свое путешествие в Мекку и двигаясь вдоль Нила; он посетил ряд городов в Верхнем Египте,

наконец достиг порта Айзаб на Красном море, где паломники собирались сесть на корабль, отправляющийся в Джидду, но это им не удалось, и караван вернулся в Каир.

В марте 1326 г. путешественник отправляется в Сирию [25, I, 111]. По дороге в Дамаск Ибн Баттута побывал во многих городах Сирии и Ливана. Он посетил Алеппо, Хомс, Хаму, Маарру, Бейрут, Иерусалим, Антиохию, Латакию, Триполи и наконец добрался до Дамаска. Во время пребывания в Дамаске Ибн Баттута прослушал лекции ряда известных законоведов и получил право преподавать важнейший из сборников хадисов (хадис — предание о словах или поступках пророка Мухаммада) — «Ас-Сахих» ал-Бухари [25, I, 248].

В августе 1326 г. Ибн Баттута с караваном паломников вновь направился в Мекку, куда прибыл через год после того, как покинул родину. Совершив все необходимые обряды паломничества и получив почетный титул *хаджжи*, Ибн Баттута решил остаться там на некоторое время. Пребывание в Мекке предопределило дальнейший маршрут его путешествий. Познакомясь с паломниками из разных стран, Ибн Баттута слушал описания различных неизвестных ему стран. Особенно поразили его воображение рассказы о «сказочной Индии». Ибн Баттута стал мечтать о дальних путешествиях, желая, как он рассказывал позже, «посмотреть мир, радуя сердце, увидеть разные диковины, услышать о чудесах, получить обширные познания, познакомиться с интересными людьми, испытать судьбу». Новый план путешественника начинает осуществляться на обратном пути из Мекки. Оттуда он направился в Ирак (в специальном паланкине в качестве личного гостя эмира каравана). Путь багдадского каравана проходил через Неджд, а оттуда по главному тракту транзитной дороги в Ирак. В Неджефе караван разделился на две части. Совершив соответствующий обряд паломничества к гробнице «повелителя правоверных», четвертого халифа Али в Неджефе, основная часть каравана двинулась в Багдад. Ибн Баттута не присоединился к этой группе, а отправился через Васит в Басру. По дороге он посетил ряд городов Ирака.

Пребывание Ибн Баттуты в Ираке было плодотворным — он оставил нам прекрасное описание Неджефа, Васита, Басры, нравов и обычаев, духовной и культурной жизни населения этих городов.

Пребывание Ибн Баттуты в Ираке знаменательно и встречами со многими людьми, которые окончательно укрепили в нем решение посетить Индию. В Басре путешественник нанял лодку, на которой поплыл до Убулы, а оттуда перебрался в г. Абадан. Далее Ибн Баттута собирался отправиться в существовавший в то время на Персидском заливе порт Хормуз, а оттуда — морем в Индию. Однако, как явствует из его рассказов, в которых мелькают жалобы на усталость, отсутствие средств и необеспеченность, он вынужден был на этот раз переменить свой маршрут. В это время он «принял за правило, если это возможно, не проходить по одной и той же дороге два раза» [25, II, 21].

В Абадане Ибн Баттута сел на судно, направлявшееся в Маджул (Махшахр), и через четыре дня благополучно добрался до этого порта. Он провел там один день, нанял верблюда и после трехдневного пути по пустыне добрался до Рамиза (Рамхормуза). Затем Ибн Баттута направился в Шуштер (Шустер) через Лурскую степь. Из Шустера он перебрался в г. Изадж, который был в то время столицей лурских атабесков. Покинув Изадж, Ибн Баттута продолжил путь и доехал до небольшого города Макбарат ас-салатин, а через десять дней прибыл в Исфахан. В Исфахане он провел несколько дней и оставил нам интересное описание города, рассказав о постоянных столкновениях между шиитами и суннитами и о той значительной роли, которую играли в общественной жизни города ремесленники. Из Исфахана путешественник двинулся в Шираз. Благодаря покровительству известного богослова и ученого шейха Маджд ад-Дина Ибн Баттуте открылся доступ ко всем выдающимся ученым, политическим и религиозным деятелям Ширази. Здесь Ибн Баттута получил свидетельство о том, что он является судьей двух толков — малакитского и шафитского, это сослужило ему добрую службу во время последующих странствий. Ознакомившись с Ширазом, Ибн Баттута оставил ценные сведения об общественной и культурной жизни этой части Ирана, биографии многих политических деятелей, рассказал о распространении шиизма и попытках объявить его официальной религией в этих местах и т. д.

Несмотря на горячее желание посетить Индию, Ибн Баттута и на этот раз не удалось сделать этого. Покинув Шираз, он через Казерун, Зайдан, Хувайзу вернулся в Ирак, в г. Куфу. Совершив из Куфы паломничество

во в шиитские святые города Хиллу, Кербелу, Казимаин, путешественник отправился в Багдад. Основательно ознакомившись с Багдадом, который «представлял собой по сравнению с его славным прошлым грудю развалин», описав уцелевшие мечети и медресе, гробницы халифов, знаменитых ученых, Ибн Баттута, получивший доступ ко двору, рассказывает также о султани Абу Саиде [25, II, 114—123]. Через некоторое время Ибн Баттута вместе с лагерем султана покинул Багдад и направился в Тебриз. Здесь ему была вручена султанская грамота, в которой тот повелевал оказывать помощь путешественнику. С этим охранным письмом Ибн Баттута возвращается в Багдад, посетив по пути Мосул, Диар-Бекир, Синджар, Самарру, Дара, Мардин и многие другие города и населенные пункты, описав, в частности, нефтяные промыслы. Получив у эмира Багдада Хадж Масруфа верблюда и «дорожные припасы, воду и пищу на четверых», путешественник с ежегодным караваном паломников вновь отправился в Мекку, где он провел весь 1329 год и сезон паломничества 1330 г. В Мекке он был свидетелем волнений, которые произошли осенью 1330 г.

В начале ноября Ибн Баттута покинул «мать городов» и двинулся в Йемен. Он прибыл в порт Джидду на Красном море, где сел на корабль, направлявшийся в Айзаб. Однако на третий день плавания ветер изменился и отнес судно к бухте Рас Даваир. Ибн Баттута отправился дальше по суше с бедуинами. Прибыв через два дня в Савакин, путешественники вновь сели на корабль и поплыли по Красному морю, теперь уже в обратном направлении. Через шесть дней корабль достиг крупного портового йеменского города Хали. Пробыв в Хали несколько дней у правителя города, путешественник снова сел на корабль и благополучно добрался до г. Забид, расположенного в сорока фарсах от Саны. По дороге в Сану он посетил тогдашнюю столицу Йемена Таизз, который был «одним из крупнейших и красивейших городов Йемена». Правитель Йемена, султан Нур ад-Дин Али ал-Муджахид принял путешественника и подарил ему коня. Воспользовавшись случаем, Ибн Баттута побывал и в Сане, откуда переправился в Аден, а оттуда снова через Красное море в африканский портовый город Зайла. Пробыв там четыре дня, путешественники поплыли на юг по Индийскому океану, вдоль Африканского материка в г. Килву.

Это путешествие Ибн Баттута описывает довольно кратко, но тем не менее сообщает ряд интересных сведений о виденных им землях: миновав сомалийский берег, корабль бросил якорь в Могадишо. «У жителей его множество верблюдов, которых они ежедневно режут сотнями. У них также много баранов, и они богатые торговцы. В Могадишо делают прекраснейшие ткани, которые вывозят в Египет и другие страны» [25, II, 183]. Ибн Баттута называет Могадишо важнейшим городом всего побережья и сообщает интересную деталь о его правителе: «По происхождению он бербер и разговаривает на языке макдиш» [25, II, 183]. Современными исследователями установлено, что действительно у жителей Могадишо в средневековье был распространен собственный язык, которым они пользовались параллельно с арабским. Интересна и другая деталь. Если арабский географ Йакут, живший в конце XII — начале XIII в. сообщает, что у жителей Могадишо «нет правителя, а делами их ведают старейшины» [56, IV, 602], а об арабах, населяющих город, пишет: «У них нет султана, и каждая группа повинуетя своему старейшине» [56, I, 502], то Ибн Баттута утверждает, что городом управляет султан. «Мы прибыли на большой остров Манбас,— рассказывает далее Ибн Баттута о Момбасе,— лежащий в двух днях плавания от страны санахилей... Остров не имеет своих территорий на материке. Растут там бананы и лимоны. Жители собирают также плоды растения, очень похожего на оливу... Они не занимаются земледелием... большая часть их пищи состоит из бананов и рыбы... Зерно им привозят из страны Савахиль» [25, II, 191—193]. Под страной Савахиль подразумевается часть побережья современной Кении. Известно, что в средневековье там существовали крупные города-государства, населенные смешанным арабо-негроидным (банту) населением, которое позже составило ядро народа суахили. «Там (в Момбасе) мы провели ночь. Затем вышли в море и поплыли к большому городу Кулуа, расположенному на побережье, где живут в основном зинджи с необычайно черной кожей... Кулуа один из прекраснейших и наиболее благоустроенных городов. Построен он целиком из дерева» [25, II, 191—193]. Судя по сообщениям Ибн Баттуты, жители Килвы (Кулуа) исповедовали ислам и даже вели священную войну со своими соседями — «неверными».

«В Кулуа мы сели на корабль, который направлял-

ся к городу Зафар... Он находится на окраине Йемена у Индийского океана. Оттуда вывозят лошадей в Индию. При попутном ветре это плавание длится целый месяц. Я сам плывал дважды в Зафар из индийского города Каликут, и это заняло 28 дней» [25, II, 191].

Из Зафара Ибн Баттута направился дальше морем на север. Посетив по пути порт Хасик, вулканические острова Луман, Птичий остров (Джазират ат-Таир) и еле избежав кораблекрушения, он прибыл в портовый город Сур (Тир). Из Сура по суше с большим трудом и лишениями, пешком добрался до г. Калхат, а оттуда после шестидневного пути через пустыни Омана путешественник через Персидский залив достиг Хормуза, где был принят его правителем.

«Книга путешествий» является одним из наиболее полных источников по истории Хормуза в XIV в. Во времена Ибн Баттуты Хормуз играл роль крупнейшего порта Персидского залива. Город был известен еще в эллинистическую эпоху, но значение транзитного морского порта приобрел после завоевания его арабами.

На островах Персидского залива Ибн Баттута наблюдал за работой ловцов жемчуга, побывал в Бахрейне, а также в Кутайфе, ал-Хасе и Йемаме. В Йемаме он присоединился к каравану некоего эмира Тумайла и вместе с ним в третий раз отправился в паломничество в Мекку. Октябрь и начало ноября 1332 г. он провел в Мекке и по окончании сезона паломничества выехал в Джидду, чтобы оттуда через Йемен по Индийскому океану переправиться в Индию. «Однако,— говорит с грустью путешественник,— я не нашел себе спутника, а средств для путешествия у меня не было» [25, II, 250—251].

Наконец путешественник решил на небольшом суденышке переправиться на африканский берег Красного моря, в порт Айзаб. Однако ветер и на этот раз занес его в Рас Даваир, откуда он с большим трудом добрался до Айзаба, а затем в третий раз по берегам Нила поднялся в Каир.

Прибытием в Каир заканчивается первый этап путешествия Ибн Баттуты, связанный со странами Ближнего Востока, Восточной и Северной Африки. Характер путешествий этого этапа можно определить вполне однозначно как мусульманское паломничество, посещение мест, широко известных в это время в арабском мире и ставших, пожалуй, традиционными.

Дальнейшие странствия — это совершенно новый этап, на котором Ибн Баттута предстает перед нами уже не как паломник, а как пылкий и наблюдательный путешественник, одержимый жаждой повидать все новые и новые страны. Круг его интересов становится шире, основное внимание путешественника теперь обращено прежде всего к людям [115, 38—39]. Если предыдущие путешествия ограничивались сравнительно небольшим географическим районом, то теперь он проходит огромные расстояния по суше и по морю. Часто за ним следует караван с женами, наложницами, рабами и рабынями, нагруженный тюками с товарами. В каждый новый город он прибывает как богатый купец, ведет там торговые сделки, а иногда и задерживается на некоторое время, поступив на службу к местному правителю.

Целью нового путешествия была Золотая Орда, достичь которой можно было, пройдя Сирию и Малую Азию и переправившись через Черное море.

Пробыв на этот раз в Каире всего несколько дней, он через Билбайс направился в Сирию. Снова посетив Хеброн, Иерусалим, Рамлу, Триполи, Джабели, он добрался до Латакии. «В Латакии мы сели на большой корабль,— рассказывает дальше Ибн Баттута, принадлежавший генуэзцам. Имя его владельца было Мартоломин (Бартоломис). Мы направились в страну туркоман, известную нам как Земля румийцев (*билад ар-Рум*)... Таким образом Ибн Баттута добрался до Анатолии, где побывал во всех крупных городах, посетил правителей и эмиров, кади и ученых, к нему всюду относились с большим интересом и уважением.

Ибн Баттута рассказывает о гостеприимстве членов цеха или ордена братства ахи, в подворьях которого он часто останавливался. Он оставил подробное описание структуры и организации ордена².

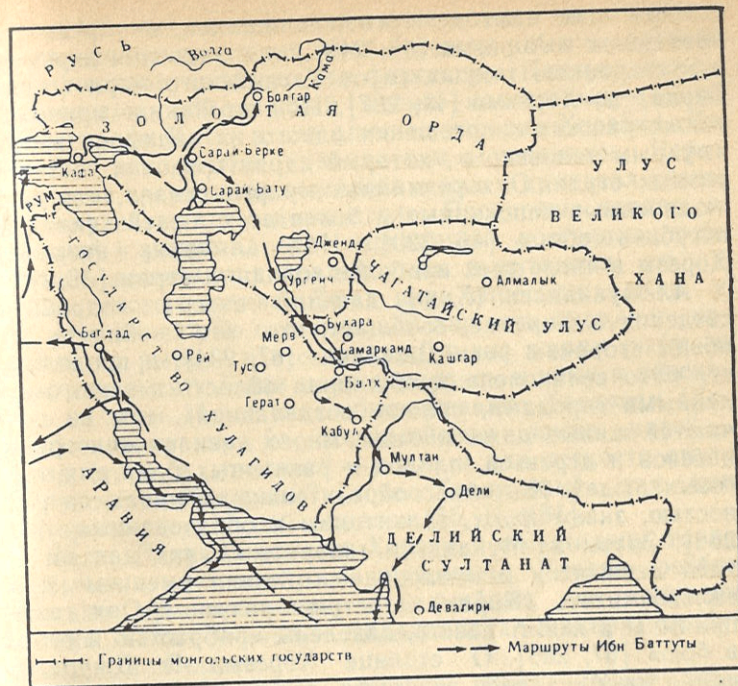
В Малой Азии Ибн Баттута побывал в городах Алеппе, Анталии, Бурдуре, Сабарте, Кайсари (Кайсери), Сивасе, Амасье, Эрзуруме, затем продолжил свой путь по западным границам турецких владений и в конце 1331 г. достиг Синопа — портового города на Черном море. Оттуда в начале 1332 г. путешественник прибыл на корабле в окрестности Керчи. «Место, куда мы прибыли,— рассказывает Ибн Баттута,— называется Дашт-Кипчак. *Дашт* по-тюркски обозначает степь. Эта степь от края до края покрыта зеленью и благодатна, но

там нет деревьев. На всем пространстве степи не найти ни гор, ни холмов, ни строений, ни дров... В этой степи путешествуют на телегах, и протяженность ее равна шестимесячному пути: три месяца пути во владениях султана Мухаммада Узбека и три месяца в других владениях» [25, II, 355—357].

Из Керчи путешественник отправился в порт Кафу (Феодосию), а оттуда в Солдайю (Судак) и г. Солхат (Старый Крым), затем по западному побережью Азовского моря он добрался до г. Азак (Азов) и оттуда перебрался в г. Маджар. Здесь, узнав о том, что султан Узбек-хан находится на летовке в местности Биштаг (Пятигорье), он направился туда, а затем вместе со ставкой султана в г. Хаджи-Тархан (Астрахань). В городе Астрахани, который служил осенней резиденцией султана Узбека, путешественник провел некоторое время и, узнав о том, что одна из жен султана — византийская принцесса Байалун отправляется на родину, в Константинополь, решил примкнуть к ее свите. 18 сентября 1332 г. Ибн Баттута в свите царицы Байалун прибыл в Константинополь, который произвел на него большое впечатление. Ибн Баттута провел в Константинополе 36 дней и 24 октября 1332 г. покинул его с большими почестями и щедрыми дарами императора. Не останавливаясь более, через Южную Россию он поехал в Астрахань и, не застав там Узбек-хана, отправился в столицу Золотой Орды — Сарай-Берке.

Из Сарая Ибн Баттута предпринял кратковременную поездку в Булгар. «Я захотел совершить поездку туда, — пишет он, — дабы самому убедиться в услышанном, увидеть короткую ночь в одно время года и короткий день — в другое» [25, II, 398]. Там он составил маршрут путешествия на Печору (в «страну мрака»), но из-за большой опасности отказался от него и возвратился в Сарай. Путешественник пробыл в столице Золотой Орды — Сарай-Берке всего несколько недель и в середине января 1333 г. направился оттуда в Хорезм, северную провинцию Средней Азии. По его словам, он провел в пути «сорок дней» и наконец прибыл в Ургенч, столицу Хорезма, поразивший его богатством природы и оживленной торговлей.

Описание средневекового Хорезма встречается во многих арабских географических произведениях. Например, Ибн Хордадбех (IX в.) в своей книге «Китаб ал-Масалик ва-л-Мамалик» («Книга путей и госу-

Маршрут путешествий Ибн Баттуты по Средней Азии

дарств») посвятил Хорезму скупые строки: «Налево (по левому берегу) — Мерв и Хорезм» [51, 33]. В книге Ибн Хордадбега имеются такие краткие данные о налоге (харадже), который в то время взимался с Хорезма вместе с округом Курдак: «С Хорезма и Курдака 498 000 хорезмийских дирхемов» [51, 38]. Автор «Китаб ал-Масалик ва-л-Мамалик» упоминает о титуле правителя Хорезма [51, 40], о том, что через территорию Хорезма протекает р. Джайхун [51, 173], перечисляет округа Хорасана, называя Хорезм [51, 243], а также вскользь упоминает Хорезм, говоря о пограничных областях [51, 259], т. е. Ибн Хордадбех говорит о том, что было важно для практических целей.

Несколько более подробно описан Хорезм в сочинении автора X в. Ибн ал-Факиха «Китаб ал-булдан» («Книга стран»). Сведения этого автора более разнообразны: то он приводит стихи, где говорится о мехе, выделанном в Хорезме [46, 237], то упоминает о свя-

щенном огне «магов» — огнепоклонников, в древности обитавших в Хорезме [46, 246], то о зарослях деревьев и кустарников, тянувшихся от Каспийского моря (город Берда) до Хорезма [46, 297]. Ибн ал-Факих приводит также рассказ о посещении одного из халифов неким «мудрым человеком», который характеризовал жителей разных стран. О хорезмийцах мудрец сказал, что «эти люди самые непокорные и более всех людей склонны погубить себя...» [46, 320]. Ибн ал-Факих называет Хорезм в числе трех наиболее холодных стран [46, 229].

Ал-Мукаддаси (X в.), дающий весьма подробные сведения о Хорезме, сообщает, что это «область по обеим сторонам реки Джайхун» [67, 234], и продолжает: «Это великолепная обширная область с многочисленными городами, сплошь возделанная... там не кончаются жилые дома и сады, много давлен виноград, посевов и деревьев, плодов и различных благ для торговых людей. Жители сообразительны, отличаются ученостью, знают *фихх*, талантлив и образован» [67, 284]. Затем ал-Мукаддаси говорит: «Аллах дал им в удел дешевизну и плодородие, отличил умением правильно читать (Коран) и острым разумом. Они гостеприимны и любят поесть, наделены храбростью и силой в бою» [67, 285]. О столице Хорезма — г. Джурджанийя ал-Мукаддаси сообщает, что он стоял на самом берегу реки [67, 288]. Географ рассказывает также о дворце, построенном ал-Мамуном в Джурджанийе, и о его замечательных воротах [67, 288].

Автор широко известного географического словаря «Муджам ал-булдан» («Словарь стран») Иакут ал-Хамави (XII—XIII вв.) приводит легендарные сообщения о Хорезме, взятые им у Ибн ал-Калби, затем, ссылаясь на Птолемея, указывает местоположение Хорезма, говоря, что Хорезм находится «в шестом климате», называет созвездия, соответствующие ему. Однако далее уже со ссылкой на «Зидж» Абу Авна утверждает, что Хорезм находится в конце «пятого климата», и приводит при этом несколько иные координаты [55, II, 480—481].

Упомянув о том, что Хорезм, в сущности, название не города, а области, Иакут называет столицу области ал-Джурджанийя и говорит о ее истории, этимологии слова *хорезм*:

«Рассказывают, что Хорезм назван подобным именем потому, что один из древних царей разгневался на четырехсот жителей его царства, и особенно на сво-

их придворных, и приказал сослать их в место, далекое от всяких поселений, чтобы между ними и населенными местами пролегло сто фарсахов. Нашли только один уголок, обладающий этими качествами, — место возле города Кята, а это один из городов Хорезма. Их привезли в то место, оставили там и удалились. Через некоторое время царь вспомнил о них и приказал своим людям узнать, что с ними стало. Посланные явились в тот край и увидели, что изгнанники построили себе хижины, занимают ловлей рыбы и питаются ею, а кругом много топлива. Люди царя спросили: „Как у вас идут дела?“ Те ответили: „У нас есть мясо, — и показали на рыбу, — и это топливо, и мы жарим рыбу и этим питаемся“. Люди царя вернулись к нему и рассказали об этом. И это место было названо *Хаваризм* (Хорезм), потому что на хорезмийском языке „мясо“ — *хавар* (*хар*), а „топливо“ — *ризм*; и для легкости стали произносить „Хаваризм“ (а не Хаварризм), так как повторение звука „ра“ тяжело» [55, II, 481].

Далее Иакут описывает Хорезм и его столицу, город и обычаи его жителей, их внешность. Уделяя особое внимание происхождению хорезмийцев, он приводит мнения многих ученых — Абдаллаха ал-Факира, ал-Мукаддаси, ал-Бируни.

О столице Хорезма — Ургенче Иакут пишет: «Хорезм — это не название города, а название всей области. Что же касается главного города, то сейчас его называют Джурджанийя, как я упомянул в своем месте. А здешние жители называют его Куркандж» [55, II, 480]. Куркандж — отражение в арабской графике названия Гургенч. Рассказав об истории основания города, Иакут продолжает описание: «В этой области они построили дома и дворцы, их количество умножилось, они распространились в этих краях. Они построили селения и города, с ними стали считаться жители близлежащих городов Хорасана, которые приходили к ним и селились у них. Жители Хорезма умножились и прославились, и Хорезм стал прекрасной, процветающей областью. Я приезжал туда в 616 году (1219-20 г.) и нигде не видел области, более заселенной и процветающей. Она сплошь возделана, селения ее расположены одно за другим, там много отдельно стоящих домов и замков в степи. Редко когда ты увидишь в *рустаках* (сельских районах. — Н. И.) этой области незастроенное и невозделанное место. При этом там множество де-

ревьев, большей частью тутовых, так как они (жители.— *Н. И.*) нуждаются в них для своих построек и чтобы кормить шелковичных червей. И нет никакой разницы между тем, кто проходит по всем их рустакам, и тем, кто идет по рынкам... Большая часть поселений Хорезма — города с рынками, богатыми товарами и лавками, и редко найдешь селение, в котором не было бы рынка» [55, II, 482].

щения, о ценах в Мавераннахре, в Хорезме и в его столице Ургенче, подробно описывает характер жителей: «В этой области имеются из зерновых пшеница, ячмень, рис и другие злаки... различные фрукты... лучшие сорта бухарские и самаркандские, хотя хорезмский еще лучше и вкуснее...» [75, 47]. Далее ал-Умари превозносит гостеприимство хорезмийцев [75, 42—43], говорит об обилии странноприимных дворов, медресе, где принимали и кормили их; «Если к жителям этой страны явится путник, они спорят из-за него и соревнуются в гостеприимстве, тратя деньги, как другие люди соревнуются в накоплении денег» [75, 43]. Сухостью и деловитостью отличается его рассказ о рынках Ургенча, являющий контраст живому, непринужденному рассказу Ибн Баттуты; «Цены в этой области (Хорезме) крайне дешевые, кроме Ургенча, столицы Хорезма, которую иногда называют Хорезмом. Там цены на зерно держатся или высокие, или средние, но дешевизна там неизвестна. Что до мяса, то оно очень дешево...» [75, 68].

султан. Там их казна и тюрьма... Соборная мечеть находится в городе, она имеет несколько дворов, все они чистые... Рынки города обладают ценными товарами, а в *рабаде* десять больших дорог... и нет в этой части света города более благоустроенного и оживленного... Там человек найдет лучшую еду, прекрасные бани, широкие улицы, свежую воду и красивые постройки...» [67, 280—281].

Даже краткие выдержки из описания ал-Мукаддаси позволяют составить впечатление об оживленном и многолюдном городе, который автор сравнивает с такими крупными городскими центрами, как Фустат и Дамаск.

Если обратиться к описанию Иакута, сделанному им непосредственно перед монгольским нашествием, то мы увидим, что он, говоря о Бухаре, как и в других местах своего труда, стремится дать наиболее полное впечатление об этом городе, используя различные источники. Иакут пишет: «Несомненно, что это город очень древний, где много садов и хороших фруктов. В мое время бухарские фрукты вывозились в Мерв, до которого 18 переходов, в Хорезм, до которого более 15 дней (пути)... Сказал автор книги „Китаб ас-сувар“: Что касается красоты земель Мавераннахра, то я не видел и не слышал, чтобы среди стран ислама был город, имеющий лучший внешний вид, чем Бухара, потому что, если ты поднимешься на ее крепость, ты со всех сторон увидишь только зелень, сливающуюся с голубизной неба... и нет в Мавераннахре и Хорасане страны, жители которой лучше умели бы возделывать свои земли, чем жители Бухары... Говорит автор книги (т. е. книги „Китаб ас-сувар“, которую цитирует Иакут): Что касается Бухары... то это город на ровной земле и его постройки имеют каркас из дерева. А все жилища — замки, сады, лавки, мощеные дороги и непрерывно тянущиеся селения — окружает стена длиной 12 фарсахов, объединяющая эти замки, постройки, селения и центр города. И там ты не увидишь ни пустого места, ни развалин. А помимо этой стены... у прилегающих к ней дворцов, жилых домов, лавок и садов, которые принадлежат городу и где жители проживают зимой и летом, есть другая стена, окружающая их... И нет во всем Мавераннахре города более многолюдного, чем Бухара...» [55, I, 517—518].

Столь же подробным и аргументированным, с обиль-

ными ссылками на письменные источники, выглядит описание Бухары, сделанное ал-Умари [75, 50—51, 54]. Особенно поражен был ал-Умари тем, что, как он пишет, в одном только селении Пайканд имеется 1000 рабатов [75, 54].

Ибн Баттута Бухара не понравилась. Он с возмущением пишет: «Этот город когда-то был столицей городов, которые находятся за рекой Джайхун, и проклятый татарский Тингиз (Чингиз)... разрушил его, так что сейчас его мечети, медресе и базары в развалинах, за исключением немногих. А жители унижены, их свидетельство не принимается в Хорезме и других странах из-за того, что они известны своим фанатизмом, лживыми притязаниями и отрицанием истины. В настоящее время среди людей там нет никого, кто был бы сведущ в науке, и никого, кто проявлял бы внимание к ней» [25, III, 22].

Эти слова марокканского путешественника резко контрастируют с рассказом ал-Умари, восхваляющего жителей Бухары за их «знание *фикха*, веру и верность, добронравие и приветливость, расточение добра и свершение благих дел» [75, 54]. Ал-Умари пишет так, будто губительного нашествия, периодических разрушений Бухары, разрухи не было вовсе — он основывается на известных ему источниках, рисующих Бухару, как «процветающий город», в то время как Ибн Баттута полагается главным образом на собственные глаза. Возможно, правда, что его раздраженный тон вызван недостаточно почтительным приемом.

Кому же верить? Если Марко Поло, автор, совершенно не зависящий от арабской географической традиции, пишет, что Бухара — «город большой, величайший... Во всей Персии Бухара самый лучший город» [70, 45], то самый надежный источник — бухарские документы XIV в. [78] рисуют картину разрухи, царящей в Бухаре в это время, подтверждая слова Ибн Баттуты: «В числе угодий ее бухарской деревни (Форакан.— Н. И.) вновь посаженные сады и много земель, которые не сосчитать ввиду их многочисленности и утраты межевых отметок. Все они пригодны для обработки и посева, а в числе усадеб ее — один высокий холм, ныне находящийся в запустении, а на нем пустые площадки бывших зданий и домов... Первая ее (деревни Форакан) граница, восточная, идет вдоль солонцового вала, [что] служит рубежом между пустошью Ушмюна и Форакан-

ном, до той пустоши... [Затем восточная граница идет] вдоль того же малого канала на протяжении двух пор³ земли до этой пустоши Форакана...» [78, 119—120]. Упоминание пустоши, вновь проведенных (после разрушения) каналов, восстановленных садов встречается на каждом шагу в бухарских документах XIV в., представляя противоположность рассказам о сплошных садах и посевах, тянувшихся от Бухары до Самарканда, где нельзя было встретить незастроенного и неводеланного места. Далее документы сообщают: «Еще [обратил он в вакф] целиком деревню Ушмиюн из бухарских деревень района, орошаемого каналом Навхас... А ее усадьбы стоят на одном высоком холме, который теперь находится в запустении. В старину на нем были разные постройки, в том числе мечети, здания, амбары и дома кадиваров, а теперь все превратилось в пустыри» [78, 137] и т. д.

Ознакомившись с Бухарой, Ибн Баттута направился в г. Нахшаб, где находилась резиденция султана Тармаширина. Он посетил также Самарканд, который еще хранил остатки своего прежнего величия, уцелевшие от эпохи до разрушения города монголами.

Описания домонгольского Самарканда сохранились во многих произведениях средневековой географической и исторической литературы. Так, в одном из наиболее ранних арабских описаний города, содержащемся в произведении Ибн ал-Факиха «Китаб ал-булдан», говорится: «Самарканд построил Искандар (Александр Македонский), окружность его стен двенадцать фарсахов. У него двенадцать ворот, и от ворот до ворот расстояние в один фарсах. На вершине стены бойницы и башни для войны. Все двенадцать ворот — деревянные, двустворчатые. В дальнем конце еще двое ворот, а между ними жилище стражи ворот. А когда ты пройдешь посе́вы, то остановишься в *рабаде*, где имеются постройки. *Рабад* и орошенные земли тянутся на шесть тысяч джарибов, и стена окружает *рустаки*, сады и бахчи, и эти двенадцать ворот в этой стене. Затем ты попадаешь в город, который тянется на пять тысяч джарибов. Там четверо ворот... затем ты входишь во внутренний город, площадь которого две тысячи пятьсот джарибов. В этом городе соборная мечеть, *кухандиз* и резиденция правителя. В городе есть проточная вода. А внутри большой стены есть реки и каналы. У *кухандиза* железные ворота в начале и в конце...» [46, 326].

Далее Ибн ал-Факих помещает полулегендарные сведения, которые повторяют вслед за ним другие авторы, о том, что Самарканд был застроен (очевидно, уже после Александра) царем тубба (йеменским доисламским царем) [46, 326—327]. Ссылаясь на знаменитого филолога ал-Асман (ум. 830), Ибн ал-Факих пишет далее: «На воротах Самарканда написано по-химьяритски: „Между этим городом и городом Сана тысяча фарсахов, и между ним, Багдадом и Ифрикией тысяча фарсахов...“» [46, 326]. Ранее название города возводится к имени одного из „тубба“, якобы разрушившего город, Шамиру (или Шамру) ибн Африксу [46, 25]. Ибн ал-Факих много раз упоминает о Самарканде при определении *мархид* (переходов), называет расстояние от Самарканда до других городов и областей [46, 337, 330, 104 и др.], говорит о том, что округу Самарканда, его сады можно сравнить лишь со знаменитой дамасской Гутой⁴, славящейся своими садами: «Сказал Йахйя ибн Аксам: нет на земле мест приятнее, чем три места — крепость Самарканда, дамасская Гута и река в Убулле, Ирак» [46, 236]. Автор «Китаб ал-булдан» сообщает, что на воротах Самарканда имелась таинственная надпись (здесь он не указывает, на каком языке), подобная надписям на воротах Гумдана в Йемене, на колонне, стоящей на берегу Нила и так далее [46, 245]. Мы видим у Ибн ал-Факиха характерное для средневековья переплетение реальных, достоверных сведений с легендарными. Из сообщений Ибн ал-Факиха интересно упоминание о самаркандской бумаге как о всемирно известном продукте экспорта [46, 251]. Действительно, Самарканд снабжал бумагой писцов и литераторов всего Халифата.

Весьма подробно рассказывает о Самарканде также и ал-Истахри [52], называя четверо ворот: «Китайские ворота с восточной стороны, ворота Наубахар с западной стороны, Бухарские ворота с северной стороны, Кешские — с южной стороны» [52, 316].

Он говорит далее о том, что «вода в Самарканд течет по свинцовой трубе, а вокруг города глубокий ров, земля из которого использована при постройке городской стены» [52, 316], что этот водопровод проходит посреди рынка в месте, называемом Рас ат-Так (т. е. «вершина арки»), которое является самым оживленным местом в городе [52, 317]. Повсюду, описывая Самарканд, ал-Истахри указывает на обилие в городе са-

дов и зелени, на большое число рынков, центр которых находился в Рас ат-Так [52, 317]. Ал-Истахри пишет: «Центр рынков Самарканда — Рас ат-Так, к которому примыкают улицы, рынки, лавки, вдвое больше, чем все эти дворцы и сады. И нет ни улицы, ни дома, в которых не было бы сада. Если же ты поднимаешься на верх крепости, то не видишь города (т. е. зданий.— Н. И.), так как все закрыто садами и деревьями. Большая часть рынков находится в *рабаде*, там же идет главная торговля, и только немногие торгуют во внутреннем городе. Этот город — гавань Мавераннахра, центр, где собираются купцы. Большая часть товаров Мавераннахра попадает в Самарканд, а оттуда уже расходится по другим областям. Резиденция эмира Мавераннахра была в дни Исмаила ибн Ахмада в Самарканде, и он перевел ее в Бухару» [52, 317—318]. Ал-Истахри также повторяет сообщение о какой-то таинственной надписи на химьяритском языке, имеющейся на Кешских воротах [52, 318]. Он восхваляет плодородие самаркандской почвы, а жителей хвалит за красоту и храбрость [52, 318]. Он упоминает также, что Самарканд был крупным рабовладельческим центром Мавераннахра и что обучение рабов и работорговля приносили местным купцам большой доход [52, 318].

Не менее восторженные отзывы о Самарканде имеются у других географов. Ибн Хордадбех, например, приводит персидские стихи, воспевающие Самарканд [51, 26, 176, 262], дает краткое описание города и приводит расстояние от него до других городов Мавераннахра [51, 26], говорит о его истории и титуле его правителя [51, 20], повторяет рассказ об основании Самарканда Александром Македонским [51, 365]. Упоминание о Самарканде, как и о других городах Средней Азии, содержится у Ибн Хаукала в его книге «Китаб ал-ард» [50].

Сходные сведения сообщает Ибн Руста, который относит, согласно установившейся у средневековых географов традиции, города Мавераннахра к «четвертому климату» [44]. Подробное и довольно интересное описание Самарканда имеется в «Китаб ал-булдан» ал-Иакуби [54]. Иакуби пишет: «От Кеша до великого города Согда четыре перехода. Он самый населенный и благоустроенный из них. Там самые сильные богатыри и стойкие воины...» [54, 293]. Далее Иакуби приводит некоторые данные по истории Самарканда: «Его

завоевал Кутайба ибн Муслим ал-Бахили (начало VIII в.) в дни халифа ал-Валида ибн Абд ал-Малика (705—715), он заключил мир с его дехканами и царями. Город был окружен большой стеной, но она разрушилась, и ее построил (вновь) ар-Рашид (786—809), повелитель правоверных. Там есть большая река, которая идет из страны тюрков, как Евфрат, ее называют «Насиф» («Иасиф») (издателем не идентифицировано название реки, поэтому не уточнены диакритические знаки.— Н. И.). Эта река течет по земле Самарканда, а затем в страны Согда, потом в Усрушану...» [54, 293]. Иакуби говорит о том, что в долине этой реки (Зарафшан) находят золото [54, 294] и что там имеются также, как и в других местах в Мавераннахре и Хорасане, поселения арабов из племен мудар, раби и «других йеменских племен» [54, 294].

Краткие упоминания о Бухаре и Самарканде содержатся в «Худуд ал-алам», где о Самарканде говорится, что это «большой, процветающий и очень приятный город, где собираются купцы со всего мира. Он имеет город (т. е. центральную часть города, *шахристан*.— Н. И.), крепость и предместья» [77, 113]. Далее говорится об имеющемся в Самарканде манихейском монастыре и о том, что Самарканд — центр производства знаменитой во всем мире бумаги [77, 113, 352].

Ал-Умари в основном использует сведения, приводимые автором «Ашкал ал-ард», рисуя Самарканд процветающим городом: «Что касается Самарканда, то это высокий город, имеющий крепость. Посмотрев на город, [человек] видит зелень деревьев, блеск дворцов, сливающиеся реки и светлые строения. И куда бы ни упал там взор, он вкусит усладу, и какой бы сад ты ни увидел — придешь в восхищение». Автор «Ашкал ал-ард» говорит: «Там кипарисы стрижены так, что походят на различных зверей — слонов, верблюдов, коров и разных диких зверей, бросающихся друг на друга...» [75, 55]. Или: «Сказал Муслим ибн Кутайба: „Когда я подъезжал к Самарканду, стали искать, с чем сравнивать его, и не нашли подходящего сравнения“. А я сказал: „Он подобен небу цветом, а его дворцы подобны звездам, сверкающим на небесах, а ручейки его подобны Млечному Пути!“ — И всем понравилось подобное сравнение» [75, 55].

Далее ал-Умари рассказывает о четырех воротах Самарканда, о многочисленных рынках, банях, постоя-

лых дворах и жилых домах. «В некоторых местах там,—продолжает ал-Умари,—[воздвигнут] холм посреди рынка, сделанный из камней, по которому протекает вода из места, которое называют ас-Саффарин («Медники»)» [75, 56]. Далее ал-Умари повторяет рассказ о «свинцовом канале» и рве вокруг Самарканда [75, 56], о йеменском царе и о химьяритской надписи на воротах города [75, 56—57].

Очень интересны слова ал-Умари о том, что Самарканд «остался услодой очей, несмотря на все постигшие его бедствия и нахлынувшие на него реки горести, несмотря на то, что поразило его ветви (бедствие), от которого седеют волосы, в дни Чингиз-хана и его потомков...» [75, 60].

Сквозь пышную рифмованную прозу, часто встречающуюся у ал-Умари в соответствии с требованиями стиля его времени, можно увидеть искреннее сожаление о разрушениях, постигших Самарканд, который он предпочитает дамасской Гуте, говоря, что она лишь «клочок согдийского Самарканда» [75, 60].

Выехав из Самарканда, Ибн Баттута направился в Термез, а потом переправился через р. Джайхун в Хорасан. Он описал город Балх, лежавший в то время в развалинах, необитаемый: «Кто видел Балх, невольно думал, что когда-то он был процветающим, с величавыми строениями, которые частично уцелели. Город этот был некогда огромным, занимал большую площадь. Следы его мечетей и медресе еще сохранились, так же как надписи на зданиях, украшенных лазуритом» [25, II, 398].

Далее Ибн Баттута посетил Герат. Он называет его большим, населенным городом Хорасана. Несколько страниц Ибн Баттута посвятил султану Герата Муизз ад-Дину ал-Курту: «Это великий султан Хусайн, сын султана Гийас ад-Дина ал-Гури; он сверхъестественно храбр, чувствуя за собой поддержку свыше, он испытывает свое счастье. Дважды он утомлялся поддержкой и помощи Аллаха, чему следует подивиться. Первый раз это было при его столкновении с султаном Халилем, восставшим против него. Последний в конце концов попал к нему в плен. Второй раз это было во время битвы против Масуда, султана рафидитов, которой (руководил) лично сам Хусайн и которая закончилась поражением Масуда, его бегством и потерей царства. Султан Хусайн вступил на престол по смерти своего

брата Хафиза, наследовавшего своему отцу Гийас ад-Дину» [25, III, 64].

В главе о Герате Ибн Баттута рассказывает также о происхождении власти сарбадаров, сумевших создать в Хорасане (в Сабзаваре и Нишапуре) независимое государство, существование которого длилось почти полвека. Ибн Баттута оставил нам довольно детальное описание, где с точки зрения человека более благожелательного, чем благочестивого, живо рисует реальную картину быта в государстве сарбадаров. Сведения Ибн Баттуты о движении сарбадаров представляют большой интерес для историков, так как нигде более не повторяются.

Все лето 1333 г. Ибн Баттута провел в странствиях по Северо-Восточному Ирану и Афганистану, побывал в древних городах Нишапуре, Мешхеде, Джаме, Бистаме и Кабуле, перевалил через хребет Гиндукуш и через Газни и пустыню, где «веет смертельный ветер самум», с караваном купцов направился в Индию. 12 сентября 1333 г. путешественник пересек р. Инд и достиг наконец Индии — страны, попасть в которую давно мечтал.

В Индии Ибн Баттута провел около восьми лет, находясь при дворе султана Мухаммада Туглака (1325—1351), который покровительствовал ученым, поэтам и писателям из других мусульманских стран. Здесь Ибн Баттута вскоре стал одним из приближенных султана и его матери Махдума Джехан. Султан дал Ибн Баттуте во владение несколько деревень и назначил судьей маликитского толка в своей столице. Он стал также попечителем доходов с обширных земель, пожертвованных султаном и его придворными гробнице шейха Кутб ад-Дина. Ибн Баттута ревностно исполнял свои обязанности, рассматривал тяжбы эмиров и правителей, часто встречался с султаном, сопровождал его в поездках по стране. Он построил себе в центре Дели дом и напротив него — мечеть, совершал путешествия в сопровождении многочисленных невольников и невольниц, музыкантов, певиц, танцоров и танцовщиц.

В 1342 г. Ибн Баттута попал в опалу. Путешественник вызвал гнев султана тем, что навестил популярного среди населения шейха — отшельника Шихаб ад-Дина ибн Джама, жившего в вырытой им самим пещере. Этот шейх был заподозрен в измене и казнен Мухаммадом Туглаком. Ибн Баттута в этой связи был отстранен от должности судьи. Опасаясь за свою жизнь, раздав все

свое имущество, рабов и невольниц, он стал отшельником. Через пять месяцев султан снова приблизил Ибн Баттуту и пригласил его опять занять должность судьи маликитов г. Дели, однако тот отказался. Тогда Мухаммад Туглак предложил ему отправиться в качестве личного посла султана в Китай и передать императору послание относительно условий постройки буддийского храма в Индии. С этой просьбой из Китая уже приезжало несколько посольств. Ибн Баттута согласился и собрался в дорогу. Посольству, однако, не повезло. По дороге на него напала группа вооруженных индусов, которые разграбили караван. Сам Ибн Баттута очутился в плену. С трудом спасшись, он добрался до г. Кул и известил султана о случившемся. Получив письмо и подарки от султана, Ибн Баттута вновь отправляется в путь. Продвигаясь в юго-западном направлении, Ибн Баттута через несколько месяцев добрался до небольшого портового города, где посольство погрузилось на корабль и вдоль побережья Аравийского моря поплыло на юг. Посетив по дороге Синдапур (Гоа), Ибн Баттута и его спутники доехали до крупнейшего порта Юго-Западной Индии — Каликут. Пополнив запасы и основательно подготовившись к путешествию, караван посольства разместился на нескольких кораблях, чтобы отплыть в Китай. Но путешественникам снова не повезло. Во время шторма погибла лодка, на которой находились подарки султана и все остальные члены посольства. Капитан судна бежал. В поисках своего корабля Ибн Баттута исколесил все юго-западные порты Индии.

Путешествуя по портовым городам Западной Индии в поисках судна с имуществом и челядью, Ибн Баттута в начале 1343 г. узнал, что султан Джамал ад-Дин с пятьюдесятью кораблями отправился на завоевание о-ва Синдапур (Гоа), и решил сопровождать султана. Однако ему не пришлось долго задержаться на Синдапуре, так как местное население, оправившись от неожиданного вторжения Джамал ад-Дина, перешло в наступление и окружило остров. Покинув султана, Ибн Баттута вернулся на попутном судне в г. Каликут. Окончательно убедившись, что его люди и имущество пропали, разорившийся путешественник решил отправиться на Мальдивские острова.

Большинство населения Мальдивских островов (Джазаир зибат ал-махл) исповедовало ислам. Ибн Баттута там благодаря близости его к султану Мухаммаду

Туглаку был оказан теплый прием. Вскоре он был назначен судьей. Ибн Баттута решил породниться с влиятельными сановниками и взял себе в жены мачеху правительницы островов Хадиджу, падчерицу вазира Абдалаха, дочь другого вазира и вдову покойного султана Шихаб ад-Дина [25, IV, 149].

С дипломатической миссией Ибн Баттута направился в Маабар, но по дороге решил посетить о-в Цейлон. Он прибыл туда в конце 1344 г. Осмотрев Цейлон, Ибн Баттута поехал в княжество Маабар, расположенное на южной оконечности Индостана. Гийас ад-Дин, правитель Маабара, принял путешественника с почестями и обещал оказать ему военную помощь для захвата Мальдивских островов.

Однако вскоре во время эпидемии холеры султан умер, и Ибн Баттута вернулся на Мальдивы. За время отсутствия Ибн Баттуты умер Джамал ад-Дин, его близкий друг. Ибн Баттута покинул Мальдивские острова и отплыл в Бенгалию, куда и прибыл через сорок три дня. Посетив различные районы Бенгалии и познакомившись с ее достопримечательностями, он во второй половине 1345 г. смог начать свое путешествие в Китай. По дороге Ибн Баттута посетил Суматру, Яву и через страну «Тавалиси» (до сих пор точно не идентифицирована) и дальше морем добрался до Китая.

Пребывание Ибн Баттуты в Индокитае и Китае до сих пор является предметом споров между исследователями его путешествия. Дискуссия по этому поводу суммирована И. Ю. Крачковским [107, 425—426], доказавшим подлинность сообщений марокканского путешественника о Восточной и Юго-Восточной Азии. Вывод И. Ю. Крачковского совершенно справедлив: анализ рассказа Ибн Баттуты показывает беспочвенность сомнений Г. Юла, Феррана и других исследователей и их утверждений о том, что «Ибн Баттута не был в Индокитае» [172, 157].

Конечно, во время пребывания в Китае Ибн Баттута мог не совсем правильно понять или неверно интерпретировать многое из увиденного, нередко наивно истолковывал рассказы своих информаторов и переводчиков. Верному пониманию увиденного прежде всего мешал языковой барьер. Так, прибыв в порт Цю-Тун (Цюань-языковой барьер. Так, прибыв в порт Цю-Тун (Цюань-сочжоу), который в мусульманских странах называли со-звучным словом Зайтун, что означает по-арабски «олива», Ибн Баттута решил, что, вероятно, город назван

так потому, что в нем много оливковых деревьев. Но, убедившись, что это не так, он счел нужным отметить это следующим образом: «Когда мы сошли с корабля, первый город, в который прибыли, был город Зайтун. В действительности там нет олив, ибо ни в Индии, ни в Сине (Китае) оливковые деревья не растут. Зайтун («олива») — это просто название, которое дали этому городу» [25, IV, 269].

Примерно таким же способом он объясняет название многих других городов и местностей. Так, о названии г. Ханса (Хан-цюфуй) он пишет: «Название города (Ханса) произносится так же, как имя известной арабской поэтессы, и не знаю, перешло ли это имя из арабского языка, или же оно существовало в китайском языке в таком виде» [25, IV, 287—288].

Сведения путешественника, полученные без помощи переводчиков или информаторов и являющиеся продуктом его непосредственных наблюдений за жизнью, бытом и обычаями страны, не вызывают сомнений и отличаются живостью, правдивостью изложения. Поражает проницательность путешественника и умение подмечать главное среди увиденного. Ибн Баттута часто сообщает о явлениях, которые отличали ту или иную страну от его родины — Марокко. Он описывает высокое мастерство китайских художников, употребление бумажных денег, производство каменного угля, законы, оберегающие интересы иностранных купцов, посвящает немало рассказов флоре и фауне Китая.

Очень интересны свидетельства Ибн Баттуты о ремесленниках:

«На этой площади в помещениях с куполами ремесленники шьют редкостные одежды и делают оружие. Эмир Куртай сообщил мне, что там тысяча шестьсот мастеров, у каждого из которых три или четыре подмастерья, и все они рабы самого хана (императора). У них на ногах цепи, и живут они за пределами дворцов. Им разрешается ходить на рынки города, но запрещено выходить за городские стены. Каждый день они группами в сто человек предстают перед эмиром, и если не хватает кого-либо из них, то старшина, ответственный за группу, должен ответить за это. У них обычай: если кто-нибудь из них прослужит десять лет, то с него снимают оковы и ему предоставляется возможность выбора; если он захочет, может остаться на службе без цепей, если нет, то может уйти, куда захочет, в одну

из стран хана (императора), но не за пределы государства. Когда же они достигают 50-летнего возраста, то освобождаются от работы и содержатся за счет казны...» [25, IV, 287—288].

Далее путешественник рассказывает «о великом эмире Куртае»:

«Куртай — главный эмир Сина... Мы гостили у него три дня, и затем он отправил своего сына с нами на канал... Его сопровождали музыканты и певцы, которые пели китайские, арабские и персидские песни. Сын эмира очень любил персидские песни. Певцы исполнили одну персидскую песню и по приказу сына эмира несколько раз повторили ее так, что я запомнил ее (слова). У песни удивительный ритм» [25, IV, 289—290].

Из приведенного отрывка ясно, что человек, не побывавший в Китае, при всем желании не смог бы придумать такие детали и поведать о них так подробно. Особенно следует отметить, что он обратил внимание на персидскую песню, которую повторяли несколько раз певцы. Ибн Баттута не знал автора слов песни, не знали его и европейские исследователи. Однако известный иранский ученый Мухаммад Казвини (ум. 1949) обнаружил, что приведенные строки являются частью газели Саади Ширази (ум. 1291) из его сборника «Таййибат» и правильный текст ее звучит следующим образом:

С тех пор как я отдал сердце тебе,
Я упал в море дум,
Когда я стою, совершая намаз,
Мне кажется, будто в михрабе — ты.

Ибн Баттута прибыл в Пекин в весьма неблагоприятное время. Хотя мусульманские чиновники и шейхи, проживающие в Пекине, оказали Ибн Баттуте радушный прием, однако он не мог выполнить миссию, ради которой приехал в Китай, так как во время приезда путешественника в Пекин в стране происходили междоусобные войны и монгольский хан Тогок Тимур покинул столицу. Когда беспорядки в Пекине усилились, шейх Бурхан ад-Дин Сагарчи, знакомый путешественника по Индии, дослужившийся в Китае до сана *садри джехан* («глава мусульман»), посоветовал ему вернуться на родину.

Осенью 1346 г. путешественник покинул Пекин, по Великому Каналу спустился в порт Зайтун и направился далее обратно в Индию по тому же пути, по которо-

Арабская круглая карта мира (по ал-Идриси, XII в.)

му приплыл в Китай. Через сорок дней, в начале 1347 г., он прибыл в индийский порт Каулем на восточном берегу Аравийского моря, а в конце января переселся в Каликут и намеревался оттуда отправиться в столицу ко двору Мухаммеда Туглака, но вскоре переменил намерение. Сев на корабль, Ибн Баттута через 28 дней, в апреле 1347 г., прибыл в Зафар. Из Зафара путешественник отправился в Хормуз. Нигде не останавливаясь, он снова пересек Персию, посетив города Майман, Шираз, Йезд, Исфахан, Шустар и Хувайз. Из Хувайза он направился в Басру и Неджеф, оттуда в Багдад и, наконец, «ровно через двадцать лет снова оказался в Дамаске». Здесь Ибн Баттута пробыл примерно до апреля 1348 г., затем покинул город и через Хаму и Хомс доехал до Алеппо, где был в июне 1348 г. Узнав о том, что в г. Газе, куда он держал путь, свирепствует холера и «ежедневно умирают тысячи людей», Ибн

Батута вернулся в Хомс. Но холера догнала его и там. Не останавливаясь, путешественник отправился в Дамаск, где эпидемия ежедневно уносила «две тысячи четыреста человек». Спасаясь от эпидемии, Ибн Баттута через Иерусалим перебрался в Египет и оттуда совершил свое четвертое паломничество в Мекку, куда прибыл в середине ноября 1348 г. Совершив хаджж, он с дамаским караваном вернулся в Палестину, а оттуда в начале 1349 г. вернулся в Каир. Решив возвратиться на родину, Ибн Баттута в апреле 1349 г. отплыл в Тунис. Но в море напали корсары, отняли их корабль, и путешественник на небольшом суденышке добрался до Сфакса, а оттуда по суше поехал в Тунис, где был принят султаном страны Абу-л-Хасаном ибн Аби Саидом ибн Абд ал-Хакком. Затем Ибн Баттута побывал на острове Сардиния, а в ноябре 1349 г. уже прибыл в Фес ко двору правившего там султана из династии Маринидов Абу Инана (1348—1358), где был принят с большим почетом.

Скитания Ибн Баттуты, однако, на этом не кончились: навестив могилу своей матери в Танжере, он через Гибралтар проехал в Южную Испанию, остававшуюся еще под властью арабов, выполняя поручение султана, о содержании которого в «Путешествии» не сказано. Он посетил города Ронду, Малагу и Гранаду и вернулся также через Гибралтар. Но уже 18 февраля 1352 г. он отправился по поручению Абу Инана в гораздо более сложное и длительное путешествие по Африке. Через Сиджилмасу он проехал до Тимбукту в недавно исламизированное государство Мали. На обратном пути, осмотрев медные рудники Тагадда, 12 сентября 1353 г. с караваном работяг он двинулся в очень трудное путешествие через оазис Агадес и с большими лишениями холодной зимой перевалил хребет Атласа и вернулся в Фес⁵.

Рассказы путешественника произвели на султана Абу Инана и его приближенных большое впечатление, и он велел придворному историку и писателю Ибн Джузайи ал-Калби, хорошо владевшему «высоким слогом», записать рассказы и воспоминания Ибн Баттуты и обработать их в виде отдельной книги. Мы не знаем, когда Ибн Баттута и Ибн Джузайи приступили к работе. Точно известно лишь, что запись и обработка рассказов путешественника были закончены в феврале 1356 г. [25, IV, 451].

О последних годах жизни Ибн Баттуты мы располагаем весьма скудными сведениями. До сих пор точно неизвестна даже дата его смерти.

Как явствует из слов Ибн Джузаййа в заключении книги, после возвращения из путешествия в Западную Африку Ибн Баттута был зачислен в штат придворных ученых. В Фесе он, по-видимому, собирался жить при дворе. Однако вскоре после окончания работы над книгой Ибн Баттута лишился своего покровителя (Абу Инан умер в 1358 г.) и, судя по сообщению автора «Дуар ал-Камина», провел свои последние годы в должности судьи в провинциальных городах Марокко [47, III, 424]. Как правило, в большинстве исследований европейских ученых датой смерти Ибн Баттуты считается 1377 г. [107, 420]. Однако нам не удалось выяснить, из какого источника установлена эта дата. Насколько нам известно, единственным источником, в котором содержится упоминание о последних годах жизни путешественника, является тот же биографический словарь Ибн Хаджара ал-Аскалани. Ссылаясь на Ибн Марзука, Ибн Хаджар отмечает, что Ибн Баттута был жив еще до 770/1368-69 г.

По некоторым сведениям, Ибн Баттута похоронен около Танжера, где показывают «могилу святого сиди Ахмеда ат-Таньи», которая, возможно, и является его могилой [149].

Путешествия Ибн Баттуты были подвигом, но вместе с тем тяжелым, изнурительным трудом, требующим не только огромной физической и моральной выносливости, но и гибкости, умения приноравливаться к обстоятельствам. Весь жизненный путь этого человека неразрывно связан со странствиями, изложить его биографию вне путешествий представляется почти невозможным. Какова же была цель этих странствий, ставших делом всей его жизни? Сам Баттута избегает рассуждений о собственной личности, своих побудительных мотивах, эти сведения приходится по крохам извлекать из ткани его повествований.

На первый взгляд может показаться, что он ставит перед собой практические цели — совершить паломничество в священные города и благодаря этому завоевать авторитет у современников, или прослушать лекции по законоведению и получить право преподавать один из сборников хадисов, как это было в Дамаске в 1305 г. [25, I, 248], или удостоиться подарков от правителей

или влиятельных людей той или иной страны, которыми его не раз награждали, и т. д.

Не оставались без внимания и рассказы о сказочных богатствах Индии, привлекавших и Афанасия Никитина, и средневековых европейцев, и Ибн Баттуту, впервые услышавшего в Мекке о сказочной щедрости индийских государей.

Однако не это было основным. Очевидно, Ибн Баттута, как и многочисленные путешественники Востока и Европы на заре эпохи Возрождения, принадлежал к когорте первооткрывателей-землепроходцев. Этих людей влекли в путь не столько сами по себе экономические и политические причины, сколько обусловленная ими жажда познания. Мир становился все шире, и немалая заслуга в этом принадлежала именно путешественникам.

Расширялась знакомая арабам «обитаемая часть суши», а вместе с нею увеличивалась и тяга к новым городам и странам, желание познакомиться с неизвестными еще народами, как писал сам Ибн Баттута, желание «посмотреть мир, радея сердце, увидеть разные диковинки, услышать о чудесах, получить обширные познания, познакомиться с интересными людьми, испытать судьбу» [25, II, 409]. Именно этим желанием — увидеть, узнать как можно больше — объясняется и решение Ибн Баттуты, которому он старался в дальнейшем следовать: «не проходить по одной и той же дороге два раза» [25, II, 21]. От этого решения путешественника не могли отвлечь ни многочисленные трудности, ни отсутствие средств, ни всевозможные лишения, на которые он часто жалуется.

Не сразу Ибн Баттуте удалось попасть в Индию, которая была его заветной мечтой. Он собирался отплыть туда еще в 1332 г., после паломничества, но с сожалением вспоминал потом: «Я не нашел себе спутника, а средств для путешествия у меня не было» [25, II, 250—251].

Во время своих путешествий Ибн Баттута широко пользовался гостеприимством ордена ахи, останавливался в завиях (суфийских обителях), где проезжающим предоставляли бесплатный стол и кров. Нередко правители городов посылали ему подарки и еду, считая это «богоугодным делом» — ведь марокканский путешественник не скрывал своего знакомства с видными религиозными деятелями своего времени, имел ряд «сви-

детельств», в частности о том, что он является судьей двух толков — маликитского и шафинитского. (В дальнейшем это помогло ему занять место судьи маликитского толка в Дели при султани Мухаммаде Туглаке.) Однако трудно согласиться с суждением Р. Хеннига о том, что путешественник был «фанатическим приверженцем мусульманской религии» и «преднамеренно избегал христианских стран» [132, II, 206], — пожалуй, оно продиктовано традиционным отношением к исламу в Европе. Ибн Баттута, не имевшему других средств к существованию, кроме приобретенных им «профессий» шариатского судьи и *мухаддиса*, трудно было бы найти себе применение и поддержку в какой-либо христианской стране. Он не был ни профессиональным купцом, ни медиком, ни официальным представителем какого-либо государства. Видимо, у него даже не было средств для того, чтобы остановиться на купеческом подворье. Религия служила ему как бы пропуском, но действовал этот пропуск лишь в пределах мусульманского мира [114, 15].

Трудно согласиться также с тем, что «в некоторых случаях объективности сведений Ибн Баттуты заметно мешает его религиозный фанатизм и несомненное пристрастие ко всему, что связано с исламом» [132, II, 207]. Объективность в нашем понимании не соответствует средневековой «объективности». Что же касается «фанатизма», то, несомненно, путешественник был правым мусульманином, но у него не встречается никаких выпадов против христиан или представителей других верований (тем более что христианство относилось к покровительствуемым религиям) — он просто не замечает их. Что касается эпитета «проклятый», прилагаемого им к Чингиз-хану, то он вызван исключительно жестокостью этого правителя, разрушениями, причиненными им другим странам. К другим монгольским правителям, даже немусульманам, Ибн Баттута относится весьма доброжелательно.

Столь же неисторичны, по нашему мнению, и слова Р. Хеннига о том, что «он (т. е. Ибн Баттута) проявляет большую склонность, чем Марко Поло, к передаче различных неправдоподобных слухов и рассказов о чудесных происшествиях, не имеющих никакого значения» [132, II, 207]. Во-первых, и в книге Марко Поло достаточно «неправдоподобных слухов»⁶, возможно даже больше, чем у Ибн Баттуты. А во-вторых, то, что

«не имеет никакого значения» для нас, имело первостепенную важность как для Марко Поло, так и для Ибн Баттуты. «Чудо» какого-нибудь «святого» представлялось им гораздо более важным, чем то, какие монеты, например, чеканились в тот период в той или иной области и т. п.

История создания книги изложена в предисловии «редактора» «Путешествия» Ибн Джузайя ал-Калби, записавшего его со слов Ибн Баттуты. Краткое содержание этого предисловия приведено и проанализировано И. Ю. Крачковским в его работе «Арабская географическая литература».

В Заключении книги содержатся два примечания, которые по своему характеру могут быть объединены с тем, что Ибн Джузайя излагает в предисловии. В первом примечании он пишет: «Здесь кончается „Путешествие“, названное „Тухфат ан-нуззар фи гараиб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар“ („Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах путешествий“). Завершение записи произошло третьего дня месяца зу-л-хиджжа 756 года (9 декабря 1355 г.)» [7, 681].

Второе примечание находится после цитированного текста в конце книги, где помещены хвалы Абу Инану и славословие по адресу путешественника: «Составление этой книги завершилось в месяце сафаре 757 года (в феврале 1356 г.)» [7, 682].

Как явствует из текста предисловия и примечаний Ибн Джузайя, «Книга путешествий» Ибн Баттуты в соответствии с требованиями того времени была названа пышно и замысловато, с использованием рифмы: «Тухфат ан-нуззар фи гараиб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар». Ни в предисловии, ни в самом тексте и заключении книги относительно этого названия ничего не говорится. Ибн Баттута, не владевший «ученым» стилем своего времени, вряд ли мог дать своей книге подобное название. Скорее всего цитированное примечание с названием книги сделано Ибн Джузайем после окончания обработки. Однако оно не привилось к сочинению, которое вошло в литературу и живет до сих пор под названием «Путешествие Ибн Баттуты».

Образование Ибн Баттуты, возможно, вообще носило не книжный характер. Все, что он знал, было почерпнуто главным образом из общения с учеными традиционалистами, с которыми он встречался в разных городах. Он интересовался в основном правоведением.

Когда предоставлялась возможность, Ибн Баттута получал у крупных ученых-юристов соответствующие свидетельства и дипломы, позволявшие ему преподавать право или получить должность судьи. Но он был чужд как традиционных схоластических, так и точных наук. Во всяком случае, отсутствие в его рассказах каких бы то ни было цитат из собственных поэтических произведений или ссылок на произведения других литераторов и ученых ясно говорит о том, что он не был искушен в книжной литературе. Именно неискушенность в стилистике, литературном языке и заставила его обратиться к помощи редактора — Ибн Джузайя. Это обстоятельство, естественно, наложило своеобразный отпечаток на характер книги Ибн Баттуты. Редактор труда Ибн Джузайй в противоположность Ибн Баттуте в совершенстве владел литературным стилем. Он был придворным литератором, *адибом*, знакомым со всеми особенностями «канцелярского» красноречия.

Ибн Джузайй родился и вырос в Гранаде. Получив традиционное образование, поступил на службу в канцелярию правителя из династии Насридов Абу-л-Хаджа-Йусуфа (1333—1354). Наряду со своей канцелярской службой Ибн Джузайй занимался и историко-литературной деятельностью: до нас дошли две его работы, посвященные «деяниям» и генеалогии пророка Мухаммада [107, 422]. Рассорившись со своим повелителем в Гранаде, Ибн Джузайй перебрался ко двору Абу Инана, где также исполнял обязанности секретаря и писца в канцелярии. Абу Инан, неоднократно слушавший рассказы Ибн Баттуты, по-видимому, понял, что путешественник, будучи мастером устного рассказа, не владеет искусством изысканного стиля, и поэтому возложил литературное оформление книги на опытного, с его точки зрения, Ибн Джузайя. Ибн Джузайй умер в конце 1356 г., чуть позже окончания книги Ибн Баттуты.

Запись была закончена в декабре 1355 г., а ее обработка, произведенная Ибн Джузаййем, — в феврале 1356 г. Разумеется, за два-три месяца редактор не мог при всем желании сильно переработать «Путешествие». Он, судя по всему, ограничился составлением предисловия и небольшой концовки, включил в текст несколько стихотворений, добавил в описание Сирии и Аравии небольшие отрывки из сочинения Ибн Джубайра (1145—1217) [43, IV, 304—308] и собрал разрозненные, часто

не связанные друг с другом рассказы в логически последовательное повествование, — словом, провел чисто редакторскую работу. Таким образом, «Путешествие» представляет собой литературную запись рассказов и воспоминаний Ибн Баттуты о его скитаниях по странам Азии и Африки.

Путешественник, не питавший особой склонности к книжной учености и накопивший свои знания в многочисленных странствиях, в живом общении с современными ему учеными, настолько натренировал свою память и отточил мастерство профессионального рассказчика, так часто выступал со своими повествованиями перед слушателями, что до конца жизни помнил почти всех людей, которых встречал, помнил характерные черты и особенности чужеземных стран и городов, где ему удалось побывать. Его рассказы, насыщенные фактическим материалом, изобилующим многочисленными деталями, естественно, не могли не вызвать подозрение в недостоверности многих из них. Как уже говорилось, современник Ибн Баттуты Ибн Халдун, посетивший в 1350 г. г. Фес и встретившийся с путешественником, усомнился в правдивости его рассказов [48, 143—144]. Это недоверие к «удивительным историям», рассказанным при дворе Маринидов в Фесе, сыграло в конечном итоге положительную роль. Опасаясь новых обвинений со стороны «почтенных людей», Ибн Баттута при изложении своих воспоминаний решил быть в высшей степени точным и внимательным. Там, где он излагал результаты собственных наблюдений, он специально отмечал: «Это я видел воочию», в других случаях оговаривал: «Это я слышал от такого-то». Вот, к примеру, что он пишет там, где речь идет об индийском султани Мухаммаде Туглаке: «Все, что я упомянул о делах султанов Индии, было мне сообщено и услышано мной главным образом от шейха Камал ад-Дина ибн ал-Бурхана ал-Газнави — верховного судьи, что же касается сообщений об этом царе, то все это я наблюдал во время пребывания в его стране» [7, 427].

При изложении событий Ибн Баттута придерживался точнейшего метода документации в тех рассказах и сообщениях, за достоверность которых он ручался, а в остальных случаях слагал с себя ответственность, ограничиваясь ссылками на источники. Эта особенность сообщений Ибн Баттуты придает его книге большую ценность.

Как неоднократно отмечал В. В. Бартольд, «пользование арабской географической литературой несколько затрудняется ее книжным характером и связанной с этим хронологической неопределенностью. Например, если мы знаем, что один автор писал в X в., другой — в XI в., то из этого не следует, чтобы рассказы второго относились к более позднему времени, чем рассказы первого; почти все авторы пишут по книгам, не называя своих источников и не определяя их времени, и часто бывает, что в сочинениях XI в. использован более ранний источник, чем в сочинениях X в.» [79, II, ч. 1, 561].

В этой связи следует подчеркнуть, что «Путешествие» Ибн Баттуты стоит особняком в истории арабской географической литературы и является высшим достижением так называемого жанра *рихла* (или *ийан*) — географического описания стран, увиденных «собственными глазами». Первый блестящий образец географической литературы жанра *рихла* — «Путешествие Ибн Фадлана на Волгу». Однако это «Путешествие» по своему масштабу не выдерживает никакого сравнения с «Путешествием» Ибн Баттуты. Другим памятником того же жанра является книга Ибн Джубайра, частично использованная редактором Ибн Баттуты. Но сочинение Ибн Джубайра также нельзя ставить в один ряд с «Путешествием» Ибн Баттуты, так как Ибн Джубайр скорее видел свою задачу в создании произведения эпистолярного, а не географического жанра. По масштабу описанных земель, стран и народов, объему самых разнообразных сведений (по географии, этнографии, культуре, экономике, топонимике, истории, религии, градостроительству и т. д.), по простоте изложения, достоверности и документированности «Путешествие» Ибн Баттуты, пожалуй, не имеет себе равного в истории не только мусульманской, но и мировой описательной географической литературы до XV в. Именно это имел в виду знаменитый автор монументального труда о географических открытиях Рихард Хенниг, когда писал: «Живший в XIV в. марокканец Ибн Баттута, несомненно, должен быть признан величайшим из всех путешественников, которых знали древний мир и средневековье. Даже достижения Марко Поло бледнеют (если не по их значению для истории культуры и литературы, то по широте охвата и дерзновению) в сравнении с поразительным трудом, которому была посвящена вся

жизнь этого любителя путешествий... Хотя великие мореплаватели XVI—XVIII вв. в общей сложности преодолели большие расстояния, чем живший в XIV в. Ибн Баттута, не будет преувеличением, если мы назовем этого марокканца величайшим путешественником всех времен до Магеллана» [132, III, 209—210].

Глава 2

ИЗУЧЕНИЕ «ПУТЕШЕСТВИЯ» ИБН БАТТУТЫ. ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

В конце XVII в. один из почитателей Ибн Баттуты, Мухаммад ибн Фатхаллах ибн Мухаммад ал-Байлуни, чтобы приспособить «Путешествие» к вкусам широкого круга читателей и сделать его доступным, значительно сократил книгу и, присовокупив к ней собственное предисловие в стихах, выпустил под названием «ал-Мунтаки мин рихлат Ибн Баттута ат-Танджи ал-Андалуси» («Извлечения из „Путешествия“ Ибн Баттуты Андалусского из Танжера»). После того как «Извлечения» ал-Байлуни вошли в обиход, почти окончательно прекратилась переписка полного текста «Путешествия». Большинство рукописей «Путешествия», дошедших до нас, содержат текст «Извлечений» ал-Байлуни, а не подлинной книги Ибн Баттуты.

Европейская арабистика познакомилась с Ибн Баттутой также через сокращенный вариант ал-Байлуни. Впервые (1808 г.) на «Путешествие» обратил внимание немецкий путешественник У. Зеетцен, который приобрел его для Готской библиотеки. На основе этой рукописи «Извлечения» Дж. Г. Козегартен в 1818 г. опубликовал отдельное исследование, текст и латинский перевод трех отрывков из «Путешествия», посвященных Индии, Китаю и Судану. Основное внимание было уделено сообщениям путешественника, относящимся к Судану. Для проверки достоверности сведений Ибн Баттуты Козегартен привлек и другие географические источники, сравнение с которыми убедило его, какую огромную историко-географическую ценность представляет «Путешествие».

В 1819 г. ученик Дж. Г. Козегартена Генрих Апец издал другую часть «Извлечений», посвященную Малабарскому побережью Индии и Мальдивским островам. Работа Апеца, состоящая из перевода, комментариев и

небольшого предисловия, по своему характеру и методу исполнения представляла собой продолжение исследования Козегартена.

В том же, 1819 г. вышла в свет книга знаменитого путешественника И. Л. Буркхардта «Путешествие в Нубию», в приложении к которой была помещена заметка о «Путешествии» по «Извлечениям» ал-Байлуни, три рукописи которых он приобрел во время своего пребывания в Магрибе. Несмотря на то что Буркхардт не разобрался во многих местах текста, он сумел достойным образом оценить важность книги своего предшественника. Буркхардт умер в Каире за два года до выхода своей книги, и после его смерти рукописи сокращенного варианта «Путешествия» поступили в библиотеку Кембриджского университета.

Английский ориенталист Семюэл Ли продолжал изучение памятника и перевел на английский язык полный текст «Извлечений», составленных ал-Байлуни. Однако перевод Ли не отличался большой точностью, а местами представлял собой лишь изложение текста.

Первый европейский перевод с полной рукописи «Путешествия» Ибн Баттуты появился в 1840 г. в Лиссабоне. Португальский священник Ж. С.-А. Моура во время пребывания в Фесе в 1797 г. приобрел рукопись «Рихла» и решил перевести текст своего списка на португальский язык. Первый том перевода Моуры, охватывающий путешествие Ибн Баттуты в Египте, Сирию, Йемен, Мекку, Малую Азию и Золотую Орду, увидел свет в 1840 г. в издании Лиссабонской академии. Однако смерть Моуры помешала осуществлению его дальнейших планов.

Отдельные отрывки из подлинного текста «Путешествия» были переведены на французский язык бароном де Слэном, опубликовавшим в 1843 г. в «Журналь Азиатик» части сочинения, посвященные Судану. Де Слэн добавил к своему переводу примечания Рейно, присланные ему в частном письме.

В 1848 г. другой французский арабист, Эдуард Дюларье, поместил в том же «Журналь Азиатик» текст и перевод (снабженный соответствующими комментариями) глав с полной рукописи памятника, посвященных путешествию на острова Малайского архипелага и в Тавалиси.

Эти публикации заинтересовали французского востоковеда Ш. Дефремери, и он на основе полной рукописи

перевел на французский язык главы, описывающие странствия Ибн Баттуты по Ирану и Центральной Азии; перевод был напечатан в 1848 г.

Спустя два года увидели свет «Рассказ о путешествии в Крым и Кипчак», «Путешествие в Малую Азию», а также «Рассказ о монгольском султane двух Ираков и Хорасана Абу Саиде».

Благодаря этим изданиям ориенталисты полностью осознали необходимость подготовки и публикации полного критического текста «Путешествия» и его всестороннего исследования. К этой задаче более других ученых был подготовлен Ш. Дефремери. И он вместе с Б. Сангинетти взялся за эту нелегкую работу.

К пятидесятым годам XIX в. наряду с накопленным опытом работы над памятником уже был выявлен и целый ряд списков с полным текстом подлинного сочинения. Подавляющая часть этих рукописей, обнаруженных после захвата Алжира французами, была собрана в Парижской национальной (тогдашней имперской) библиотеке. Это в значительной степени облегчило работу над составлением текста. В распоряжении издателей было пять рукописей, из которых лишь две содержали полный текст сочинения. Две другие, вместе взятые, составляли третий экземпляр, и, наконец, пятая имела несколько значительных пропусков. Первая из этих рукописей, хранящаяся в Национальной библиотеке в Париже за № 967, по утверждению де Слэна и Ш. Дефремери, является автографом Ибн Джузайи, изготовленным в 1356 г. Вот краткое описание этой рукописи, выполненное де Слэном и без всяких изменений помещенное Дефремери и Сангинетти в предисловии к изданию: «Бумага, источенная в нескольких местах, плотная и пожелтевшая от времени. Потускневший почерк рукописи в нескольких местах еле различим. Несколько листов позднее заменены другими листами, чтобы восстановить выпавшие листы с текстом. Таковы листы 1, 2 и, вероятно, листы с 19-го по 39-й включительно. В остальном вся рукопись написана одной рукой, и почерк представляет хороший образец магрибинско-испанского письма; заметны легкость, изящество и смелость, которые свидетельствуют о большом искусстве каллиграфа, которое очень редко встречается в чисто африканских почерках. На последнем листе переписчик сообщает нам, что он закончил свою работу в месяце сафаре 757 г. [февраль 1356г.]. Рукопись явля-

ется неполной и содержит лишь вторую половину текста произведения».

Судя по всему, у де Слэна, а впоследствии у Дефремери и Сангинетти не было достаточных аргументов в пользу их утверждения о том, что данная рукопись является автографом Ибн Джузаййа. Единственное свидетельство, которое они приводят в пользу принадлежности списка перу Ибн Джузаййа, сводится к содержанию надписи в колофоне, которая гласит: «*Ваканат ал-фирагу мин та' лифиха фи шахри сафар амма саб' а ва хамсина ва саб' амиа*».

Эта приписка ни в коем случае не может служить доказательством того, что рукопись переписана самим Ибн Джузаййем. Прежде всего следует отметить, что Ибн Джузайй умер в конце 1356 г., т. е. несколько месяцев спустя после завершения обработки книги Ибн Баттуты, и за короткий срок при всем желании он не смог бы изготовить новый экземпляр, исполненный «красивым, изящным и искусным» почерком. Во-вторых, слово «талиф» никогда не употреблялось в смысле «переписка». Указанная надпись была сделана Ибн Джузайем, чтобы отметить время окончания обработки «Путешествия», и поэтому оно должно быть понято так: «Составление [книги] завершилось в месяце сафаре 757 г. (февраль 1356 г.)».

Вторая рукопись, которую использовали Ш. Дефремери и Б. Сангинетти в работе над установлением текста, № 908, тоже неполная и содержит лишь первую часть текста «Путешествия». Она переписана в месяце сафаре 1134/конце января 1721 г. Кроме того, она страдает большими лакунами, поглотившими значительные отрывки текста. Как отмечали сами издатели, из всех списков полный текст содержат лишь два (№ 909 и 911). Один из них (№ 969) не датирован, и в колофоне его содержится весьма любопытная надпись: «*ва кутиба мин нуххатин фи гайат ат-тасхифи*» — «[этот список] переписан с очень искаженной рукописи». Другая рукопись (№ 911) тоже не датирована, но, по утверждению издателей, «она выглядит довольно древней». Последний из этих списков (№ 910) тоже неполный и содержит часть текста сочинения. Он переписан в июне 1766 г. В колофоне рукописи весьма примечательная приписка, гласящая о том, что переписчик «очень болел во время переписки значительной части».

«Из всех рукописей, — пишут издатели, — которые

были в нашем распоряжении, № 911, бесспорно, наиболее полная и наиболее правильная, хотя и она изобилует ошибками переписчика и упущениями, которые в целом имеют мало значения. Это и есть та рукопись, которой мы пользовались более других и положили ее в основу нашего издания, главным образом для всей первой части текста, сохраняя за собой во второй части возможность замены ее чтением чтениями рукописи № 967, автографа Ибн Джузаййа».

Сличая все эти рукописи, издатели подготовили и опубликовали в четырех томах первый полный сводный арабский текст и французский перевод (1853—1857 гг.). Каждый том содержит соответствующее предисловие и примечание.

Бесспорно, Ш. Дефремери и Б. Сангинетти проделали колоссальную работу по восстановлению текста «Путешествия» Ибн Баттуты, его расшифровке и раскрытию. Это издание легло в основу всех последующих многочисленных переводов на европейские и восточные языки, а также всех арабских изданий текста.

Однако приходится констатировать, что проблема восстановления подлинного текста сочинения Ибн Баттуты до сих пор не снята с повестки дня. Как мы видели выше, в распоряжении издателей были всего две рукописи с полным текстом сочинения, и ни одна из них, как отмечали сами издатели, не была свободна от многочисленных упущений, дополнений, переделок и других искажений. Не располагая списками с полным текстом, издатели были вынуждены отмечать разночтения и расхождения не систематически, а выборочно, там, где позволяла полнота текстов. Кроме того, в этом издании из-за технических затруднений был нарушен один из основных принципов составления научного текста — издатели отказались от воспроизведения отвергнутых ими вариантов и разночтений в подтексте. Они по этому поводу пишут так: «Мы тщательно сличили рукопись № 911 с тремя другими, но вводили в текст чтения этих списков лишь тогда, когда они казались нам более правильными и более полными. Мы могли бы снабдить текст нашей работы большим числом вариантов, как мы это делали в начале подготовки нашего издания. Но формат и типографские правила, принятые для подобных работ по указанию Бюро Азиатского общества, не допускали примечаний (по крайней мере в местах, где они могут быть действительно

полезными, т. е. под строкой), и из-за этого мы вычеркнули почти все варианты, которые ничего не прибавляли к авторскому замыслу... Другие варианты помечены номерами и цифрами страниц в конце каждого тома».

Вывод, который вытекает из изложенного выше, ясен: издатели по объективным причинам не смогли предложить читателям подлинный сводно-критический текст, восходящий к первоначальному авторскому оригиналу. На это обращали внимание и другие исследователи.

Для восстановления оригинала «Путешествия» необходимо прежде всего выявить все старейшие рукописи с полным текстом сочинения. Судя по опубликованным каталогам разных книгохранилищ мира и по отдельным сообщениям, в настоящее время обнаружено пять списков полного текста Ибн Баттуты. Два из них, использованные Ш. Дефремери и Б. Сангинетти, были описаны выше. Ныне они хранятся в Парижской национальной библиотеке (№ 2289 и 2291). Другая полная рукопись, как сообщает Махмуд аш-Шаркави, содержится в библиотеке Мадрида (СХІІІ). Нам не удалось установить ее происхождение. Если это не та рукопись, которая была в распоряжении португальского переводчика Моуры, то еще одна рукопись с полным текстом должна находиться в одной из библиотек Португалии. Кроме того, имеется еще два полных списка — один из них хранится в библиотеке университета «Джами Каравийин» в Фесе (шифр 1285), а другой, переписанный 27 октября 1747 г., находился в частной коллекции Мухаммада ибн ал-Карима ал-Лафкун. Существует также несколько рукописей сокращенного варианта ал-Байлуни. Однако они, как говорилось выше, не могут быть использованы в качестве материалов для восстановления подлинного текста «Путешествия».

Текст «Путешествия», опубликованный Ш. Дефремери и Б. Сангинетти, неоднократно переиздавался. Он также служил источником многочисленных полных и сокращенных, популярных и учебных изданий в арабских странах в разное время. Среди наиболее полных восточных публикаций, воспроизводящих парижское издание, следует отметить следующие: каирские издания 1287/1870 г., 1322/1904 г. и 1964 г.; багдадское издание 1962 г.; бейрутские 1962 г. и 1968 г. Кроме этих изданий имеются адаптированные публикации, среди кото-

рых наибольшей популярностью пользуются изданные в Каире в 1934 г.

Наиболее авторитетным и научным до сих пор остается парижское издание. Именно благодаря своему авторитету оно легло в основу многочисленных переводов на европейские и восточные языки.

Кроме отмеченных выше существуют также переводы на шведский, итальянский, немецкий, английский, польский, чешский и венгерский языки. Из этих переводов наиболее точными и научно аргументированными можно считать переводы на немецкий язык Г. Мжика и на английский Г. Гибба.

В XX в. над исследованием и переводом «Путешествия» на английский язык работал известный английский арабист Гамильтон Гибб. Еще в 1929 г. в Лондоне он выпустил сокращенный перевод «Путешествия», снабженный лаконичными, но исключительно содержательными комментариями. После выхода в свет своего перевода Г. Гибб продолжал работу и наконец в 1956 г. завершил перевод и комментарии к сочинению. Первый том, включающий в себя предисловие и перевод (с подстрочными примечаниями), охватывает путешествие Ибн Баттуты в Египет, Сирию и на Аравийский полуостров; он опубликован в 1958 г. Второй том содержит описание путешествия в Малую Азию, Крым и Крымскую степь, в Центральную Азию; он увидел свет в 1962 г. Третий том вышел в 1971 г.

Работе Г. Гибба многим обязаны позднейшие переводы, появившиеся на европейских языках.

Самым ранним из восточных переводов следует считать турецкий, выполненный Мухаммадом Шарифом. Он выпустил в 1897—1901 гг. в трех томах полный турецкий перевод «Путешествия». Второе издание этого же перевода вышло в 1916 г.

Из новейших восточных переводов следует отметить персидский, принадлежащий Мухаммад-Али Муваххиду и опубликованный в 1970 г. в Тегеране. Этот перевод также выполнен с французского издания Дефремери и Сангинетти.

В арабских странах из года в год выходят книги, представляющие собой переложение текста Ибн Баттуты для современных арабских читателей. По характеру и назначению эти книги являются как бы переводом «Путешествия» на арабский язык наших дней, понятный широким кругам читателей. Одним из таких наи-

более удачных «переводов»-популяризаций следует считать книги Махмуда аш-Шаркави и Хусбана Шакира.

На «Путешествие» Ибн Баттуты и важность его сведений давно обратили внимание в России. Еще в 1841 г. в «Русском Вестнике» были опубликованы переводы небольших выдержек из «Путешествия» под рубрикой «Известия иностранцев о России». Перевод этот с небольшим предисловием был выполнен с английского перевода С. Ли, который, в свою очередь, пользовался текстом оригинала сокращенной редакции «Путешествия» ал-Байлуни. «Книга Ибн Баттуты нам остается неизвестной,— пишет переводчик,— и мы знаем его по двум сокращениям земляков его, Ибн Джези ал-Келби и ибн Феталлаха ал-Бейлуни. Буркхардт первый вывез их в Европу. Козегартен и Апетц издали их сокращенно, а в 1829 г. напечатан в Лондоне полный перевод их С. Ли. Из его перевода передаем читателям нашим любопытное извлечение — путешествие Ибн Баттуты в Золотую Орду, описание того грозного Двора Ханского...» Далее приводится перевод выдержек из «Путешествия», где описываются Крым, Дашти-Кипчак и двор Узбек-хана.

Русский читатель познакомился снова с рассказами марокканского путешественника в 1864—1865 гг. В сборнике «Средневековые путешественники» анонимный автор поместил довольно обширную статью о «Путешествии» Ибн Баттуты, в которой по ходу изложения приводятся соответствующие извлечения. Эта статья, как и первый перевод в «Вестнике», на который иногда ссылается автор, целиком, судя по всему, опирается на английский перевод, хотя к тому времени уже вышло в свет великолепное для того времени издание и перевод Ш. Дефремери и Б. Р. Сангинетти. Вышеуказанные перевод и статья, ныне не представляющие никакого интереса для науки, в свое время играли большую роль и привлекли внимание историков России к «Путешествию» Ибн Баттуты.

Первый сравнительно точный перевод значительных извлечений из «Путешествия» был опубликован спустя 20 лет В. Тизенгаузеном в известном труде «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды». В. Тизенгаузен ставил перед собой определенную задачу — предоставить в распоряжение историков России извлечения из сочинений «арабских, персидских, татарских писателей» для составления «основательной, воз-

можно полной и критически обработанной истории Золотой Орды», чтобы «правильно оценить степень влияния ее на Россию» [74, I, 1]. Эта задача и предопределила характер выборки извлечений для перевода на русский язык. Наряду с текстом и выборками из сочинений Ибн ал-Асира, Ибн Абд аз-Захира, Ибн Василя, Руки ад-Дина Байбарса, ан-Нувайри, ал-Умари и других авторов приведен русский перевод извлечений из «Описания путешествий Ибн Абуабдаллаха Мухаммеда Ибн Баттуты, записанного со слов его Мухаммедом Ибн-джозай... относящихся к истории Золотой Орды». Туда включено и описание Хорезма, который тогда входил в состав Золотой Орды. В «Сборнике» не приведен арабский текст «Путешествия», а представлен лишь перевод, выполненный на основе издания Ш. Дефремери и Б. Р. Сангинетти. Издание В. Тизенгаузена было выдающимся событием в востоковедной науке XIX в., однако, как отмечал И. Ю. Крачковский, «переводы этих материалов и выводы из них Тизенгаузуна теперь требуют детальной проверки и уточнения на основе новых источников и изданий, которые стали известны науке за 60 лет, протекших со времени выхода его epochального труда» [107, 410—411].

Следует отметить также перевод на татарский язык отрывка из «Путешествия», касающегося Дашти-Кипчак. Этот перевод, выполненный хорошим знатоком арабского языка Рида ад-Дином ибн Фахр ал-Дином, был опубликован отдельной книжкой в 1917 г. в Оренбурге. Несмотря на большую работу переводчика, который сличал тексты различных арабских и европейских изданий «Путешествия», чтобы установить точное правописание собственных имен и названий, перевод не отличается академичностью, а представляет собой вольное изложение рассказа Ибн Баттуты о кипчакских степях.

Небольшой отрывок из «Путешествия» в русском переводе был опубликован в сборнике «Прошлое Казахстана в источниках и материалах».

В последние годы в отечественном востоковедении оживился интерес к «Путешествиям» Ибн Баттуты. В 1974 г. вышла книга В. Г. Милославского «Ибн Баттута», в которой впервые в советской литературе дается рассказ о жизни и странствиях выдающегося путешественника. Ему же принадлежит несколько статей об Ибн Баттуте. В 1983 г. в серии «Жизнь замечательных

людей» опубликована работа И. Тимофеева о марокканском путешественнике. Ряд статей о нем принадлежит перу автора настоящей работы.

Отрывки, касающиеся посещения Ибн Баттутой Африки, помещены в хрестоматии «История Африки». Однако полный русский перевод «Путешествия» и его всестороннее исследование пока еще не осуществлены.

Что касается отдельных сведений, приведенных в «Путешествии» Ибн Баттуты и относящихся к Средней Азии, то они были весьма полно использованы в трудах русских и советских ученых, занимавшихся вопросами истории и истории культуры Средней Азии. Одним из первых к сообщениям нашего путешественника обратился В. В. Бартольд, который кроме арабского текста прибегал также к упомянутому выше переводу В. Г. Тизенгаузена. В. В. Бартольд весьма широко цитирует Ибн Баттуту и ссылается на его данные как на заслуживающие полного доверия. Эта тенденция прослеживается в работах других ученых, которые, говоря о различных явлениях истории и истории культуры Средней Азии в начале XIV в., упоминают «Путешествие» Ибн Баттуты как источник первостепенной важности.

Очень полно использовал отдельные сведения Ибн Баттуты И. П. Петрушевский, указывая, что рассказы средневекового путешественника содержат фактические данные, которых нет в других источниках. Столь же часто обращался к сообщениям и отдельным отрывкам из «Путешествия» Ибн Баттуты А. Ю. Якубовский.

«Путешествие» Ибн Баттуты использовано в таких фундаментальных трудах по истории Средней Азии, как «Таджики» Б. Г. Гафурова, «История орошения Хорезма» Я. Г. Гулямова, «Бухарские документы XIV века» О. Д. Чехович и др.

Кроме того, к сочинению Ибн Баттуты обращались такие известные ученые, как С. П. Толстов, М. Е. Массон, А. М. Беленицкий, А. П. Смирнов и многие другие. К труду Ибн Баттуты прибегали авторы, разрабатывавшие историю Узбекистана, Казахстана, Туркмении.

Ценность «Путешествия» Ибн Баттуты увеличивается тем обстоятельством, что книга представляет собой не свод сухих данных, взятых из книжных источников, а живой рассказ очевидца. Ибн Баттута, величайший из путешественников своего времени, принадлежал к той же плеяде первопроходцев, что и Марко Поло, Афанасий Никитин и др. Неутолимая жажда знаний, любо-

зательность, постоянное томление души, стремившейся своими глазами увидеть «все диковинки земли», толкавшие их в путь, были знаменем времени, были обусловлены исторически. В Ибн Баттуте эти приметы эпохи, когда человечество так рвалось расширить свое поле зрения, нашли необычайно яркое воплощение. Он представляет собой богато одаренную, очень интересную психологически личность. Для него, в частности, характерна широта взглядов, уживающаяся с «правовойностью», сочетание точности в передаче наблюдений со стремлением рассказать о «чудесах святых», которые он рассматривает как подлинные факты.

Способы описания Ибн Баттуты иные, чем у других арабских средневековых авторов. Он не тревожится о схоластическом наукообразии, не ведает о нем. Его «Путешествие» представляет собой живой рассказ очевидца. Он не приводит географических координат городов, которые посетил, а просто рассказывает, как ехал от одного города к другому, из страны в страну (например, из Сарай-Берке в Хорезм и далее по Средней Азии). Побывав в городе, он пишет о том, что видел собственными глазами, описывает людей, с которыми встречался, лишь изредка приводя услышанные им от местных жителей рассказы об истории того или иного города или поселения. Останавливается он главным образом на своих впечатлениях о местных правителях, духовных лицах и «святынях».

Его рассказ напоминает в этом отношении повествование Марко Поло, посетившего эти места несколько раньше, — тот также при описании увиденных им стран и городов уделял большое внимание «чудесам», совершенным каким-либо святым. Только Марко Поло писал о христианских святых, а Ибн Баттута весьма подробно рассказывает о гробницах «святых шейхов» и чудесах, которые произошли на его глазах или о которых ему довелось слышать.

Посетив Хорезм, путешественник наибольшее внимание уделяет его столице Ургенчу, которую называет также Хорезмом. Из описаний Ибн Баттуты явствует, что в первой половине XIV в. этот город был крупным экономическим и культурным центром.

Особое внимание Ибн Баттута обращает на хорезмийские рынки, где, по его словам, «толчея была такая, что я не мог двинуться ни вперед, ни назад...» [25, III, 3]. Напомним, что путешественник посетил множество

городов Ближнего Востока, и среди них такие, как Каир и Дамаск. При этом он описывает столицу Хорезма Ургенч примерно в тех же выражениях, что и эти огромные по масштабам того времени города («город волнуется, как бурное море»). Можно заключить, таким образом, что Ургенч в 1333 г., когда его посетил Ибн Баттута, был действительно большим, оживленным городом, выдерживавшим сравнение с другими выделенными им городами.

Путешественник не стремится рассказать о Хорезме все — он и не может сделать этого, так как незнаком с письменными источниками. Да и взгляд его обращен на другое. Для него главное — живое впечатление от города, давка, суeta на базарах. Об Ургенче он пишет: «Это величайший, красивейший, крупнейший город тюрок с прекрасными базарами, широкими улицами, многочисленными постройками и впечатляющими видами. В городе кипит жизнь благодаря большому числу жителей, и он кажется волнующимся морем» [25, III, 3].

Путешественник не перечисляет подробно товары, имеющиеся на рынках Ургенча. Ограничившись беглым упоминанием о том, что летом по Джайхуну ходит множество судов, которые привозят из Термеза пшеницу и ячмень, Ибн Баттута с восторгом описывает знаменитую хорезмскую дыню, которая была его любимым лакомством. Попутно он указывает и способ приготовления вяленой дыни: «Как на востоке, так и на западе мира нет дынь, подобных хорезмским, за исключением бухарской, за которой следует исфаханская дыня... Удивительно, что ее разрезают на куски, сушат на солнце и кладут в корзины, как у нас делают с сухими фигами и малагским инжиром, и везут из Хорезма в дальние города Индии и Китая...» [25, III, 15—16].

Весьма детально рассказывает Ибн Баттута обо всех торжественных приемах и угощениях, которые были устроены в его честь эмиром Хорезма Кутлудумуром (Кутлуг-Тимуром), кади города и другими высокопоставленными лицами. Здесь он не скупится на подробности, описывая убранство покоев эмира и кади, ковры, посуду и угощение. Мы узнаем, что к столу было подано множество фруктов в стеклянных иракских вазах, что помещение было украшено сукнами и златоткаными шелками.

Так же пространно описания Ибн Баттуты получен-

ных им подарков, о которых он говорит без всякого смущения, расценивая их как признак уважения к себе и своему духовному званию. Он сообщает о денежных подношениях эмира Хорезма, жены кади Ургенча — хатун Джиджа-ага, подчеркивая «благочестие» дарителей. Сами эти подарки, сделанные ему, человеку, посетившему «священные города» и образованному мусульманскому законоведу (каким ему хотелось себя считать), он рассматривает как подтверждение этого «благочестия».

С этой точки зрения пишет Ибн Баттута о строительстве в городе мечетей, медресе, завий, больницы.

Как и в других местах своей книги, Ибн Баттута уделяет большое внимание угощениям, устроенным в его честь, подробно описывает завии, в которых он остановился, повествует о бытовых подробностях, что придает его рассказу своеобразный характер. Это не столько ученое географическое описание, сколько мемуары, путевые заметки, в которых на первый план выступает субъективный, личный момент, придающий «Путешествию» характер определенной беллетристичности.

Интерес к тому, принял ли ислам тот или иной правитель, который отмечают некоторые исследователи Ибн Баттуты, нельзя назвать особенностью, свойственной лишь ему. Многие историки, главным образом разрабатывающие послемонгольский период, специально подчеркивают этот момент. В самом деле, для мусульманского населения завоеванных монголами стран было весьма важно, принял ли их правитель религию покоренного народа, — это определяло вопрос о налогах, правах жителей, судопроизводстве. Этот «жизненный» интерес не мог не отразиться в литературе. Например, Перс ал-Джужджани, автор сочинения «Табакат-и Насири», современник монгольского нашествия, подробно рассказывает о том, что хан Джучи, отец Берке, приказал воспитать сына по мусульманским обычаям и обучить его в Ходженде Корану у «одного из ученых благочестивцев этого города» [74, II, 16]. При дальнейшем изложении историк постоянно подчеркивает благожелательное отношение Берке к мусульманам, «благочестие» этого правителя.

Столь же показательно для мусульманских авторов XIII—XIV вв. подчеркивание почтительного отношения монгольских правителей к суфийским шейхам, главам суфийских орденов, которые играли в эту эпоху боль-

шую экономическую и идеологическую роль — и как крупные землевладельцы, и как «духовные руководители» в первую очередь крестьян, приписанных к их земле [74, II, 16]. Для иллюстрации популярности и влияния суфийских шейхов в эпоху Ибн Баттуты приведем лишь отрывок из известной «Истории Вассафа», характерный также своим перифрастическим стилем, общим в то время и для персидской, и для арабской «официальной» прозы:

«Царевич Узбек, который был украшен красою ислама и у которого шея чистосердечия была убрана жемчужинами чистой веры, с великим смирением отправил в обитель для паломничества небольшую группу доверенных лиц (*инак*), и старец (той) эпохи говорил: „В обители дервишей хан и каан одинаковы с одетыми в рубище“. Прежде чем в армии (Узбека), по многочисленности равной муравейнику, разместились правое и левое крыло, авангард (*манкила*) и арьергард (*кечка*), Сарай-Кутлуг, брат Кутлуг-Тимура, для [этого] паломничества снял с головы произвола шапку спеси и султанства и смиренно [положил] голову на порог унижения и скромности».

Многие сообщения средневековой истории Вассафа полностью согласуются с кажущимися на первый взгляд преувеличенными рассказами Ибн Баттуты о том, как почтительно относятся султан Узбек, Тармаширин, правитель Мавераннахра, Кутлуг-Тимур, эмир Хорезма к имаму Хусам ад-Дину ал-Йаги в Нахшабе, шейху хаджи Низам ад-Дину в Сарай-Берке и другим шейхам, особенно Нуман ад-Дину ал-Хорезми, «очень строгому к мирянам» [74, II, 87]. Ибн Баттута, например, сообщает, что султан Узбек навещает шейха Нуман ад-Дина каждую пятницу, но тот «даже не встает со своего места» [25, II, 449].

«Путешествие» Ибн Баттуты, который всякий раз точно указывал, в какой из суфийских обителей он остановился, как его приняли и кто прислал продукты для «прокормления», дает любопытные свидетельства о числе суфийских завий в Средней Азии. Показательно само перечисление завий, в которых он побывал во время своей поездки по Средней Азии (в порядке его маршрута, начиная от Хорезма). Он называет завия на могиле шейха Наджм ад-Дина ал-Кубра, где «готовили угощения для приезжающих и уезжающих» [25, III, 6]. Шейхом этой обители в то время был *мударрис* Сайф

ад-Дин ибн Асаба. Тут же Ибн Баттута упоминает соседнюю обитель, шейхом которой был «благочестивый *муджавир*» Джалал ад-Дин ас-Самарканди, «один из величайших праведников». Джалал ад-Дин также устроил прием в честь Ибн Баттуты. Далее путешественник говорит о гробнице «ученого имама Абу-л-Касима Махмуда ибн Умара аз-Замахшари, над которой возведен мавзолей» [25, III, 6]. Правда, Ибн Баттута не описывает его подробно, но, как правило, при таких мавзолеях существовала и завия, а к гробнице был приписан вакф, за счет которого существовали духовные лица, «обслуживающие» мавзолей и странноприимный дом при нем.

Затем Ибн Баттута рассказывает о «новом медресе» за пределами Ургенча, где он остановился на ночь, чтобы не въезжать в город во время толчеи (перед закрытием городских ворот). В медресе Ибн Баттуту посетили кади Ургенча и ряд духовных лиц; среди них Ибн Баттута называет Шамс ад-Дина ас-Синджари — имама хорезмского эмира.

Далее Ибн Баттута описывает угощение, которое устроила в его честь Турбек-хатун, жена эмира Хорезма, в выстроенной ею завии, где также «кормили приезжающих и уезжающих» [25, III, 14].

Таковы завии одного лишь Хорезма, о которых упоминает Ибн Баттута. Продолжая свое путешествие, он прибыл в предместье Бухары Фатхабад, где находилась могила «благочестивого отшельника Сайф ад-Дина ад-Бахарзи, одного из величайших святых» [25, III, 27]. Здесь путешественник говорит о том, что завия, построенная у мавзолея Сайф ад-Дина ал-Бахарзи, существует на доходы от многочисленных вакфов: «Завия, носящая имя этого шейха, где мы остановились, очень велика и имеет огромные вакфы, на доходы с которых питаются приезжие».

Очень интересно сообщение Ибн Баттуты о том, что шейх этой завии — «один из потомков Сайф ад-Дина, совершивший благочестивое паломничество Йахья ал-Бахарзи» (ум. 1335-36). Можно предположить, что во время Ибн Баттуты уже существовали своеобразные «суфийские династии», где звание шейха переходило по наследству.

Следующая значительная среднеазиатская завия, из тех, где побывал Ибн Баттута, — обитель при мавзолее Кусамы ибн Аббаса ибн Абд ал-Мутталиба, располо-

женная в окрестностях Самарканда. Это одна из наиболее популярных в то время святынь на территории Средней Азии. Ибн Баттута рассказывает: «Жители Самарканда ходят вечером каждый понедельник и пятницу посетить эту могилу. Татары также посещают ее; они дают значительные пожертвования и приводят коров, баранов, приносят дирхемы и динары; все это расходуется на угощение посетителей и содержание служителей завии и благословенной могилы» [25, III, 52—53].

О значении упомянутой святыни говорит тот факт, что «смотрителем этой гробницы и примыкающих к ней земель» (т. е. вакфов, которые, несомненно, были приписаны к такой популярной гробнице) был эмир Гийас ад-Дин Мухаммад ибн Абд ал-Кадир ибн Абд ал-Азиз ибн Йусуф, сын аббасидского халифа ал-Мустансира. По словам Ибн Баттуты, султан Мавераннахра Тармаширин назначил эмира на эту должность после его прибытия из Ирака. Определив в смотрители гробницы потомка халифа ал-Мустансира, бывшего главы всех мусульман, Тармаширин как бы подчеркивал «главенствующую» роль своего государства в системе ислама, бросая вызов другим монгольским государям, своим политическим соперникам.

В Термезе Ибн Баттута также расположился в завии «добродетельного шейха Азизана, одного из главных и почетных шейхов, богатого владельца многих земель и садов. Свои деньги он расходует для угощения паломников» [25, III, 54].

Если вернуться к современному Ибн Баттуте источнику — сочинению ал-Умари, то здесь также обращают внимание сообщения автора о распространении завий в Средней Азии. Ал-Умари пишет: «Ты видишь, что обычные люди богатства и достатка тратят свои деньги на то, чтобы доставить себе удовольствие и наслаждение, а не на то, что было бы угодно Аллаху Всевышнему, состязаются друг с другом [в роскоши]. Но в Мавераннахре люди богатые и обеспеченные расходуют свои деньги главным образом на постройку медресе, рибатов, устройство дорог и вакфов во имя Аллаха».

Таким образом, ал-Умари, как и Ибн Баттута, специально отмечает «благочестие» и «богоугодные дела» жителей Мавераннахра, и прежде всего распространение завий, служивших средоточием суфизма, религиозного течения, которое играло в эту эпоху огромную роль.

Ибн Баттута ничего не говорит здесь об уставе и обычаях суфиев, живших в завиях, считая их, очевидно, общеизвестными. Однако мы можем весьма детально восстановить эти обычаи на основе документов, современных Ибн Баттуте и относящихся к одной из завий, которые он посетил, — к завии, устроенной при мавзолее шейха Сайф ад-Дина Бахарзи [78, 19—20].

Документ перечисляет все необходимое в обиходе завии и подчеркивает важность соблюдения «нестяжательства», «бедности» и скромности, т. е. неперменных элементов суфийской «демократии» и дервишской морали (разумеется, эти принципы соблюдались формально, так как сам учредитель вакфа Йахйа ал-Бахарзи был чрезвычайно богат). В документе говорится: «И, конечно, каждый из сыновей учредителя вакфа или дяди учредителя, в коем имеется страсть к стяжанию мирских благ или домогательство высокого сана, кто возвеличивается перед бедняками или наряжается в одежды легкомысленных людей и надевает дорогостоящие платья, кто избегает и не носит грубых шерстяных старых одежд, изорванных, заплатанных рубищ, кто заставляет свою жену и детей надевать хорошие платья и украшает свое жилище мирским добром, тому пусть не дают управлять вакфом...» [78, 177].

В документе ясно показано, что управление вакфом (и, значит, гробницей или завией, одной или несколькими) было наследственным, управитель обычно назначался из потомков «учредителя вакфа» и должен был быть человеком, «далеким от всего мирского и благочестивым, мало приверженным к земным благам», в нем должны «преобладать внешность и сущность дервишей». Мутавалли, распорядитель вакфа, выдвигался (избирался) самими суфиями: «И нужно, чтобы его выдвинули самые отрешенные от мира, самые благочестивые и мудрые суфии из числа служителей ханаки, из постоянно живущих [в ханаке] и странствующих дервишей» [78, 176].

Один из самых подробных рассказов в главах «Путешествий», относящихся к Средней Азии, — это описание «благочестивого» султана Тармаширина [25, III, 31, 36—47], которому Ибн Баттута придает трогательные черты защитника мусульман, смиренно выслушивающего резкости проповедников. Он воспроизводит слова Тармаширина: «Когда поедешь в свою страну, скажи, как беднейший из бедных суфиев-персов обращает

ся с султаном тюрок» [25, II, 31—36]. Подробно рассказывая о Тармаширине, Ибн Баттута, однако, не касается основного направления его политики, подмеченного ал-Умари. Ал-Умари пишет: «Цари этого государства (т. е. Мавераннахра.— Н. И.) приняли ислам лишь недавно, после 725 года. Первый из них, кто принял ислам,— Тармаширин, да помилует его Аллах. Он искренне предался Аллаху, поддерживал ислам и стоял за него, как мог. Он приказал принять ислам своим эмирам и своим воинам: некоторые из них стали еще раньше мусульманами, а другие приняли ислам в повиновение ему. Ислам распространился среди них, и так высоко поднялся его стяг, что не прошло и десяти лет, как ислам приняли все: и знатные, и простонародье. Ему способствовали проживающие в тех краях ученые имамы и угодные Аллаху шейхи. Они использовали случай привести к покорности тюрок и постепенно призвали их к правой вере. И сейчас они (тюркские эмиры.— Н. И.), как у нас стало известно, самые ревностные из людей в делах веры и меньше всех ошибаются в том, что дозволено и что запретно» [75, 38—39].

Вероятнее всего, что Тармаширин понимал те преимущества, которые представлял ислам, и в первую очередь постарался привлечь в Мавераннахр мусульманских купцов. Всех прибывающих из других мусульманских стран он принимал с почетом, стараясь установить с ними как можно более широкие контакты. Поэтому Тармаширин так радушно встретил и Ибн Баттуту, богато одарил его. И неудивительно, что странник восторженно описывает его «благочестие» (чего, видимо, и добивался Тармаширин в расчете на «рекламу»). В этом плане сообщения ал-Умари оказываются более интересными и объективными, поскольку помогают прояснить истинную цель, преследуемую Тармаширином.

Ал-Умари пишет далее: «Мы уже указали на то, что народ этого царства и основные, исконные его жители — из старых мусульман, давно принявших ислам. Несмотря на неверие своих царей, они почитали ислам, и их не коснулась беда в их вере, состоянии и имуществе. И когда власть перешла к Тармаширину, как мы упоминали, он уверовал в ислам, поддержал его в своей стране и распространил по всем краям своего царства. Он стал следовать установлениям шариата и идти по их стезе.

Он оказывал почет купцам и тем, кто приходил к нему со всех сторон. До него дороги для купцов Египта и Сирии в его землю были закрыты, и странники, скитающиеся по земле, не помышляли даже пройти через тот край. Когда же воцарился Тармаширин, купцы во множестве стали стремиться к нему и возвращались от него благодарными, так что его страна стала для них дорогой, ведущей к цели, и торным путем. Мне рассказывал Садр Бадр ад-Дин Хасан ал-Ис'ирди, купец, о том, как Тармаширин обходился с купцами и прибывающими к нему путешественниками, о том уважении, которое он им оказывал, о великих милостях, которые он расточал, и о том, как он всячески старался завоевать их сердце» [75, 41].

Таким образом, сообщения двух современников рисуют облик Тармаширина несколько по-разному: у Ибн Баттуты Тармаширин — благочестивый мусульманин, смиренно слушающий своего духовного наставника, терпящий унижения «во имя веры Аллаха», преданный исламу ради самого ислама. У ал-Умари — это политик, покровительствующий купцам и путешественникам, заботящийся о безопасности дорог и процветании торговли. Вероятно, картина, нарисованная ал-Умари, более объективна, хотя он и не был, как Ибн Баттута, знаком с этим правителем и пишет с чужих слов.

В эпоху процветания суфийских орденов широко распространяется такое явление, которое в раннем исламе рассматривали как *ширк* («многобожие», «язычество»), — почитание могил святых (*вали, аулийа*).

В культе святых на территории Средней Азии, как и в других мусульманских странах, прежде всего проявились тенденции к возрождению вытесненных исламом древних верований и культов. Как видно из сообщений Ибн Баттуты, культ святых в Средней Азии, несмотря на отрицательное отношение к нему официальной теологии и сунны, стал той реальной, конкретной формой, в которой проявлялось религиозное сознание народа. Могилы святых и прочие связанные с культом святых «священные» места превратились в центры паломничества. В этот период культ святых не считается противоречащим Корану и не воспринимается как *ширк*, что свидетельствует о глубококом внедрении его в систему ислама.

Видоизменения культа святых весьма разнообразны по существу и форме. Святым мог оказаться всякий: шейх, религиозный подвижник, ученый и т. д. Как по-

казывают сведения Ибн Баттуты, в любом городе было множество святых могил. Каждый крупный населенный пункт имел своего святого, на помощь которого рассчитывали его жители и паломники.

Широкому распространению культа святых способствовали остатки домусульманских верований. Наблюдается любопытное переплетение доисламских и мусульманских обрядов. Ибн Баттута рассказывает, что на могиле Кусамы ибн Аббаса, расположенной за Самаркандом, было принято закалывать быков и баранов, которых приводили паломники — коренные жители Самарканда и «татары» [25, III, 52—53].

Ибн Баттута упоминает также о мазаре Наджм ад-Дина ал-Кубра в окрестностях Ургенча, который был одной из самых почитаемых святынь в Средней Азии. Не зная языка, Ибн Баттута не мог быть знаком с теми легендами, которые сложились вокруг имени этого святого. Между тем дожившее почти до наших дней предание содержит в себе элементы, противоречащие исламу и свидетельствующие о древности самого предания. Известно, что у мусульман собака считается «нечистым» животным. Однако легенда повествует о чудесной собаке святого, которая «могла летать по воздуху». Возле мазара паломникам даже показывают каменную кормушку, из которой будто бы ела та собака [124, 322]. И хотя жители Хорезма и другие паломники, посещавшие могилу Наджм ад-Дина ал-Кубра, были мусульманами («старыми мусульманами», как говорит ал-Умари), их несколько не шокировало упоминание собаки в древней легенде. Подобные святилища, как рассказывает Ибн Баттута, были во всех городах и населенных пунктах Мавераннахра.

Об устойчивости старых обычаев и верований говорят и те данные, которые Ибн Баттута приводит, касаясь обычаев именованья ребенка у тюрков [25, II, 396].

Обычай жертвоприношения был общим для древних местных культов, для ислама и для монголов. В Средней Азии обряд принесения в жертву лошадей, овец и быков на могилах святых соблюдался как язычниками, так и мусульманами, в том числе новообращенными (т. е. пришельцами, «татарами»).

Другим широко распространенным явлением (также «язычеством» с точки зрения ортодоксального ислама) была вера в чудеса, совершенные живыми святыми,

т. е. культ антрополатрии. Описывая виденные им города, Ибн Баттута обязательно отмечает в них того или иного чудотворца, в деяния которых он, как и местные жители, глубоко верил (в Магрибе, откуда был родом Ибн Баттута, культ святых также был весьма распространен).

Авторитет святых, творивших «чудеса», исцелявших от болезней, предсказывавших будущее, был очень велик. Поклонялись им и монгольские ханы, и местные жители. Описывая взаимоотношения Узбек-хана и шейха Нуман ад-Дина ал-Хорезми, восхваляя независимость, благочестие, неподкупность шейха, Ибн Баттута не забывает отметить и его «священную способность» творить чудеса: «Меня он принял очень ласково — да воздаст ему Аллах за это добром — и прислал мне тюркского гуляма. Я лично был свидетелем его чудес» [25, II, 449].

Тут, как и в конце описания «достоинств» каждого города и его святого, Ибн Баттута приводит рассказ под названием «Чудо шейха», в котором, на взгляд современного человека, нет ничего чудесного. Подобные же «чудеса» Ибн Баттута рассказывает о шейхе Нур ад-Дине ал-Кермани, об «отшельнике» Абу Абдаллахе ал-Муршиди, о шейхе Шихаб ад-Дине, о шейхе Кутб ад-Дине ан-Найсабури и о многих других святых. Этими своими чертами «Путешествие» Ибн Баттуты перекликается с книгами «житийного» жанра, широко распространенными в то время.

Сообщение Ибн Баттуты об обычае наречения именем говорит о наличии у тюрков-мусульман древних пережитков тотемизма. Несмотря на то что в массе своей тюрки в это время получали арабо-мусульманские имена (Мухаммад, Ибрахим, Фатима и т. д.), все же сохранился обычай давать детям имена по тому предмету или животному, которые роженица увидела первыми после родов. «Тюрки, — говорит Ибн Баттута, — называют родившегося ребенка по имени первого входящего в шатер при его рождении» [25, II, 115]. И хотя этот обычай был главным образом распространен среди язычников, но и мусульмане не отказались от него полностью.

В другом месте Ибн Баттута рассказывает: «Имя дочери султана Узбека — Иткуджук (Иткучук). Имя это значит «собачка», потому что «ит» — собака, а «куджук» — щенок. Мы уже сказали выше, что тюрки

получают имена по случаю, как это делалось когда-то у арабов» [25, II, 396].

Можно привести длинный ряд имен, данных «по случаю» и заменяющих мусульманские имена. Ибн Баттута сравнивает этот обычай с обычаем, существовавшим у арабов, где тотемические наименования были распространены главным образом в названии племен (*калб* — «собака», *килаб* — «собаки», *кулайб* — «собачка», *асад* — «лев», *курайш* — «акула» и т. д.).

Таким образом, можно констатировать, что «интерес к исламу», наблюдавшийся у Ибн Баттуты, характерен не только для него, но и для многих других авторов XIII—XIV вв., когда вопрос о вероисповедании, в частности о принятии или неприятии монгольскими государствами ислама, играл важную политико-экономическую роль.

Рассказы Ибн Баттуты об обилии суфийских завий в Средней Азии согласуются с сообщениями других источников и отражают жизненные реальности этого периода. Другую сторону этого явления представляют собой широкое распространение в различных областях культа святых и расцвет «житийной» (агиографической) литературы, складывающейся вокруг имен этих святых.

Большой интерес представляют также рассказы Ибн Баттуты о пережиточных культовых формах, встречающихся у народов Средней Азии, причем доказательством широты взглядов Ибн Баттуты служит его доброжелательный и объективный тон.

Таковы основные черты «Путешествия» Ибн Баттуты, рассказавшего о самом значительном, по его мнению, из того, что он видел.

* * *

Несколько слов о принципах перевода «Путешествия» Ибн Баттуты.

Перевод средневековых источников, написанных на арабском языке, имеет давнюю традицию, как в Западной Европе и в России, а позднее в Советском Союзе, так и в странах Ближнего и Среднего Востока (главным образом в Иране и Турции). В сущности, с перевода арабских исторических хроник и географических сочинений началось изучение истории науки восточного средневековья, а источники эти определили и уточнили археологические и нумизматические изыскания совре-

менных ученых-историков. Без данных таких авторов, как Табари, Ибн ал-Асир, ал-Мукаддаси, Ибн Хордадбеж и др., многие важные находки археологов и нумизматов оказались бы истолкованными произвольно и неполно. Однако перевод средневековых произведений представляет значительные трудности. Сложнейшей стороной использования источников является точное понимание их текста. Ведь эти сочинения были написаны в эпоху, отделенную от нас несколькими столетиями, когда существовали иная система мер и весов, иные реалии, а слова и термины, знакомые нам по современному языку, часто имели иное содержание. Зачастую это приводит к модернизации источника в переводе, что крайне нежелательно.

Не менее опасна при переводе классического наследия другая крайность: архаизация текста. Переводчик, следуя за буквой оригинала, часто неоправданно «удревняет» источник. Возникают тяжелые обороты, чуждые как языку оригинала, так и современному русскому языку, устарелые конструкции.

Основой данного ниже перевода глав «Путешествия», касающихся Средней Азии, является принцип адекватности. Переводчик старался при возможно более полном сохранении структуры арабского текста отойти от «словарного» перевода, учитывая всю сложность малого контекста — предложения и ситуации, и общего контекста «Путешествия» как законченной стилистической структуры.

В «Путешествии» мы, безусловно, имеем дело с личной манерой рассказчика, в которой отразился весьма показательный и плодотворный для развития арабской прозы процесс создания «народной литературы», формировавшейся в ту эпоху.

Предлагаемый перевод выполнен по парижскому изданию арабского текста «Путешествия» Ибн Баттуты, сличенному с другими соответствующими публикациями.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

¹ См., например, у А. Ю. Якубовского [136, 16].

² Ибн Халдун (ум. 1406) — знаменитый арабский ученый XIV в. О нем см.: Баццева С. М. Историко-социологический трактат Ибн Халдуна «Мукаддима». М., 1965.

³ Ибн Хаджар ал-Аскалани — известный палестинский правовед и историк XV в. (ум. 1448), автор биографического словаря «ад-Ду-рар ал-Камина фи айани-л-миати-с-самина» [47, с. 424].

Глава I

¹ Правильное написание имени Ибн Баттуты с двумя «т» было установлено в 1918 г. А. Фишером; см. [158].

² Описание Ибн Баттутой братства ахи послужило темой специального исследования турецкого ученого М. Джевдета [141].

³ *Пора* (паре) — участок земли.

⁴ Гута — название долины в окрестностях Дамаска.

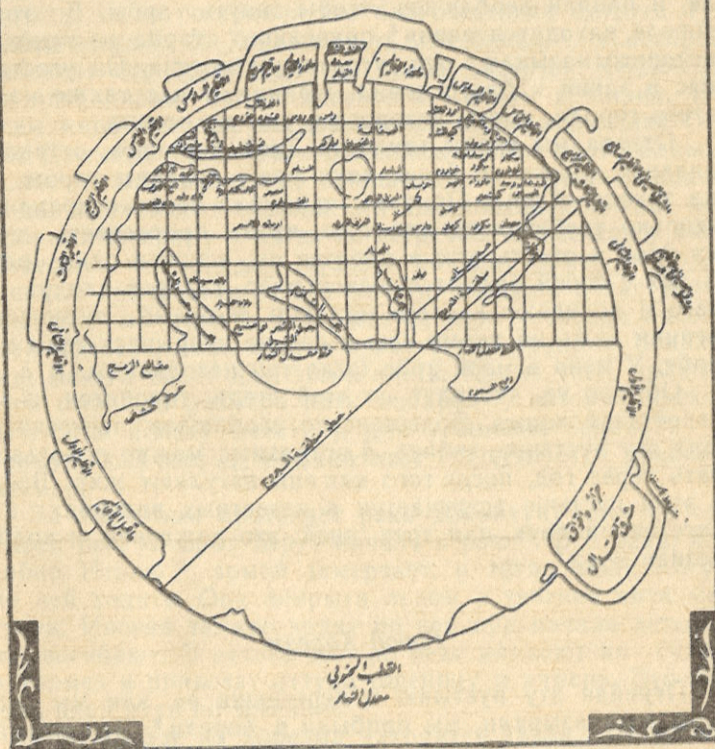
⁵ У И. Ю. Крачковского [107, IV, 420] приведена неверная дата окончания путешествия — конец 1353 г. В действительности он вернулся в Фес 10 зу-ль-хиджжа 754 г. х., что соответствует 8 января 1354 г.

⁶ Таковы, например, «Рассказ о великом чуде в Бодаке (Багдаде) и о горе, о видении епископа, о чуде, случившемся с христианами Самарканда», и т. д. [70, 60, 62, 70].

ИБН БАТТУТА

О СРЕДНЕЙ АЗИИ

Перевод
глав „Путешествия“
Ибн Баттуты,
находящихся
Средней Азии
и некоторых
сопредельных
областей

Путешествие в Хорезм

Через десять дней после отъезда из Сара¹ мы прибыли в город Сараджук², *джук* значит «маленький». Они таким образом хотели выразить, что это Сара Малый. Город этот расположен на берегу полноводной, крупной реки, называемой Улусу³, значение чего «великая вода». Через нее переброшен мост из лодок⁴, такой же, как в Багдаде. В этом городе наше путешествие на лошадях, тянувших арбы, закончилось. Там мы продали их по четыре динара денег⁵ за лошадь и меньше этого, ввиду их слабости и дешевизны в этом городе, и наняли верблюдов, чтобы тянуть арбы. В этом городе находится завия⁶ праведного старца из тюрков, которого называют *ата*, что значит «отец». Он угостил нас в завии и благословил. Принимал нас также кади этого города, имени которого я уже не помню.

Оттуда мы ехали тридцать дней, торопясь, останавливаясь в день не более двух раз — поздним утром и на заходе солнца. Привалы занимали столько времени, сколько требовалось для того, чтобы приготовить суп из *дуки* и съесть его, а варится он, вскипев один раз. У них с собой бывает сушеное мясо, которое кладут в него и поливают кислым молоком. Каждый путешественник даже на время еды и сна не прерывает езды на арбе. У меня в моей арбе было три невольницы.

Обычно те, кто едут по этой степи, торопятся из-за недостатка корма. Большинство верблюдов, пересекающих эту пустыню, гибнут, а остальных можно использовать через год, после того как они нагуляют жир. Вода в этой пустыне встречается в известных водопоях на расстоянии двух или трех дней: это дождевая и колодезная вода⁷.

Город Хорезм

Перейдя эту пустыню и пересекши ее, как мы об этом рассказывали, мы прибыли в Хорезм⁸. Это самый

большой, значительный, красивый и величавый город тюрков с прекрасными базарами, широкими улицами, многочисленными постройками и впечатляющими видами⁹. В городе кипит жизнь, и из-за столь большого числа жителей он кажется волнующимся морем. Однажды, проезжая по городу, я зашел на рынок, а когда добрался до середины, оказался в самом шумном месте, которое называют *шаур*¹⁰. Толчея была такая, что я не мог двинуться ни вперед, ни назад. Я постоял там, растерявшись, и лишь после долгих усилий выбрался. Кто-то сказал мне, что в пятничные дни¹¹ на этом базаре меньше толкотни, поскольку в этот день закрывают базар Кайсарийа¹² и другие базары.

В пятницу я верхом отправился в соборную мечеть и медресе¹³. Этот город находится под властью султана Узбека¹⁴, имеющего там своего великого эмира по имени Кутлудумур¹⁵. Этот эмир построил медресе и другие примыкающие к нему помещения. Что касается мечети, то ее построила его благочестивая супруга Турабек-хатун¹⁶. В Хорезме есть лечебница¹⁷, в которой работает сирийский врач по нисбе Сахйуни. Как видно из этой нисбы, он из местности Сахйун в Сирии. Во всем мире мне еще не доводилось встречать людей более благонравных, чем хорезмийцы, более благородных, более гостеприимных по отношению к чужестранцам. У них прекрасный обычай для исполнения молитвы, подобного которому я нигде не встречал, кроме как у них. Заведено, что каждый муаззин обходит дома, расположенные поблизости от его мечети, извещая о наступлении часа молитвы¹⁸. Того, кто не присутствовал на общей молитве, имам бьет в присутствии общины. В каждой мечети висит для этого плетень. Кроме того, налагается штраф в размере пяти динаров¹⁹, которые расходуются в пользу мечети и для угощения бедняков и нищих. Говорят, обычай этот существует с древних времен.

За Хорезмом протекает река Джайхун, одна из четырех рек, которые берут начало в раю²⁰. Эта река, подобно Итилю²¹, зимой замерзает, и тогда люди могут по ней ходить. Она покрыта льдом в течение пяти месяцев. Иногда те, кто ходит по ней при начале ледохода, погибают. В летние дни по реке плавают на судах в Термез и привозят оттуда пшеницу и ячмень. Это десять дней пути по течению.

При выезде из Хорезма находится завия, построен-

ная на могиле шейха Наджм ад-Дина ал-Кубра²², одного из величайших праведников. Там готовят угощение для приезжающих и отъезжающих²³. (Ее шейхом) состоит мударрис Сайф ад-Дин Ибн Асаба, один из почтенных жителей Хорезма. Рядом расположена еще одна завия, шейхом которой является благочестивый муджавир²⁴ Джалал ад-Дин ас-Самарканди, один из величайших праведников. Он угостил нас у себя. За городом также имеется гробница ученого имама Абу-л-Касима Махмуда ибн Умара аз-Замахшари²⁵, над которой возведен мавзолей. Замахшар²⁶ — селение в четырех милях от Хорезма.

Когда я прибыл в этот город, я остановился за его пределами. Один из моих людей²⁷ направился к кади Садру²⁸ Абу-Хафсу Умару ал-Бакри. Он послал ко мне своего заместителя (*наиба*) Нур ал-Ислама, который приветствовал меня и вернулся к Садру. Затем явился сам кади во главе группы своих людей и приветствовал меня. Годами он был молод, но делами — велик. У него было два заместителя — *наиба*, один из которых — упомянутый Нур ал-Ислам, другой — Нур ад-Дин ал-Кермани, один из видных правоведов, твердый в своих суждениях и сильный в своей вере в Аллаха Всевышнего.

Когда состоялась наша встреча с кади, он сказал мне: «В этом городе очень большая толчея, и вам не удастся войти в него днем; к вам придет Нур ал-Ислам, и вы войдете с ним в конце ночи». Мы так и сделали и остановились в новом медресе, в котором никогда не было. После утренней молитвы к нам пришел упомянутый кади, и с ним группа знатных людей города, среди которых были мавлана²⁹ Хумам ад-Дин, мавлана Зайн ад-Дин ал-Мукаддаси, мавлана Рида ад-Дин Йахйа, мавлана Фадлаллах ар-Ридави, мавлана Джалал ад-Дин ал-Имади и мавлана Шамс ад-Дин ас-Синджари — имам хорезмского эмира. Все они достойные и почтенные люди. В их вере преобладает учение мутазили-³⁰тов, но они не показывают этого, потому что султан Узбек и Кутлудумур, его эмир в этом городе, — сунниты³¹.

В дни моего пребывания в этом городе я совершал пятничную молитву с упомянутым кади Абу Хафсом Умаром в его мечети и по совершении молитвы шел с ним в его дом находившийся поблизости. И я входил с ним в его приемную (*моджлис*), а это был прекрасный

зал, убранный красивыми коврами, со стенами, обитыми сукном, с множеством ниш, в каждой из которых стоят серебряные сосуды с позолотой и иракские кувшины. Обычно жители той страны так убирают свои дома. Затем подавались многочисленные блюда. Кади был богатым человеком, обладал огромным состоянием и имуществом. Он свояк эмира Кутлудумура, поскольку женат на сестре его жены по имени Джиджа-ага.

В этом городе есть несколько оповестителей³² и проповедников. Крупнейшими из них были мавлана Зайн ад-Дин ал-Мукаддаси и хатиб мавлана Хусам ад-Дин ал-Машати — один из четырех красноречивых проповедников в мире, лучше которых я не слышал.

Эмир Хорезма

Он — великий эмир Кутлудумур, имя его означает «благословенное железо», так как *кутлу* значит «благословенный», а *думур* — «железо». Эмир этот — сын тетки по матери великого султана Мухаммада Узбека и величайший из его эмиров. Он же является его наместником (*вали*) в Хорасане. Его сын Харун-бек женат на дочери упомянутого султана. Ее мать — царица Тайтугли, о которой было сказано ранее. Жена Кутлудумура Турабек-хатун известна своим благородством. Когда кади пришел, чтобы приветствовать меня, как я о том говорил, он сказал мне: «Эмир уже знает о твоём приезде, но он еще болен, и это не позволяет ему прийти к тебе»³³.

Я поехал вместе с кади навестить эмира. Мы прибыли к нему домой и прошли в обширное приемное помещение (*мишвар*), большинство покоев которого были деревянные. Затем мы вошли в малый зал с деревянным инкрустированным куполом; стены в нем были обиты разноцветным сукном, а потолок — златотканым шелком. Эмир сидел на шелковой постели; ноги его были укутаны по причине подагры. Эта болезнь распространена среди тюрок.

Я приветствовал эмира, и он усадил меня рядом с собой. Сели также кади и факихи. Эмир расспрашивал меня о своем повелителе, царе Мухаммаде Узбеке, о хатун Байалун³⁴ — о ее отце и о городе Константинополе. Я рассказал ему обо всем этом. Затем были принесены подносы с угощениями: жареные куры, журавли

и молодые голуби, пирожки, замешанные на масле, называемые *кулича*, печенье и разные сладости. Принесли еще другие подносы, на которых были фрукты — очищенные гранатовые зернышки в золотых и серебряных сосудах с золотыми ложками, а часть — в иракских стеклянных сосудах³⁵ с деревянными ложками, виноград и удивительные дыни.

У этого эмира было принято, чтобы кади приходил каждый день в его приемную и садился на место, отведенное для него, а вместе с ним факихи и писцы. Напротив него садился один из главных эмиров и с ним восемь старших тюркских эмиров и шейхов, называемых *йаргуджи*³⁶. Люди обращаются к ним с тяжбами. Если дело относится к шариятским, то по ним решение выносит кади, а по другим делам выносят решение эти эмиры. Их решения точны, справедливы, потому что их не заподозрят в пристрастии и они не берут взятки.

Мы вернулись в медресе, после того как были приняты эмиром, и он послал нам рис, муку, овец, масло, разные приправы и вязанки дров. Во всей этой стране не знают угля, так же как в Индии, Хорасане и Персии. Но в Китае используют для топлива камень (т. е. каменный уголь. — Н. И.), который горит, словно древесный уголь, и потом, когда превращается в золу, ее замешивают с водой, сушат на солнце и готовят на этом топливе до тех пор, пока оно совсем не исчезнет³⁷.

Рассказ о достоинствах этого кади и эмира

В одну из пятниц я молился, как обычно, в мечети кади Абу-Хафса, и он сказал мне: «Эмир приказал дать тебе пятьсот дирхемов и устроить угощение, на которое будет израсходовано еще пятьсот дирхемов. На нем будут присутствовать шейхи, факихи и знатные лица. Когда эмир приказал это, я сказал ему: „О эмир, ты устроишь угощение, присутствующие на котором съедят по куску или по два; если же ты отдашь ему все эти деньги, это будет для него гораздо полезней“. Он сказал: „Я так и сделаю“. И назначил тебе тысячу дирхемов полностью». Затем эмир послал в сопровождении своего имама Шамс ад-Дина ас-Синджари деньги в мешке, который принес его слуга. Стоимость этих дирхемов на магрибское золото равняется тремстам динарам³⁸.

В тот день я купил вороного коня за тридцать пять динаров и поехал на нем в мечеть. Я отдал его цену из той же тысячи. После этого у меня стало много коней. Число моих коней достигло такой цифры, которую я не называю, чтобы не солгать. Число лошадей у меня продолжало возрастать до тех пор, пока я не прибыл в Индию. У меня было много лошадей, но я предпочитал этого коня, ухаживал за ним и привязывал впереди всех лошадей. Он был у меня три года, а когда пал, я был сильно огорчен.

Жена кади — хатун Джиджа-ага послала мне сто динаров денег. Ее сестра Турабек, жена эмира, устроила пиршество, на которое пригласила факихов и знатных людей города. Этот пир был устроен в построенной ею завии, где кормили приезжавших и уезжавших. Она послала мне соболью шубу и хорошего коня. Она лучшая, праведнейшая и щедрейшая женщина. Аллах да вознаградит ее добром.

Рассказ

Покинув пиршество, устроенное в мою честь этой знатной госпожой, я вышел из завии и в дверях повстречал женщину, одетую в поношенное платье. Голова у нее была закрыта чадрой, с ней были женщины, числа которых я не помню. Она приветствовала меня, на что я ответил, не останавливаясь и не обращая внимания на нее. Когда я был уже на улице, меня догнал кто-то из бывших при этом людей и сказал: «Женщина, которая приветствовала тебя, и есть Турабек-хатун. Я устыдился, услышав эти слова, и хотел вернуться к ней, но узнал, что она уже ушла. Я передал ей привет через одного из ее слуг и извинился за то, что не узнал ее».

Хорезмская дыня

Как на востоке, так и на западе [мусульманского] мира нет дынь, подобных хорезмским, за исключением бухарской, за которой следует исфаханская дыня. Кожа ее зеленая, мякоть красная, очень сладкая и при этом твердая. Удивительно, что ее разрезают на куски, сушат на солнце и кладут в корзины, как у нас делают

с сушеными фидами (*шариха*) и малагским инжиром³⁹, и везут из Хорезма в дальние города Индии и Китая. Среди всех сушеных фруктов нет лучше ее. Во время моего пребывания в индийском городе Дели, когда прибывали путешественники, я посылал кого-нибудь к ним купить мне сушеной дыни. Царь Индии, если ему привозили даже немного ее, присылал мне, так как знал мое пристрастие к ней. Он имел привычку угощать чужеземцев плодами своей страны и этим выказывал свою заботу о них.

Благородный купец

Из города Сара до Хорезма меня сопровождал *шариф* из жителей города Кербелы⁴⁰ по имени Али ибн Мансур. А был он из купцов. Я обычно просил его купить мне одежду и другие вещи. Он покупал мне одежду за десять динаров, а мне говорил: «Я купил ее за восемь». Таким образом он получал с меня восемь, приплатив два динара из своих денег, а я не знал этого, пока людская молва не осведомила меня. Так он дал мне займы некоторое количество динаров. Когда же эмир Хорезма одарил меня, я вернул этому купцу то, что он одолжил мне. Я хотел отблагодарить его в ответ на его добрые поступки, но он отказался и заклинал меня, чтобы я не делал этого. Тогда я решил вознаградить его слугу по имени Кафур, но он заклинал меня, чтобы я и этого не делал. Этот человек был самым щедрым из иракцев, которых я встречал. Он решил отправиться со мной в Индию. В это время группа его земляков прибыла в Хорезм, намереваясь совершить путешествие в Китай, и он собрался ехать с ними. Я напомнил ему о том, что он хотел поехать со мной, на что *шариф* ответил: «Это мои земляки, которые вернутся к моей семье и родственникам и скажут, что я поехал в Индию за чужой счет, как нищий. Это будет позором для меня, и я не сделаю этого». И он поехал в Китай.

Прибыв в Индию, я узнал, что он достиг города Алмалыка⁴¹, а это конец земель правителя [наместничества] Мавераннахра⁴² и начало Китая. Он остановился там и послал своего слугу со всеми товарами. Слуга запоздал с возвращением, а в это время из его страны приехал в Алмалык некий купец и остановился на по-

стоялом дворе⁴³ с ним. Шариф попросил у него займы денег, пока не вернется его слуга. Купец отказал ему в этом, а потом он еще хуже поступил с шарифом: не давая ему опомниться, наказал, чтобы с него брали большую плату за помещение на постоялом дворе. Шариф, узнав об этом, был вне себя от горя, он вошел в свою комнату и зарезался. Его застали, когда он был еще жив. Заподозрили в убийстве его слугу, но купец сказал: «Не поступайте с ним несправедливо, я сам сделал это с собой», и он скончался в тот же день, да простит его Аллах! Этот шариф мне рассказывал о себе, что однажды взял займы у одного дамасского купца шесть тысяч дирхемов. Купец встретил его в городе Хаме⁴⁴ в Сирии и потребовал свои деньги, а он уже продал в кредит товары, купленные на те деньги. От стыда перед владельцем тех денег он вошел в дом, привязал свою чалму к потолку и хотел повеситься, но ему было суждено умереть позже — он вспомнил своего друга, ростовщика, направился к нему и рассказал ему о своем деле. Тот дал ему займы деньги, которые он и возвратил купцу.

Когда я собрался уехать из Хорезма, я нанял верблюдов и купил паланкин (*махара*). Спутником моим по паланкину был Афиф ад-Дин ат-Тузари. Часть лошадей оседлали слуги для себя, а на остальных мы накинули попоны от холода и вошли в пустыню, находящуюся между Хорезмом и Бухарой. Она составляет восемнадцатидневный путь в песках, на котором есть только одно селение⁴⁵. Я простился с эмиром Кутлудумуром. Он одарил меня халатом⁴⁶, а кади мне подарил другой халат и вышел с *факихами*, чтобы проводить меня.

Мы ехали четыре дня и достигли города Кыта (ал-Кат)⁴⁷. На этом пути нет другого селения, кроме него. Кят — небольшой и красивый город. Мы остановились за его пределами у пруда, замерзшего от холода. Мальчишки играли и катались на нем. О моем приезде услышал кади города Садр аш-Шариа, с которым я встречался в доме кади Хорезма. Он пришел приветствовать меня со своими учениками и набожным и благочестивым *шейхом* города⁴⁸ Махмудом ал-Хиваки. Кади предложил мне поехать к эмиру этого города. Тогда *шейх* Махмуд сказал: «Прибывшего навещают; если уж задумали, то пойдем к эмиру города и приведем его!» И они так и сделали. Через некоторое время прибыл

эмир со своей свитой и слугами. Мы приветствовали его. Мы хотели ехать как можно быстрее, но он попросил нас остаться и устроил пир, пригласив на него законовевов, военачальников и прочих. Поэты стали восхвалять его. Он одарил меня одеждой и добрым конем. И мы ехали по дороге, известной как Сибайа⁴⁹, в этой пустыне шесть дней без воды. Затем мы достигли города Вабканат⁵⁰. Он находится на расстоянии одного дня пути от Бухары. Это красивый городок с каналами и садами. Жители этого города сохраняют виноград в течение круглого года. У них есть плоды, называемые *ал-аллу* (*ал-алу*). Их сушат, и люди возят их в Индию и Китай. Их заливают водой и пьют эту воду. Пока они свежие — сладкие, а когда их высушат, то становятся кислотными, в плодах много мякоти, я не видел ничего подобного ни в Андалусии, ни в Сирии.

Затем мы ехали целый день среди сплошных садов и каналов, деревьев и обработанных полей и прибыли в город Бухару, откуда происходит имам *мухаддисов*⁵¹ Абу Абдаллах Мухаммад ибн Исмаил ал-Бухари⁵². Этот город был столицей городов, которые находятся за рекой Джайхун, но проклятый татарский Тингиз⁵³, предок царей Ирака⁵⁴, разрушил его, и сейчас его мечети, медресе и базары в развалинах, за исключением немногих. А жители унижены, их свидетельство не принимается⁵⁵ в Хорезме и в других странах из-за того, что они прославились своим фанатизмом, лживыми притязаниями и отрицанием правды. В настоящее время среди людей там нет тех, кто был бы сведущ в науке, и нет тех, кто проявлял бы внимание к ней.

Начало татар и опустошение ими Бухары и других городов

Чингиз-хан был кузнецом в земле Хата⁵⁶. Он был щедр душой, силен и прекрасно сложен. Вокруг себя он собирал людей и кормил их. Постепенно у них появилась группа людей, которая избрала его своим предводителем, и он захватил свою страну. Могущество его возросло и усилилось. Его дело приобрело большой размах, и он одержал сперва победу над царем Хата, а затем над царем Китая. Его войска увеличились, и он одержал победу над Хотаном⁵⁷, Кашгаром⁵⁸ и Алмалыком. Джалал ад-Дин Синджар, сын Хорезмша-

ха⁶⁰, был царем Хорезма, Хорасана и Мавераннахра и обладал большой силой и могуществом. Чингиз боялся его, остерегался и не противодействовал ему. Случилось так, что Чингиз послал купцов с китайскими и хатскими товарами — шелковой одеждой и другими вещами — в город Уtrar⁶¹, где кончаются владения Джалал ад-Дина. Его наместник [в этом городе] сообщил Джалал ад-Дину об этом и спросил, как поступить с ними. Джалал ад-Дин отдал письменный приказ забрать их товары, изувечить их, отрезав конечности, и вернуть в их страну. Ибо когда Аллах Всевышний решил поразить жителей Востока бедствием и подвергнуть их мукам, он допустил принять такое губительное решение, повлекшее за собой злосчастье.

Когда наместник Джалал ад-Дина сделал это, Чингиз стал готовить свои неисчислимые войска для нападения на мусульманские страны. Наместник же Утра, узнав о его действиях, послал лазутчиков, чтобы те доставили ему сведения о том.

Рассказывают, что один из них проник в войско (*махалла*)⁶² одного из эмиров Чингиза под видом нищего и не нашел никого, кто бы накормил его. Наконец он остановился у одного из воинов, у которого он не видел пищи, а тот ничем не угостил его. Когда стемнело, воин вытащил сушеную кишку, бывшую с ним, омочил ее водой, пустил кровь своему коню и наполнил ею кишку, после чего завязал и обжарил ее на огне, и это было его пищей. Лазутчик вернулся в Уtrar, доложил наместнику об их делах и осведомил о том, что никто не сможет воевать с ними. Наместник обратился за помощью к своему царю Джалал ад-Дину, и тот прислал ему шестьдесят тысяч сверх тех войск, которые были у наместника. Когда произошла битва, Чингиз нанес им поражение и вошел в город Уtrar с мечом, перебил мужчин и забрал детей в неволю. Тогда Джалал ад-Дин явился сам, чтобы сразиться с ним. Между ними были такие сражения, подобных которым не знал ислам. И дело дошло до того, что Чингиз захватил Мавераннахр, разрушил Бухару, Самарканд, Термез, переправился через реку Джайхун, дошел до города Балх⁶³ и взял его. Потом он пошел на Бамийан⁶⁴ и захватил его. Затем он вторгся в Хорасан и персидский Ирак (*Ирак ал-аджам*)⁶⁵. Мусульмане в Балхе и Мавераннахре восстали против него. Он вернулся к ним, вошел в Балх с мечом и *разрушил его до основания*⁶⁶. Подоб-

но этому он поступил в Термезе, который полностью был разрушен и до сих пор не восстановлен [на прежнем месте]. На расстоянии двух миль от того места был построен [другой] город, называемый в настоящее время Термезом. Он (Чингиз) истребил жителей Бамийана и полностью уничтожил город, за исключением минарета соборной мечети. Но затем он смилостивился над жителями Бухары и Самарканда и вернулся в Ирак. И так без конца продолжалось победоносное шествие татар, пока не ворвались они с мечом в столицу ислама, резиденцию халифата — Багдад, где убили аббасидского халифа ал-Мустасима биллах⁶⁷, да помилует его Аллах!

Рассказал Ибн Джузайй

Наш шейх, главный кади, Абу-л-баракат ибн ал-Хаджж, да возвеличит его Аллах, сообщил нам: Я слышал, как хатиб Абу Абдаллах ибн Рашид рассказывал: «Я встретил в Мекке одного из иракских улемов⁶⁸ — Нур ад-Дина ибн Зуджаджа с племянником. Мы начали беседовать с ним, и он сказал мне: „В Ираке во время татарского нашествия погибло двадцать четыре тысячи улемов, кроме меня и его, никого не осталось“, — и он показал на своего племянника».

Он (Ибн Баттута) рассказал: Мы остановились в предместье Бухары, известном под названием Фатхабад⁶⁹, где находится могила ученого шейха, благочестивого отшельника Сайф ад-Дина ал-Бахарзи⁷⁰, одного из величайших святых⁷¹. Носящая имя этого шейха завия, где мы остановились, очень велика и имеет огромные вакфы, [на доходы] с которых питаются приежжие. Шейх этой завии — один из потомков Сайф ад-Дина, совершивший благочестивое паломничество Иахья ал-Бахарзи⁷². Этот шейх принял меня у себя дома, собрал знатных лиц города, и чтецы читали Коран прекрасными голосами, а проповедник произнес речь. Замечательно пели на тюркском и персидском языках. Там у нас прошла самая чудесная ночь.

Я встретил там ученого законоведа, достойного Садр аш-Шари'а, прибывшего из Герата. Он благочестивый праведник. В Бухаре я навестил могилу ученого имама, составителя «Сборника истинных хадисов» (ал-Джами ас-сахих), шейха мусульман Абу Абдаллаха ал-Бухари, да будет Аллах доволен им! На его могиле начертана

надпись: «Это могила Мухаммада ибн Исмаила ал-Бухари, составившего такие-то и такие-то книги». На могилах других бухарских ученых также написаны их имена и названия их сочинений. Я записал многие из них, но записи пропали у меня с вещами, когда индийские язычники ограбили меня в море.

Затем мы выехали из Бухары, направляясь в лагерь праведного великого султана Ала ад-Дина Тармаширина⁷³. Об этом мы еще упомянем. Итак, мы проехали Нахшаб⁷⁴, местечко, откуда происходит шейх Абу Тураб ан-Нахшаби. Это небольшой город, окруженный садами и водами. Мы остановились вне города в доме его эмира. У меня была невольница, которая скоро должна была родить. Я хотел отвезти ее в Самарканд, чтобы она родила там. Она была в паланкине, помещенном на верблюде. Наши спутники отправились в путь ночью, взяв ее, провизию и другие мои вещи, я же остался, чтобы уехать днем с другими. Они поехали по одной дороге, а я по другой. На закате дня мы достигли лагеря вышеупомянутого султана. Мы были голодны, но остановились недалеко от базара. Один из моих людей купил кое-какую еду, чем можно было утолить наш голод. Мы устроились на ночь в шатре, который ссудил нам один купец. На другой день наши спутники пошли искать верблюдов и остальных наших людей. Они нашли их вечером и привели. Оказалось, что султана при войске не было, он охотился. Я встретился с его заместителем эмиром Такбуга. Он поселил меня вблизи от своей мечети и дал мне *харгох*. Это нечто похожее на палатку, о чем говорилось выше. В ней я поместил невольницу, которая этой же ночью родила.

Сначала мне сказали, что родилось дитя мужского пола, но это было не так. После того как мы устроили акику⁷⁵, один из моих людей сообщил, что родилась дочь. Тогда я позвал невольниц и спросил их, и они отвечали мне то же самое. Эта девочка родилась под счастливой звездой, ибо с ее рождения я видел все то, что радовало и удовлетворяло меня. Она умерла через два месяца после того, как я прибыл в Индию. Об этом я еще буду говорить.

В этом лагере я встретился с набожным факихом, шейхом мавлана Хусам ад-Дином ал-Яги, его имя на тюркском языке означает «восставший»; он — отарец. А также встретился с шейхом Хасаном — зятем султана.

Это великий султан Ала ад-Дин Тармаширин. Он могуществен, имеет много войск; он управляет огромным царством, силен и справедлив. Страна его расположена между владениями четырех великих царей мира: царя Китая, царя Индии, царя Ирака и царя Узбека. Они все боятся его, оказывают ему почет и уважение. Он получил владения после своего брата ал-Джаката⁷⁶. А этот ал-Джакатай был язычником и сел на трон после своего старшего брата Кебека⁷⁷. Кебек тоже был неверным, однако по отношению к подданным был справедлив, уважал мусульман и почитал их.

Царь Кебек и проповедник

Передают, что однажды царь Кебек, разговаривая с Бадр ад-Дином ал-Майдани, факихом и проповедником, сказал ему: «Ты говоришь, что Аллах в своей славной книге якобы упомянул обо всем?» — «Да». — «А где же в ней мое имя?» — спросил царь. «Оно содержится в следующих словах Всевышнего: „В таком виде, как пожелал, тебя устроил“⁷⁸», — ответил тот. Царь удивился и сказал: «Иахши», что по-тюркски означает «хорошо». Царь проявил к нему свою милость и стал еще лучше относиться к мусульманам⁷⁹.

Справедливость Кебека

Рассказывают о судебных решениях Кебека, как некая женщина пожаловалась ему на одного из эмиров и сказала, что она бедная, имеет много детей и содержит своих детей продажей молока, а этот эмир отнял у нее молоко и выпил его. Кебек сказал ей: «Я разрублю его пополам, если из живота его вытечет молоко, этого будет достаточно. В противном случае я разрублю тебя после него». Женщина сказала: «Я простила его и ничего не требую от него». Кебек же приказал сделать так, как он сказал. Этого эмира рассекли пополам, и из него вытекло молоко⁸⁰.

Вернемся к рассказу о султанине Тармаширине.

Я остановился на несколько дней в лагере, который там называют Урду. Однажды, по своей привычке, я

пошел в мечеть на утреннюю молитву, и, когда закончил молитву, кто-то сказал мне, что султан находится в мечети. Когда он поднялся со своего места, я подошел к нему, чтобы его приветствовать. Шейх Хасан и факих Хусам ад-Дин ал-Йаги доложили султану обо мне и о моем прибытии несколько дней назад. Султан обратился ко мне по-тюркски: «*Хушмисан*⁸¹, *яхишимисан кутлу айусан*». *Хушмисан* значит «здоров ли ты?» *Яхишимисан* — «хорошо ли себя чувствуешь?» *Кутлу айусан* — «да будет благословенно твое прибытие!»

В это время на нем была надета зеленая иерусалимская *каба*⁸², а на голове *шашийя* из того же материала. Султан вышел затем из мечети, направляясь пешком к месту своих приемов. Люди обступили его, представляя ему свои жалобы. Он останавливался и выслушивал каждого жалобщика, беден он или богат, мужчина или женщина. Потом он послал за мной, и я предстал перед ним. Султан был в шатре, а снаружи, справа и слева, разместились люди. Эмиры среди них восседали на сиденьях, а их свита стояла вокруг. Остальные воины сидели рядами, держа перед собой оружие. Это была дежурная охрана, которая сидит там до вечерней молитвы. Потом приходит другая смена и остается до конца ночи. Там сделаны навесы из хлопчатобумажных тканей, под которыми они укрываются⁸³. Войдя к царю в шатер, я увидел его сидящим на троне, подобно минбару устланному золототканым шелком. Внутренность шатра была скрыта раззолоченным шелком, а над головой султана, на высоте одного локтя, висел венец, украшенный драгоценными камнями. Великие эмиры сидели на сиденьях справа и слева от него, а перед ним стояли царские дети с опахалами в руках. У входа в шатер находились *наиб* (заместитель), *хаджиб* (камергер) и *сахиб ал-алама* (хранитель печати). Они называют ее *алтамга*; *ал* означает «красный», *тамга* — знак. Когда я входил, они все четверо встали навстречу мне и вошли вместе со мной. Я приветствовал султана, и он задавал мне вопросы, а *сахиб ал-алама* переводил. Разговор наш был о Мекке, ал-Медине, Иерусалиме — да возвысит их Аллах! О городе ал-Халила⁸⁴ — мир ему! О Дамаске, Египте, ал-Малике ан-Насире⁸⁵, об обоих Ираках и их царе, а также о персидских странах.

В это время муаззин возвестил полуденную молитву, и мы вышли. Обычно мы совершали молитвы вместе с

ним. Это были дни сильного, убийственного холода. Но султан не пропускал ни утренних, ни вечерних молитв с общиной⁸⁶. После утренней молитвы до восхода солнца он садился для свершения зикра на тюркском языке. Каждый, кто находился в мечети, подходил к нему и здоровался с ним за руку. То же происходило во время послеполуденной молитвы. Если ему преподносили изюм или финики — а финики у них высоко ценятся и считаются благословенными, — он раздавал их своей рукой каждому, кто был в мечети.

Рассказ о достоинствах султана Тармаширина

А вот еще один пример достоинств этого царя. Однажды я присутствовал на послеполуденной молитве, а султана пока еще не было. Один из его слуг принес молитвенный коврик и разостлал его у михраба, где обычно молился султан, и сказал имаму Хусам ад-Дину ал-Йаги: «Наш повелитель просит, чтобы ты его подождал немного с молитвой, пока он не закончит омовения». Имам поднялся и сказал: «Намаз барайи худа ау барайи Тармаширин?», то есть «Молитва для бога или для Тармаширина?». И приказал муаззину приступить к молитве. Когда султан пришел, два раката уже было исполнено; тогда он совершил два оставшихся раката там, где остановился, а это было в том месте, где люди оставляют свою обувь, на пороге мечети. Исполнив то, что пропустил, он встал и подошел к имаму, улыбаясь, чтобы обменяться с ним рукопожатием, а я — рядом с имамом. Затем султан сказал мне: «Когда ты прибудешь в свою страну, расскажи, как беднейший из бедных персов обращается с султаном тюрок».

Этот шейх читал проповеди людям каждую пятницу, призывал султана к добру и внушал ему отвращение к грешным и жестоким деяниям, будучи беспощаден к ним в беседах, а султан внимал его словам и плакал. Шейх не принимал никаких подарков султана, никогда не ел его пищи; не одевался в одежды, подаренные им, и был праведным рабом Аллаха. Часто я видел на нем ватный каба⁸⁷, потертый и порванный, на голове же у него была войлочная калансува⁸⁸, не стоящая более одного кирата⁸⁹, без чалмы. Однажды я сказал ему: «Господин мой, что за халат ты носишь, он ведь не

хорош!» Он отвечал: «Сын мой, это не мой халат, а моей дочери». Я попросил его взять что-нибудь из моей одежды. Тогда он сказал: «Я поклялся Аллаху пятьдесят лет тому назад, что не приму ни от кого подарка, а если бы я принял подарок от кого-либо, то принял бы от тебя!»

Побыв 54 дня у этого султана, я решил отправиться дальше. Он подарил мне семьсот динаров деньгами и соболью шубу в сто динаров, которую я раньше попросил у него из-за холода. Когда я напомнил о ней, он взял ее и лично начал помогать мне одеваться, выказывая свою скромность и доброту. Он подарил мне еще двух коней и двух верблюдов. Когда я захотел проститься с ним, то застал его в пути в свой охотничий заповедник. День был очень холодный, и, клянусь Аллахом, я не мог произнести ни слова из-за холода. Он понял это, улыбнулся, подал мне руку, и я уехал.

Через два года после моего прибытия в индийскую землю до нас дошла весть, что его родня и эмиры собрались в дальней провинции, граничащей с Китаем, где находилось большинство его войск, и присягнули сыну его дяди (по отцу) по имени Бузун-угли⁹⁰. Всех царских детей они называют угли.

Бузун-угли был мусульманином, однако маловерующим и дурного поведения. Причиной присяги ему и свержения Тармаширина явилось то, что последний не выполнил заветов их деда — проклятого Чингиза, который разрушил мусульманские страны, о чем было упомянуто ранее. Чингиз составил книгу своих постановлений, называемую у них Иасак⁹¹, а у них положено, что тот, кто не выполняет постановлений этой книги, должен быть свергнут. По его постановлению они должны собираться раз в год на пиршество, которое называется туй, или «день празднества». К тому дню съезжаются со всех концов страны потомки Чингиза — эмиры, хатун и крупные военачальники. Если их султан изменит что-либо в этих постановлениях, то их предводители встают и говорят: «Ты изменил то-то и то-то, сделал так-то и так-то, а поэтому тебя нужно свергнуть». Его берут за руки и заставляют сойти с царского трона и на его место сажают другого потомка Чингиза. А если кто из знатных эмиров в своей стране провинится, то его приговаривают к наказанию, которое он заслуживает. Султан Тармаширин отменил устройство празднества и уничтожил этот обычай. Они разгневались на него за

это, а также за то, что в течение четырех лет он жил в округе, примыкающем к Хорасану, и не приезжал в ту часть страны, которая ближе к Китаю. А по существующему обычаю царь каждый год должен был приезжать в те земли, узнавать об их состоянии и состоянии войск, расположенных в них, потому что начало их царства оттуда, а местопребывание их царей в городе Алмалыке. Когда они присягнули Бузуну, тот явился с большим войском. Тармаширин испугался за свою жизнь, не полагаясь больше на своих эмиров. Вместе с пятнадцатью всадниками он направился в Газну, которая принадлежала ему; наместником в ней был его старший эмир, поверенный его тайных дел Бурунтай. Этот эмир хорошо относился к исламу и мусульманам, он построил в своих владениях около сорока завий, в которых кормили приезжих. Под его началом состояло огромное войско. Я никогда не встречал ни в одной стране мира человека более могучего телосложения, чем он.

Когда Тармаширин перешел Джайхун и направился по дороге в Балх, его увидел один из тюркских слуг Ианки — сына его брата Кебека. Султан Тармаширин раньше убил своего брата Кебека, а сын того остался в Балхе. Когда этот тюрк сообщил о виденном Ианки, тот сказал: «Он бежал потому, что с ним что-то случилось». Ианки выехал верхом со своими людьми, схватил Тармаширина и посадил в тюрьму. Бузун приехал в Самарканд, потом в Бухару, где люди присягнули ему. Ианки привел к нему Тармаширина, и, говорят, когда он прибыл в Насаф, около Самарканда, то был убит и похоронен там. За его гробницей смотрел Шамс ад-Дин Гарданбурида. И говорят, что он не был убит, как мы об этом еще упомянем. *Гардан* значит «шея», *бурида* — «отсеченная». Его называли так за шрам на шее. Я встретил его в Индии, о чем будет рассказано далее.

После того как Бузун начал царствовать, сын султана Тармаширина Бешай-угул, его сестра и ее муж Фируз бежали к царю Индии. Он их принял с почетом, и они заняли высокое положение у него — вследствие дружбы, переписки и обмена подарками между ним и Тармаширином, и он называл сына Тармаширина своим братом⁹².

Через некоторое время в землю Синда⁹³ прибыл человек, заявивший, что он — Тармаширин. Мнения людей

о нем разошлись. Об этом услышал Имад ал-Мулк Сартиз — *гулам*⁹⁴ индийского царя, правитель Синда. Он прозван также Малик ард («царь смотров»), так как перед ним проходили на смотре индийские войска, которые были под его началом. Он постоянно находился в Мултани⁹⁵, столице Синда. Он послал к нему несколько знающих его тюрков, которые вернулись и сообщили ему, что это действительно Тармаширин. Сартиз приказал устроить для него *сираджу*⁹⁶, что значит *аф-радж*. *Сираджу* поставили за городом и подготовили то, что готовят в таких случаях для людей его ранга. Наместник вышел встретить Тармаширина⁹⁷ и приветствовал его. Он проводил его до *сираджи*, куда этот человек въехал верхом по обычаю царей. Никто более не сомневался, что это именно он. Сартиз послал царю Индии известие о нем, и тот отправил к нему своих эмиров, чтобы они достойно встретили его, устроив пиршество.

На службе у царя Индии состоял лекарь, ранее служивший у Тармаширина, который был главой врачей в Индии. Он сказал царю: «Я сам пойду к нему и узнаю истину. Я когда-то лечил нарыв у него под коленкой, и след от этого должен был остаться. По этому знаку я его узнаю». Врач прибыл к нему вместе с эмирами и встретился с ним. Он вошел к нему и не покидал его из-за своей прежней службы у него. Он ощупал его ноги и обнаружил след раны. Тот его обругал и сказал ему: «Хочешь посмотреть на нарыв, который ты вылечил? Вот он» — и показал след. Лекарь убедился, что этот человек и есть Тармаширин, вернулся к царю Индии и сообщил ему об этом.

Затем вазир Ходжа Джихан Ахмад ибн Айяс и главный эмир Кутлу-хан, который был учителем султана в дни его детства, вошли к царю Индии и сказали ему: «О повелитель мира, султан Тармаширин уже прибыл, и выяснилось, что это он. Здесь около сорока тысяч его подданных, его сын и зять. А не думал ли ты, что они объединятся?» Эта речь сильно подействовала на царя Индии, и он приказал тотчас ввести Тармаширина. Когда Тармаширин вошел к нему, царь приказал ему стоять перед ним⁹⁸, как прочим посетителям, не оказав ему уважения и сказал ему: «Эй, *мазаркани*⁹⁹ — а это скверное ругательство, — как ты смеешь лгать и утверждать, что ты Тармаширин, ведь Тармаширин убит, и вот хранитель его гробницы у нас. Клянусь

Аллахом, если бы это не было бесчестьем, то я убил бы тебя, однако дайте ему пять тысяч динаров и отведите его в дом Бешай-угул и его сестры — детей Тармаширина,— и скажите им: „Этот лжец утверждает, что он ваш отец“. Он вошел к ним, и они узнали его. Он ночевал у них, и стража охраняла его. Но на следующий день его взяли оттуда. Сын и дочь боялись, что погибнут из-за него, и не признали его. Он был изгнан из земель Инда и Синда. Тогда он отправился в Кедж и Мекран¹⁰⁰. Жители этой страны оказывали ему уважение и гостеприимство и делали подарки. Он прибыл в Шираз. Султан Шираз Абу Исхак оказал ему почести и обеспечил его всем необходимым.

Когда я прибыл в Шираз после моего возвращения из Индии, мне сказали, что Тармаширин еще там. Я хотел встретиться с ним, но не сделал этого, так как он жил в доме, куда входили только по разрешению султана Абу Исхака, и я испугался, чтобы не случилось чего-нибудь из-за этого. Но впоследствии я пожалел, что не навестил его.

Рассказ снова идет о Бузуне

Когда Бузун овладел царством, он стал притеснять мусульман, несправедливо обращался с подданными и позволял христианам и иудеям строить их храмы¹⁰¹. Мусульмане стали волноваться из-за этого и ждали лишь удобного случая, когда судьба отвернется от него. Когда известия о Бузуне достигли в Хорасане Халила — сына султана Иасура Махзума, то он направился к царю Герата, а это был султан Хусайн¹⁰², сын султана Гийас ад-Дина ал-Гури, и сообщил ему то, что знал, и попросил у него помощи войсками и деньгами, с условием разделить с ним царство, если оно окажется наконец в его руках. Малик-Хусайн послал с ним большое войско. Между Гератом и Термезом девять дней пути. Когда эмиры мусульман узнали о походе Халила, они встретили его, выражая ему покорность и желание вести священную войну против врага.

Первым, кто пришел к нему, был Ала ал-Мулк Худавад-заде — правитель Термеза. Это крупный эмир, *шариф* из рода Хусайна¹⁰³. Он явился к Халилу во главе четырех тысяч мусульман. Халил обрадовался ему, назначил его *вазиром* и поручил ему свои дела.

Это был храбрый человек. Эмиры со всех областей съехались и собрались вокруг Халила. Халил встретился с Бузуном, войска его перешли на сторону Халила, разбили Бузуну, взяли его в плен и привели к Халилу. Халил его казнил, задушив тетивой лука, так как у них в обычае убивать царевичей лишь удушением. Царство перешло к Халилу. Он устроил смотр войскам в Самарканде. Их было до восьмидесяти тысяч. Воины и их кони были одеты в кольчуги. Он отпустил войско, с которым пришел из Герата, и направился в земли Алмалыка. Татары же выбрали себе предводителем одного из своих и встретили Халила на расстоянии трех дней пути, вблизи Тараза¹⁰⁴. Битва была жаркой, и оба войска боролись упорно. *Вазир* Халила эмир Худавад-заде во главе двенадцати тысяч мусульман повел наступление, которого татары не выдержали: они потерпели поражение и понесли большие потери. Халил остановился в Алмалыке на три дня и выходил из города, чтобы уничтожить оставшихся татар. Они полностью подчинились ему. Он приблизился к границам Хата и Китая, овладел городами Каракорум¹⁰⁵ и Бешбалиг¹⁰⁶. Султан Хата отправил было против него войско, но затем между ними установился мир. Халил стал могущественным, и цари стали бояться его. Он проявлял справедливость, расположил войско в Алмалыке, где оставил своего *вазира* Худавад-заде, а сам двинулся в Самарканд и Бухару.

Затем турки начали смуту. Они донесли Халилу на его *вазира*, утверждая, будто тот хочет восстать и заявляет, что он имеет больше прав на царство из-за близости своей к Пророку — да благословит и да приветствует его Аллах,— а также из-за своего благородства и отваги. Тогда Халил послал в Алмалык вместо Худавад-заде другого наместника и приказал, чтобы тот явился к нему с небольшой группой людей. Когда он прибыл, Халил тотчас убил его, не доказав его вины. Это было причиной крушения царства Халила.

Когда Халил укрепился, он стал покушаться на правителя Герата, благодаря которому Халил получил царство, кто обеспечил его войсками и снабдил деньгами. Халил написал султану Герата, чтобы его имя упоминали в *хутбе* и чеканили на динарах и дирхемах в стране Хусайна¹⁰⁷. Это возмутило Малик-Хусайна, он почувствовал к нему неприязнь и ответил ему самым отвратительным образом. Халил стал готовиться к бою

с ним, но мусульманские войска были не согласны и посчитали его изменником по отношению к Хусайну. Весть эта дошла до Малик-Хусайна; он отправил войска со своим двоюродным братом Малик-Варна. Обе стороны встретились. Халил потерпел поражение, был взят в плен и приведен к Малик-Хусайну. Последний даровал ему жизнь, поместил в своем дворце, дал рабыню и назначил содержание. В таком состоянии он и оставался там в конце сорок седьмого года¹⁰⁸, во время моего отбытия из Индии.

*Вернемся к тому,
о чем мы рассказывали*

Я распрощался с султаном Тармаширином и отправился в Самарканд. Это один из самых крупных и прекраснейших городов. Расположен он на берегу реки Вад-и ал-Кассарин¹⁰⁹, из которой водяные колеса¹¹⁰ поднимают воду для поливки садов. Возле этой реки собираются жители города после вечерней молитвы, чтобы развлечься и прогуляться. Там у них есть помосты для сидения и лавки, где торгуют фруктами и прочим съестным. На берегу реки стояли громадные дворцы и здания, которые показывают, как высоко было мастерство жителей Самарканда. Но эти здания, как и большая часть самого города, превращены в руины. И нет здесь ни стен, ни ворот. Внутри города есть сады. Жители Самарканда великодушны и дружелюбны к чужеземцам; они лучше, чем жители Бухары. За Самаркандом находится могила Кусамы ибн Аббаса ибн Абд ал-Муталиба¹¹¹ — да будет Аллах доволен Аббасом и сыном его! — который пал при захвате этого города. Жители Самарканда выходят сюда каждый вечер в понедельник и в пятницу для посещения этой могилы. Татары также приходят для посещения ее, дают огромные пожертвования, приводят коров и баранов, приносят дирхемы и динары; все это расходуется для угощения путешественников и содержания служителей завии и благословенной могилы. Над могилой воздвигнут купол, стоящий на четырех опорах, к каждой из которых присоединены по две мраморные колонны зеленого, черного, белого и красного цветов. Стены мавзолея из разноцветной мраморной мозаики с позолотой; его крыша покрыта свинцом; надгробие сделано из инкрустирован-

ного эбенового дерева, углы обиты серебром; внутри подвешены три серебряных светильника. Мавзолей устлан коврами из шерсти и хлопка. Снаружи течет большой арык, пересекающий завию, находящуюся рядом; по обоим берегам его деревья, виноградные лозы и жасмин. В завии устроены жилища для путешествующих. Татары еще в то время, когда были язычниками, ничего не изменили в этой святой гробнице и даже стали почитать ее, будучи свидетелями ее чудес.

Смотрителем этой святой гробницы и примыкающих к ней земель во время нашего пребывания там был эмир Гийас ад-Дин Мухаммад ибн Абд ал-Кадир ибн Абд ал-Азиз ибн Йусуф, сын аббасидского халифа ал-Мустансира биллах. Султан Тармаширин назначил его на эту должность, когда тот прибыл из Ирака; он находится в настоящее время у царя Индии. О нем будет упомянуто ниже.

Я видел в Самарканде кади этого города, называемого у них Садр ал-Джихан¹¹², который был одним из достойнейших и добродетельных людей. Он отправился в Индию после меня, но я слышал, что смерть настигла его в городе Мултан, столице Синда.

Рассказ об индийском царе

Когда этот кади умер в Мултани, осведомитель царя Индии, занятый собиранием новостей¹¹³, известил своего повелителя, что Садр ал-Джихан приехал с официальным визитом, но был безвременно похищен смертью. Когда эта весть достигла царя, он приказал послать его детям столько-то тысяч динаров (я не помню сейчас, сколько именно) и выдать его спутникам столько, сколько царь дал бы им, если бы они явились, когда тот был жив.

Царь Индии держит в каждом городе своей страны осведомителя, который пишет ему обо всем, что происходит в том городе, и осведомляет его о всех приезжих, которые прибывают туда. Если прибывает путешественник, они пишут, из какой страны он прибыл, записывают его имя, описывают его приметы, его одежду, его товарищей, его лошадей, слуг, как он сидит и как ест; также описывают его занятия, достоинства или недостатки. Таким образом, путешественники являются к царю только после того, как тому становится все

известно о них. И милости царя соответствуют тому, чего заслуживает приезжий.

Мы отправились из Самарканда и проехали город Насаф, откуда происходит Абу Хафс Умар ан-Насафи¹¹⁴ — автор книги «ал-Манзума фи-л-масаил ал-хилафиййа байна ал-фукаха ал-арбаи» («Сочинения о спорных вопросах между факихами четырех толков»), да будет Аллах доволен ими! Затем мы прибыли в город Термез, откуда происходит имам Абу Иса Мухаммад ибн Иса ибн Сурат ат-Тирмизи — автор книги «ал-Джами ал-кабир фи-с-сунани» («Большой сборник сунны»). Это крупный город с красивыми зданиями и базарами. Его пересекают каналы, в нем много садов, виноград и айва там чрезвычайно сладкие. Много мяса и молока. Жители этого города моют голову в банях кислым молоком вместо тафла¹¹⁵. У каждого банщика много больших кувшинов, наполненных кислым молоком. Каждый, кто заходит в баню, наливает из них в маленькие сосуды и моет голову. Оно освежает волосы и делает их гладкими. Обитатели Индии пользуются для мытья головы сезамовым маслом, которое они называют *ширадж*, после чего они уже моют волосы тафлом. Это смягчает кожу, делает волосы гладкими и способствует их росту. Поэтому бороды у индийцев и у всех, живущих в Индии, длинные.

Старый город Термез был построен на берегу Джайхуна. Когда его разрушил Чингиз, новый город построили в двух милях от реки. Мы там остановились в завии добродетельного шейха Азизана, одного из главных и почтенных шейхов, богатого владельца многих земель и садов. Свои деньги он расходует для угощения паломников.

До моего прибытия в этот город я встретился с наместником Ала ал-Мулк Худаvand-заде, который туда написал письмо, указав, чтобы меня приняли как подданный. И каждый день, пока мы оставались в Термезе, нам приносили еду. Я встретил также кади этого города, Кивам ад-Дина. Он отправился к султану Тармаширину, чтобы увидеть его и испросить у него разрешение на путешествие в Индию. Рассказы о моей встрече с ним и с его обоими братьями, Дийа ад-Дином и Бурхан ад-Дином, в Мултани и о путешествии, которое мы совершили все вместе в Индию, а также о двух других его братьях, Имад ад-Дине и Сайф ад-Дине, о моей встрече с ними при дворе царя Индии, о двух

сыновьях того же кади Кивам ад-Дина и их прибытии к царю Индии после убийства их отца, о браке их с двумя дочерьми *вазира* Ходжи Джихана и о всем том, что произошло по этому случаю, будут изложены ниже, если то будет угодно Аллаху Всевышнему.

Потом мы переправились через реку Джайхун в Хорасан. После нашего отъезда из Термеза и переправы мы шли полтора дня по пескам безлюдной пустыни до города Балха, который полностью разорен и необитаем. Но кто увидит город, подумает, что он населен: в таком хорошем состоянии остались его строения. Город этот был огромным и просторным. Его мечети и медресе еще сохранились, так же как надписи на его зданиях, украшенные лазурью. Люди считают, что лазурь происходит из Хорасана, но в действительности этот камень привозят только с Бадахшанских гор, откуда происходят бадахшанские рубины, называемые в народе *ал-балахи*. Об этом будет упомянуто ниже, если на то будет воля Аллаха Всевышнего. Проклятый Чингиз опустошил этот город и разрушил одну треть его мечети в поисках сокровищ, которые, как ему сообщали, спрятаны под одной из ее колонн. Это была одна из самых красивых, самых больших мечетей мира. Мечеть в Рабате в Марокко похожа на нее величиной своих колонн, но мечеть в Балхе красивее в других отношениях.

Рассказ о том, как жена эмира построила мечеть

Один историк мне рассказал, что мечеть в Балхе построена женщиной, муж которой по имени Дауд ибн Али был наместником в Балхе во времена правления Аббасидов. И случилось так, что однажды халиф разгневался на жителей Балха за какой-то проступок, совершенный ими, и послал в город эмира, которому было поручено взыскать с них значительный сбор. Когда этот эмир прибыл в Балх, женщины и дети пришли к жене наместника, построившей эту мечеть, и стали жаловаться на свое положение и на наложенный на них сбор. Тогда она послала эмиру, который явился, чтобы собрать с них этот сбор, платье, шитое драгоценными камнями, стоимость которых превышала сумму всего сбора, и сказала: «Отнеси это халифу. Я отдаю это

ему как приношение вместо жителей Балха, из-за их печального положения». Эмир отвез платье халифу, разложил его перед ним и рассказал всю историю. Халиф устыдился и сказал: «Неужели женщина будет более великодушна, чем мы?» Он приказал эмиру освободить от сбора жителей Балха и вернуться туда для того, чтобы возвратить платье жене наместника. Помимо того он освободил жителей Балха от податей на целый год. Эмир вернулся в Балх и, придя в дом этой женщины, повторил ей слова халифа и вернул платье. Тогда она спросила: «Видел халиф это платье?» Эмир подтвердил. «Я никогда не надену платья, которое видел мужчина, неродственный мне,—заявила она и приказала продать платье, а на вырученные деньги выстроили мечеть и напротив нее — завию и караван-сарай из камня, называемого *каззан* ¹¹⁶. Караван-сарай находится еще в отличном состоянии. Сумма, равная одной трети цены платья, осталась нетронутой, и, как передают, женщина эта приказала зарыть ее под одной из колонн мечети, чтобы в случае нужды использовать эти деньги. Чингиза осведомили об этой истории, и он приказал разрушить колонны мечети. Около трети их было сломано, но ничего не нашли. Остальные оставили.

За городом Балхом находится могила, о которой говорят, что это могила Аккаши ибн Михсана ал-Асади, который войдет в рай, не отдавая отчета, как сподвижник посланника Аллаха ¹¹⁷ (да благословит и да приветствует его Аллах). Над этой могилой возвышается большая завия, в которой мы расположились. Около нее великолепный пруд под огромным ореховым деревом, в тени которого приезжие останавливаются летом. Шейха этой завии зовут Хаджж-Хурд, он еще молод, но обладает всеми достоинствами. Он выехал с нами и показал места поклонения ¹¹⁸ этого города; среди них гробница пророка Хизкийла ¹¹⁹, да приветствует его Аллах! Над этой могилой возведен красивый мавзолей. Мы посетили в Балхе также много могил благочестивых людей, имена которых мне сейчас не вспомнить. Мы остановились у дома Ибрахима ибн Адхама ¹²⁰, да будет Аллах им доволен! Это большой дом, построенный из белого камня, похожего на туф. Рядом с ним находится завия, которая была закрыта, и мы не могли туда попасть. Эта завия находится вблизи соборной мечети.

Выехав из города Балха, в течение семи дней мы переваливали через горы Кухистана. Там немало многочисленных селений, где текущие воды и покрытые листвою деревья, большая часть из них — инжир. В этой области много завий, а в них живут благочестивые мужи, посвятившие жизнь Аллаху Всевышнему. Оттуда мы прибыли в город Герат ¹²¹, крупнейший из населенных городов Хорасана. В Хорасане четыре больших города: два населенных — Герат и Найсабур ¹²² и два заброшенных — Балх и Мерв ¹²³. Герат — большой, густонаселенный город, а жители его — благочестивые и набожные. Они следуют толку имама Абу Ханифы, да будет Аллах доволен им! Их город чист от всякого разврата.

Султан Герата

Это великий прославленный султан Хусайн, сын султана Гийас ад-Дина ал-Гури; он известен своею доблестью, ему сопутствуют удача и счастье. Дважды проявилась самым чудесным образом помощь Аллаха султану. Первый раз это было при его столкновении с султаном Халилем, восставшим против него. Последний в конце концов попал к нему в плен. Второй раз это было во время битвы против Масуда, султана рафидитов, когда войска вел сам Хусайн, которая закончилась поражением Масуда, его бегством и потерей царства. Султан Хусайн вступил на престол со смертью своего брата Хафиза, наследовавшего их отцу Гийас ад-Дину ¹²⁴.

Рассказы о рафидитах ¹²⁵

В Хорасане были два человека, одного из которых звали Масудом, а другого Мухаммадом, у них было пять товарищей — разбойников, которых в Ираке называют *шуттар* ¹²⁶ — «ловкачи», в Хорасане — *сарбадран* — «висельники», а в Магрибе — *сукура* — «соколы». Все семеро вместе занимались недостойными делами, разбойничали и грабили. Слух о них распространился далеко. Они жили на высокой горе вблизи города Байхак, называемого иначе Сабзавар. Днем они скрывались, а ночами выходили и нападали на деревни, грабили и отнимали добро у людей. К ним присоединились

подобные им злодеи и смутьяны. Их число стало прибывать, а могущество усиливаться, и люди боялись их. Затем они напали на город Байхак и овладели им, потом овладели другими городами, накопили богатства, собрали войско и обеспечили себя лошадьми. Масуд начал именовать себя султаном. Рабы бежали от своих владельцев к нему. Каждому из беглых рабов он давал коня и денег, а если кто обнаруживал храбрость, делал его атаманом шайки. Его войско стало многочисленным, а могущество — значительным. Все они приняли учение рафидитов и предприняли попытку искоренить суннизм в Хорасане и подчинить эту область целиком учению рафидитов.

В Машхади-Тус был один шейх рафидит по имени Хасан, которого они почитали как праведника. Он одобрил их деятельность, и они его провозгласили халифом. Шейх Хасан призывал их к справедливости. И они были так честны, что если кто-либо терял динары и дирхемы в их военном лагере, то никто не поднимал их, пока не приходил владелец денег и не забирал их. Наконец рафидиты овладели Найсабуром. Султан Тугай-Тимур послал против них войска, но они разбили их. Тогда тот же султан отправил своего *наиба* Аргун-Шаха, который тоже потерпел поражение и попал в плен. Рафидиты даровали ему жизнь. После этого Тугай-Тимур сам отправился против них во главе пятидесяти тысяч татар, но рафидиты его опять разбили, овладели городами, в том числе Сарахсом, Заве и Тусом, который является одним из крупнейших городов Хорасана. Они основали свой халифат в городе Машхаде, называемом в честь Али ибн Мусы ар-Рида. Они овладели также городом Джамом и расположились за его пределами с намерением двинуться на Герат, от которого они были на расстоянии шести дней пути.

Когда эта весть достигла Малик-Хусайна, он собрал эмиров, войска и жителей города и советовался с ними: дожидаться ли ему врага или идти навстречу и начинать битву. Общее мнение было — идти на врага. Жители этого города все происходят из одного племени, называемого гурийя. Говорят, что оно ведет свой род из Гура в Сирии и оттуда их корень. Все приготовились и собрались со всех концов страны. Они живут в селениях и в степи Бадгиса, растянувшейся на четыре дня перехода. Там всегда есть зеленая трава и могут пастись их скот и кони. Большая часть деревьев этой

равнины — фисташковые, плоды которых вывозятся в Ирак. Жители города Симнан пришли им на помощь, и они вместе двинулись на рафидитов в числе ста двадцати тысяч пехоты и конницы, которых вел Малик-Хусайн. Рафидиты собрались в числе ста пятидесяти тысяч всадников. Битва произошла на равнине Бушендж. Оба войска держались стойко, но затем судьба обернулась против рафидитов, и султан Масуд бежал. Их халиф Хасан держался с двадцатью тысячами человек и был убит, как и большинство его воинов, а около четырех тысяч из них было взято в плен.

Один человек, присутствовавший при этой битве, рассказал мне, что сражение началось утром, а рафидиты потерпели поражение после полудня. В это время Малик-Хусайн спешил и начал молиться. Затем им принесли пищу. Он и его военачальники ели, пока другие рубили головы пленным. После этой большой победы Малик-Хусайн вернулся в свою столицу. Аллах его руками дал победу *сунне* и погасил огонь смуты. Эта битва случилась после моего отъезда из Индии в 48 году (1347 г. н. э.)¹²⁷.

Один из набожных, благородных и достойных мужей, по имени мавлана Низам ад-Дин, провел свою молодость в Герате¹²⁸. Жители этого города его любили и прислушивались к его словам. Он их поучал и увещевал, уговаривая искоренить грехи. Проповедник города¹²⁹ Малик-Варна, племянник Малик-Хусайна, женатый на вдове его отца, присоединился к нему. Это один из прекраснейших мужей нравом и видом, и царь опасался его. Мы еще расскажем о нем. Сторонники мавланы Низам ад-Дина карали за грехи, узнав о них, даже если они совершались при дворе Малик-Хусайна.

Рассказ о греховном деянии при царском дворце

Мне рассказали, что однажды они узнали о происходящем во дворце Малик-Хусайна греховном действии и собрались его наказать. Он укрепился против них в своем дворце. Тогда они собрались у ворот дворца, их было шесть тысяч человек. Малик-Хусайн испугался. Он велел явиться *факиху* и старейшинам города, чтобы они наказали его за то, что он пил вино. В его дворце они определили ему наказание и ушли.

*Причина убийства
упомянутого факиха Низам ад-Дина*

Тюрки, обитатели пустыни по соседству с городом Гератом, были подданными царя Тугай-Тимура, о котором уже было сказано. Этих тюрков было около пятидесяти тысяч человек, и Малик-Хусайн опасался их. Он делал им каждый год подарки и любезно обращался с ними. Это было до его победы над рафидитами. Но после того как он победил рафидитов, он стал обращаться с ними как со своими подданными. Они часто приезжали в Герат и обычно там пили вино, а некоторые напивались. Низам ад-Дин наказывал тех, кого находил в нетрезвом состоянии.

Эти тюрки были люди храбрые и сильные; они не престанно совершали набеги на города Индии и брали пленников или убивали жителей. Иногда они брали в плен каких-либо мусульман, которые жили в Индии среди неверных. Когда они приводили пленных в Хорасан, Низам ад-Дин их освобождал из рук тюрков. Отличительный знак женщин-мусульманок Индии состоял в том, что они не прокалывали уши, тогда как женщины из неверных — прокалывали. Однажды один из тюркских эмиров, по имени Тимур-алти, взял в плен какую-то женщину и сильно полюбил ее. Она сказала, что она — мусульманка, и *факих* отнял ее у него. Это привело тюрка в неистовство, и он во главе нескольких тысяч своих воинов угнал коней, пасшихся на пастбищах равнины Бадгис, не оставив жителям Герата ни одного верхового коня, ни дойной коровы. Тюрки увели коней в горы, где их нельзя было взять силой. Султан и его воины не нашли следов коней, чтобы их догнать. Тогда Хусайн послал к ним своего человека, чтобы попросить тех вернуть скот и коней, которых они угнали, и напомнить им о договоре, существовавшем между ними. Они ответили, что не вернут коней, пока им не выдадут *факих* Низам ад-Дина. Султан ответил: «На это нельзя согласиться». Шейх Абу Ахмад ал-Джисти, внук шейха Маулуда ал-Джисти, пользовался в Хорасане великим уважением, и к его речам все прислушивались. Он приехал верхом на коне в сопровождении своих людей и рабов¹³⁰ и сказал: «Я увезу *факих* Низам ад-Дина к тюркам, чтобы они были успокоены этим, а потом я его снова привезу». Люди были склонны последовать его совету. И *факих* Низам ад-Дин видел, что

они согласны на это. Он отправился верхом с шейхом Абу Ахмадом и приехал к тюркам. Тимур-алти подошел к нему и сказал: «Ты взял у меня женщину». Потом он ударил его дубиной и раскроил ему череп, и *факих* упал мертвым. Шейх Абу Ахмад был совершенно ошеломлен и возвратился в свой город. Тюрки вернули скот и коней, которых они захватили.

Через некоторое время тот тюрк, который убил *факих*, приехал в Герат. Группа друзей *факих* его встретила; они приблизились к нему, как будто желая его приветствовать, но сами держали под одеждой мечи, которыми они его и убили; его товарищи обратились в бегство. После этого Малик-Хусайн отправил послом к царю Сиджистана своего двоюродного брата Малик-Варна, который был другом *факих* Низам ад-Дина в исправлении греховных действий. Когда Малик-Варна прибыл туда, Хусайн приказал ему остаться там и не возвращаться к нему. Тогда Малик-Варна направился в Индию, и я его встретил, когда выехал из этой страны в город Суйстан¹³¹ в Синде. Он был из достойных людей. По своей природе он любил первенствовать, увлекался охотой, окружал себя друзьями и невольниками и одевался в дорогие царские одежды. Но человек подобного рода в Индии не добьется успеха. Что касается его, то царь Индии назначил его наместником одного маленького города. Один из жителей Герата, обосновавшийся в Индии, убил его в этом городе из-за девушки¹³². Говорят, он был убит по тайному приказу царя Индии в угоду Малик-Хусайну. Поэтому после смерти вышеупомянутого Малик-Варны между султаном Хусайном и царем Индии установились дружеские отношения. Царь Индии отправлял султану Хусайну подарки и уступил ему город Бакар в Синде, доход с которого достигал каждый год пятидесяти тысяч динаров золотом.

Вернемся к тому, о чем шла речь, и продолжим. Мы отправились из Герата в Джам. Этот город небольшой, но красивый, имеющий сады, деревья, многочисленные родники и каналы. Большая часть деревьев — шелковица, там много шелка. Из этого рода святой, поклоняющийся Аллаху, отшельник Шихаб ад-Дин Ахмад ал-Джами, о котором мы еще расскажем. Его внук шейх Ахмад, известный под именем Зада, был убит царем Индии. В настоящее время Джам принадлежит его детям. Этот город независим от власти султана, и жители

его живут в богатстве и благоденствии. Один человек, которому я доверяю, мне рассказал, что султан Абу Саид, царь Ирака, когда был в Хорасане, расположился в этом городе, где находилась завия шейха. Этот шейх ему устроил великолепный пир и пожаловал на каждую палатку его лагеря по барану. Он дал одного барана на четверых человек и корм для всех верховых и вьючных животных, которые были в лагере, — лошадей, мулов и ослов — на одну ночь, так что даже животные получили свою долю от его гостеприимства.

*Шейх Шихаб ад-Дин и город Джам,
который связывают с его именем*¹³³

Рассказывают, что этот человек любил удовольствия и очень много пил. У него было около шестидесяти собутыльников, которые имели обыкновение собираться каждый день в доме одного из них. Очередь каждого из них наступала по истечении двух месяцев. Они провели некоторое время таким образом. Наконец, однажды наступила очередь шейха Шихаб ад-Дина. Но в ночь перед пирушкой в его доме он раскаялся и решил уладить дела со своим господом¹³⁴. Он сказал себе: «Если я скажу своим друзьям до того, как они у меня соберутся, что я дал обет больше не пить, они подумают, что у меня нет средств их принять». Он приготовил блюда и напитки так, как приготавливали его друзья до этого, и принес вино в бурдюках. Его товарищи пришли и, когда захотели пить, открыли бурдюки. Один из них попробовал и нашел вино сладким. Затем открыли второй бурдюк и увидели, что его содержимое такое же, а затем открыли третий и его тоже нашли таким же. Они спросили шейха, что это значит. Он им признался в истине, откровенно поведал свои тайные мысли. Поведал им о своем раскаянии и сказал: «Клянусь Аллахом, это то же самое вино, которое вы пили раньше». Тогда они все раскаялись, обратились к Аллаху Всевышнему, построили эту завию и посвятили себя служению Аллаху Всевышнему. Известно множество чудес и откровений этого шейха.

Потом мы отправились из Джама в Тус, один из крупнейших и важнейших городов Хорасана. Это — родина прославленного имама Абу Хаида ал-Газали¹³⁵, да будет Аллах доволен им! Здесь находится его мо-

гила. Оттуда мы поехали в город Машхад ар-Рида, названный так в честь Али ибн Мусы ал-Казима, сына Джафара ас-Садики, сына Мухаммада ал-Бакира, сына Али Зайн ал-Абидина, сына ал-Хусайна мученика, сына повелителя правоверных Али ибн Аби Талиба, да будет Аллах доволен ими! Это тоже большой и обширный город, имеющий множество фруктов, каналов и мельниц. Здесь жил *ат-тахир* Мухаммад-шах. *Тахир* имеет у них то же значение, что и *накиб*¹³⁶ у египтян, сирийцев и иракцев, а жители Индии, Синда и Туркестана говорят *ас-сайид ал-аджали*. В Машхаде жили также *кади*, *шариф* Джалал ад-Дин, которого я встретил впоследствии в Индии, и *шариф* Али, и его два сына, *Амир-Хинду* и *Давлат-шах*, которые меня сопровождали от Термеза до Индии. Они были из достойных людей.

В Машхаде высокочтимом имеется мавзолей [ар-Риды], покрытый громадным куполом, который находится внутри завии. Рядом с ним медресе и мечеть. Все они красиво построены, и их стены покрыты изразцами. На гробнице деревянный помост, покрытый листовым серебром, а над ней подвешены серебряные светильники. Порог двери мавзолея из серебра. На двери висит шелковый покров, шитый золотом, а на полу разостланы разные ковры. Напротив этой могилы находится могила повелителя правоверных Харуна ар-Рашида, да будет Аллах доволен им! Над этой могилой имеется помост, на котором помещены подсвечники, которые жители Магриба называют *ал-хасак* и *ал-манаир*. Когда рафидит входит в мавзолей, чтобы ему поклониться, он ударяет ногой по могиле ар-Рашида, а затем приветствует [ар-Риду]. Далее мы проехали город Сарахс, откуда происходит благочестивый шейх Лукман ас-Сарахси, да будет Аллах доволен им! Из Сарахса мы отправились в Завэ. Это родина праведного шейха Кутб ад-Дина Хайдара, по имени которого называется хайдаритское братство факиров. Эти факиры носят железные кольца на руках, шеях, ушах и надевают их на свои члены так, что они не могут иметь сношений с женщинами.

Выехав в Завэ, мы прибыли в город Найсабур, один из четырех столичных городов Хорасана. Его называют Малым Дамаском из-за его красоты, обилия фруктов, садов и каналов. Его пересекают четыре канала, его базары красивы и обширны, его мечеть замечательна, она расположена посреди базара, а к ней примыкают

четыре медресе, и там протекает полноводный канал. В этих медресе множество учеников, которые читают Коран и изучают *фикх*. Эти медресе Хорасана, обоих Ираков, Дамаска, Багдада и Египта, хотя и достигают наивысшей прочности и красоты, все они уступают медресе, построенным нашим государем, повелителем правых ал-Мутаваккилем, подъяжником на пути Аллаха, знаменем царей и сердцевинной ожерелья справедливых халифов Абу Инаном¹³⁷, — пусть Аллах дарует ему счастье и сделает его войско победоносным — около крепости города Феса, да сохранит его Аллах Всевышний! Это медресе не имеет равных ни по размерам, ни по высоте, ни по гипсовым украшениям, каких жители Востока не умеют делать.

В Найсабуре вырабатываются шелковые ткани, а также ткани из *наха*, *камха* и других, которые вывозятся в Индию. В этом городе находится завия ученого имама, шейха, поклоняющихся Аллаху, *кутба*¹³⁸ по имени Кутб ад-Дин ан-Найсабури, одного из проповедников благочестивых ученых. Я остановился у него. Он меня принял очень хорошо и обращался со мной почтительно. Я был свидетелем его удивительных чудес.

Чудо шейха

Я купил в Найсабуре гулама-тюрка, шейх увидел его со мной и сказал мне: «Этот гулам не подходит тебе, продай его». — «Хорошо», — ответил я и на завтра продал его одному купцу.

Простившись с шейхом, я уехал. А когда остановился в городе Бистам, один из моих друзей написал мне из Найсабура и сообщил, что тот гулам убил одного тюркского мальчика, за что и был убит сам. Это было явное чудо этого шейха, да будет Аллах доволен им!

Из Найсабура я направился в город Бистам, откуда происходит знаменитый суфий¹³⁹ шейх Абу Язид ал-Бистами¹⁴⁰, да будет Аллах доволен им! В этом городе находится его могила. Его останки покоятся в одном мавзолее с останками одного из сыновей Джафар ас-Садика, да будет Аллах доволен им! В Бистаме также находится могила благочестивого шейха, святого Абу-л-Хасана ал-Хараккани.

Я остановился в этом городе в завии шейха Абу Язида ал-Бистами, да будет Аллах доволен им! Затем

из этого города я отправился по дороге Хиндхира к Баглану и Кундусу, а Кундус — это деревня, где живут шейхи и благочестивые люди и где находятся сады и каналы. Мы расположились в Кундусе на берегу реки, в завии одного шейха из факиров, уроженца Египта, по прозвищу Шир-и Сийах, что означает «черный лев». Здесь нас принял наместник этих земель. Он был уроженцем Мосула. Его дом расположен в большом саду, находящемся там. Мы провели около сорока дней вблизи этой деревни, чтобы подкормить наших верблюдов и лошадей, так как там имеются хорошие пастбища и много свежей травы. Жизнь там совершенно безопасна благодаря суровым наказаниям, введенным эмиром Бурунтаем. Как мы говорили выше, наказание, установленное тюрками для тех, кто украдет лошадь, состоит в том, что они заставляют вора возвратить украденную лошадь и девять в придачу. Если он их не имеет, уводят его детей. А если он не имеет и детей, то его режут, как барана. Люди оставляют свой скот и коней без пастуха, поставив каждый свое клеймо на ногах коней. Мы тоже так делали в этой стране. Случилось так, что мы приступили к розыску наших лошадей через десять дней после нашего прибытия в эту местность и не доискались трех. Но через полмесяца татары привели их к нашему жилищу, опасаясь подвергнуться наказанию. Мы привязывали каждую ночь двух коней напротив наших шатров, чтобы пользоваться ими ночью при необходимости. Однажды ночью мы потеряли этих двух лошадей. Мы уехали отсюда, но по истечении двадцати двух дней нам их привели, когда мы были уже в пути.

Другой причиной нашей задержки была боязнь снега. Ведь на нашем пути были горы, называемые Хиндукуш, это значит «убийца индусов», так как многие рабы и рабыни при доставке из стран Индии умирали на этих горах вследствие жестокого холода и обилия снега. Они простираются на расстояние целого дня перехода. Мы ожидали наступления тепла. Мы начали переход через эти горы перед рассветом и шли до самого вечера. Мы расстилали куски войлока перед верблюдами, чтобы они не тонули в снегу. После этого мы прибыли в местность, называемую Андараб. Здесь когда-то существовал город, следы которого стерлись¹⁴¹. Мы расположились в большом селении, где находится завия одного из достойных мужей, по имени Мухаммад

ал-Махрави, который дал нам приют. Он обращался с нами уважительно, и, когда мы после еды мыли руки, он отпил воду, которой мы мылись, чтобы показать свое почтение к нам. Он нас сопровождал до вершины вышеупомянутого хребта Хиндукуш. Мы нашли на вершине этого хребта источник горячей воды и умылись в нем, но кожа у нас на лице потрескалась, и мы очень страдали от этого. Затем мы остановились в местности, называемой Пандж-хир. *Пандж* означает «пять» и *хир* — «гора», т. е. Пандж-хир значит «Пять гор». Там был когда-то красивый и густонаселенный город на берегу большой реки с водой синей, как в море. Она течет с гор Бадахшана, где находят яхонты, которые называются в народе *ал-балахи*. Чингиз, царь татар, разрушил этот город, и после этого он еще не оправился. В этом городе находится гробница шейха Саида ал-Макки, которого народ почитает.

Затем мы прибыли к горе Бешай, где находится завия праведного шейха Ата-Аулия. *Ата* значит по-тюркски «отец», а *аулия* — арабское слово; имя Ата-Аулия означает «отец святых». Его называют также *Сисад-сале*. *Сисад* означает по-персидски «триста», а *сале* — «год». Они утверждают, что этому шейху триста пятьдесят лет. Они его очень почитают. К нему приходят жители городов и селений на поклонение. Его навещают также султаны и хатун. Он принял нас с уважением и угостил нас; мы расположились на берегу реки, около его завии, а затем зашли к нему. Я его приветствовал, и он меня обнял; его кожа была гладкой, я не видел более мягкой кожи, чем у него. Кто увидит его, подумает, что ему пятьдесят лет. Мне рассказали, что через каждые сто лет у него вырастают новые волосы и зубы и что он видел Абу Рухма, могила которого находится в Мултани в Синде. Я его попросил рассказать какое-либо предание, и он мне привел множество историй, и тогда я усомнился в нем, но лишь один Аллах ведает истину. Затем мы отправились в Барузан (Парван). Там я встретил эмира Бурунта, который принял меня очень ласково и обращался с уважением. Он написал своим наместникам в Газну, чтобы те приняли меня достойно. О нем и о дарованном ему могучем сложении мы уже рассказывали. Его окружали шейхи и суфии, которые жили в завиях.

Далее мы отправились в Чарх. Это большое селение, где много садов и хорошие фрукты. Было лето, и там

было много суфиев и учеников-богословов. Здесь мы совершили пятничную молитву. Эмир этой местности Мухаммад ал-Чархи принял нас. Потом я снова встретился с ним в Индии.

Затем мы отправились в Газну, бывшую столицу борца за веру султана Махмуда ибн Сабуктегина¹⁴², имя которого прославлено. Он был одним из знаменитых султанов, которого называли Иамин ад-Даула. Он много раз нападал на Индию, завоевывал города и крепости. Большая часть города Газны разрушена, от него осталось лишь немного, а был это большой город. Здесь бывают такие сильные морозы, что жители города с наступлением холода переселяются в город ал-Кандахар. Это большой и богатый город, но я не был там. Он расположен в трех днях пути от Газны. Мы остановились возле Газны в селении на берегу реки, у подножия крепости. Эмир города Марзак-ага принял нас с почетом. *Марзак* означает «маленький», а *ага* означает «знатного рода».

Далее мы отправились в Кабул; это был некогда большой город, но сейчас это селение, где живет племя из персов, которых называют афганцами; они владеют городами и перевалами и обладают большим могуществом; большая часть афганцев — разбойники. Их самая большая гора называется Кух-и Сулайман. Рассказывают, что пророк Сулайман — мир ему! — взошел на эту гору и смотрел с ее вершины на Индию, которая была покрыта мраком. Он вернулся, не заходя в эту страну, и гора была названа его именем. На этой горе живет царь афганцев.

В Кабуле находится завия шейха Исмаила ал-Афгани, ученика шейха Аббаса, одного из главных святых. Из Кабула мы пошли в Кармаш (?). Это крепость, расположенная между двумя горами, где живут афганцы. Когда мы проезжали ее, афганцы, находившиеся у подножия горы, напали на нас. Мы пускали в них стрелы, и они обратились в бегство. Наш караван сопровождала небольшая охрана, а у них было около четырех тысяч лошадей. А у меня были верблюды, из-за которых я отстал от каравана. Со мной была группа людей, среди которых были афганцы. Мы бросили часть продовольствия, а также оставили вьюки верблюдов, которые были утомлены в дороге. Мои люди вернулись за ними на следующий день и погрузили вьюки на лошадей.

Мы присоединились к каравану после вечерней молитвы и провели ночь в местности Шашнагар. Это последнее населенное место на границе страны тюрков, откуда мы вошли в большую пустыню. Этот путь можно проделать за 15 дней, а путешествуют здесь только в одно время, когда в странах Синда и Индии пройдет период дождей, что приходится на начало июля¹⁴³. В этой пустыне дует смертоносный ветер *самум*, от которого тело так загнивает, что, когда человек умирает, у него отваливаются руки и ноги. Мы говорили уже, что этот ветер дует также в пустыне между Хормузом и Ширазом. Перед нами шел большой караван, в котором был кади Термеза Худаванд-заде. У них пало множество верблюдов и лошадей, однако наш караван, слава Аллаху Всевышнему, добрался целым до Пенджаба, то есть до реки Синда. *Пандж* означает «пять», а *аб* — «вода», так что значение этого названия «пять вод» (пять рек). Они впадают в большую реку и орошают эти области, о чем мы расскажем, если захочет Аллах Всевышний.

Подошли мы к этой реке в последний день месяца зу-л-хиджжа. Той ночью взошла над нами луна месяца мухаррам 734 года (1333 г. н. э.). Отсюда осведомители написали о нас в Индию и изложили царю Индии все, что нас касалось. Здесь заканчивается рассказ об этом путешествии, хвала Аллаху, господу миров!

КОММЕНТАРИИ К ПЕРЕВОДУ ГЛАВ «ПУТЕШЕСТВИЯ» ИБН БАТТУТЫ

¹ Ас-Сара — так Ибн Баттута называет столицу Золотой Орды г. Сарай. Были два города, носившие это имя: Сарай-Бату, старая столица Золотой Орды, названная по имени хана Батия (1227—1255), и Сарай-Берке, основанный братом Батия Берке-ханом (1257—1287), куда была перенесена столица при Узбек-хане (1312—1340), очевидно еще до прибытия туда Ибн Баттуты. В исторической литературе эти города известны как Старый и Новый Сарай. Развалины Сарай-Берке (Нового Сарая) находятся вблизи нынешнего поселка Ленинск, Волгоградской области. Этот город был разрушен Тимуром в 1395 г. См. [135; 137; 130].

² Сараджук или Сараджик («Сарайчик») — Малый Сарай. Развалины этого средневекового города находятся в 1,5 км от современного поселка Сарайчик (в 58 км от г. Гурьева Каз. ССР). В XV—XVI вв. это был важный торговый центр, куда приезжали иностранные и русские купцы, которые вели торговлю с народами Средней Азии. См. [130, 88].

³ Улусу — р. Урал.

⁴ Судя по описанию, это понтонный мост, но по стилистическим соображениям мы не употребляем этого слова. В Багдаде, например, было два больших понтонных моста — «Верхний» и «Нижний» (см. [165, 77]). Одно из лучших и самых подробных описаний у Якуби [54, 333—354].

⁵ *Арбаату дананир дарахим*. В. Г. Тизенгаузен переводит это сочетание «4 серебряных динара» (см. [74, 308]), однако возникают следующие соображения: вряд ли даже в разговорном языке может быть допущено употребление существительного *дарахим* в значении прилагательного «серебряный», тем более что по происхождению *дирхем* — слово не арабское, а заимствование из греческого языка (драхма). Зато во множественном числе *дарахим* получило широко распространенное обобщенное значение «деньги», употребляясь именно в арабском разговорном языке и в марокканском диалекте в первую очередь, входя в состав пословиц и поговорок (*ад-дарахим* — *маракхим* — «деньги — лекарство от всех бед»). Здесь, как и во всех прочих многочисленных случаях его употребления, это выражение означает «четыре динара денег» или «четыре динара деньгами». Это утверждение подкрепляется тем фактом, что далее у Ибн Баттуты не раз встречаются слова *миату динар дарахим* («сто динаров деньгами»), где слово динар стоит в ед. ч., а слово *дирхем* во мн. ч. Отсутствие согласования в арабском языке в подобных случаях совершенно невозможно, тем более что слово *динар* — мужского рода.

⁶ Завии были широко распространены в XIV в. в Средней Азии и Хорасане. Судя по описаниям источников, завия представляла собой и дервишскую «обитель», и странноприимный дом, где бесплатно кормили проезжих, в особенности возвращавшихся из паломничества. Большая часть завий находилась там, где были *мазары* (т. е. места поклонения) — гробницы местных «святых».

⁷ В оригинале *хаси*, известное во многих западных арабских диалектах, имеющее значение «дождевая и колодезная вода» (см. [79, III, 57]).

⁸ Здесь имеется в виду не Хорезм — область, расположенная в нижнем течении Амударьи, которая в эпоху Ибн Баттуты входила в состав Золотой Орды, а столица Хорезма — город Ургенч, который тоже носил имя Хорезм. Развалины Ургенча подробно описаны А. Ю. Якубовским [136, 68]. Используя данные Ибн Баттуты, А. Ю. Якубовский устанавливает их идентичность с уцелевшими до наших дней памятниками Ургенча и его окрестностей — мавзолеем Наджм ад-Дина Кубра, мавзолеем Турабек-хатун, минаретом Ургенчской мечети и т. д. (памятники, уцелевшие от эпохи Ибн Баттуты). Он доказывает, что минарет был построен при Кутлуг-Тимуре. Титулатура Кутлуг-Тимура (передача имени по А. Ю. Якубовскому) говорит о большом значении, которое имел Хорезм в Золотоордынском государстве, и это подтверждается описанием Хорезма, которое имеется у Ибн Баттуты [см. 136]. Об архитектурных памятниках Ургенча см. также книгу В. И. Пилявского [121], где очень широко использованы сведения Ибн Баттуты.

⁹ Этот небольшой отрывок, написанный рифмованной прозой, несомненно, принадлежит «редактору» Ибн Баттуты — Ибн Джузайфу. Правда, рифма здесь очень простая, далекая от литературной изысканности.

¹⁰ Французские издатели Ибн Баттуты предполагают здесь персидское слово *шур* («волнение», «спор», но также «конный базар») [см. 79, III, 57, примеч. 40].

¹¹ Здесь идет речь о пятнице — праздничном дне у мусульман, когда часть лавок или даже весь рынок были закрыты. Поэтому нам представляется неверным перевод следующего предложения, сделанный Тизенгаузенем, которому следует и В. В. Бартольд: «Потому что они (хорезмцы) запружают (в этот день) Кайсарийский базар и другие рынки» [29, 308], см. также [79, III, 57—58]. Между тем слово *сада* имеет основное значение не «запружать» в значении «заполнять», а именно «закрывать». Мы переводим: «в этот день они закрывают базар Кайсарийя и другие базары».

¹² Кайсарийя — своего рода гостинный двор, где купцы складывали все свои товары под государственной охраной и с гарантии (см. [153, II, 433]).

¹³ Слово *мадраса* у Тизенгаузена переводится «училище» [29, 308], однако, очевидно, это слово лучше оставить без перевода (медресе) ввиду специфики термина (мусульманское учебное заведение).

¹⁴ Речь идет о султане Узбеке — девятом хане Золотой Орды, который правил с 1312 по 1340 г. В русской народной литературе он известен как царь Азвях.

¹⁵ А. Ю. Якубовский дает это имя как Кутлуг-Тимур. По словам Ибн Дукмака, он был назначен наместником Хорезма в 721 (1321) г., жил в Хорезме постоянно (см. [74, I, 328]). Ибн Халдун отмечает, что Кутлуг-Тимур был наместником в Хорезме с некоторыми перерывами, так как, будучи отстранен в 721 (1321) г. от наместничества в Крыму, в 724 (1323) г. вновь был назначен туда (см. [74, 388, 143, 18]). Он умер, по словам Мирхонда, в 763 (1361) г. Но А. Ю. Якубовский замечает, что «слова эти неверны, ибо в надписи на каменной плите, сохранившейся в Огузах (Крым), сказано: „Этот благословенный колодезь построен... указанием великого эмира Кутлуг-Тимур-бека... 767 г. х.“ (1368 г. н. э.), и ссылается на Осман-Огак-Раклы. «Старокрымские и огузские надписи», с. 7 (см. [136, 18]). Кутлуг-Тимур, как близкий родственник Узбек-хана (см. об этом [25, III, 9]), которому тот помог при восшествии на престол (см. [29, 384]), играл значительную роль при дворе Сарая. «Судя по описанию Ибн Баттуты и особенно по сохранившимся памятникам Ургенча, долгое правление Кутлуг-Тимура было временем, когда город не только значительно вырос, но и украсился первоклассными постройками» [136, 19]. Как показывают археологические раскопки, минарет в Куна-Ургенче тоже был построен при Кутлуг-Тимуре [136, 36].

¹⁶ О Турабек-хатун Ибн Баттута упоминает ранее, описывая свое путешествие по Ирану и говоря о подарке, который она послала индийскому царю (см. [25, II, 73]). О мавзолее Турабек-хатун новейшие данные см. [89, 121].

¹⁷ В тексте *маристан* — слово персидского происхождения, «больница» (см. [153, II, 573]).

¹⁸ Муаззин (муэдзин) обычно ограничивался тем, что возвещал о наступлении часа молитвы с минарета.

¹⁹ Штраф за недостаточную набожность был больше цены лошади (лошадь, по сообщению Ибн Баттуты, стоила 4 динара).

²⁰ Речь идет о р. Амударье. См. о названиях этой реки подробно [79, III, 325; 103, 12—13].

Согласно мусульманской мифологии, складывавшейся в эпоху позднего средневековья, четыре главные реки мира берут начало в раю, вытекая из-под хрустального купола: Нил, Джайхун, Тигр и Евфрат.

²¹ Итил — одно из названий р. Волги. Так называлась река в ее среднем и нижнем течении [130, 66].

²² Наджим ад-Дин ал-Кубра — Ахмад ибн Умар ал-Хиваки, основатель религиозного братства Кубравийя, известный хорезмский шейх и поэт. В 618/1221 г. был убит монголами при захвате Хорезма. По данным археологии, его могила находится в ближайших окрестностях Ургенча, несколько сотен саженей севернее северной стены города, что вполне совпадает со свидетельством Ибн Баттуты [143, 59]. См. о Наджим ад-Дине ал-Кубра: Абд ар-Рахман Джами. Нафахат ал-унс. Рук. ИВАН УзССР, инв. № 4409, л. 224а—224б; Камус ал-алам, IV, с. 4568; *Хондамир*. Хабиб ас-сийар, литогр. изд. Бсмбей, 1857, т. III, ч. 1, с. 31—32; см. также о нем [79, I, 99, 440, 503, 504, 541; 82, 324—334].

²³ См. примеч. 6.

²⁴ Слово *муджавир* постоянно употребляется у Ибн Баттуты в его суфийском значении — «мистик», «отшельник».

²⁵ Абу-л-Касим Махмуд ибн Умар аз-Замахшари — известный среднеазиатский ученый — философ, литературовед, филолог, географ, поэт и писатель (1075—1144); см. о нем подробно [122; 131, 146—148].

²⁶ Замахшар (Измихшир, Змухшир, Зумукишир) — средневековое селение, расположенное в области Хорезм, нынешний Тахтынский район Ташаузской области Туркменской ССР (см. [79, I, 203, 204; 81, 5; 130, 66]).

²⁷ Постоянное упоминание Ибн Баттуты своей прислуги позволяет представить себе, что он ездил с довольно большим числом сопровождающих, т. е. обладал достаточными средствами.

²⁸ Тизенгаузен переводит титул *садр* словом «старшина» («кадий-старшина» — [29, 310]). Вероятно, следует переводить его «стафейшина» или же лучше всего оставить без перевода. Дози, которому мы вообще отдаем предпочтение ввиду того, что он использовал главным образом западные (т. е. магрибинские и андалусские) источники, дает значение «старейшина» [153, I, 822], но в данном случае Ибн Баттута употребляет восточноарабскую терминологию, которая не всегда совпадает с западной.

²⁹ *Мавлана* (араб.) — дословно «наш господин», употребляется как почетное обозначение наиболее уважаемых, авторитетных лиц в значении «почтенный».

³⁰ Тизенгаузен правильно перевел: «В учении их преобладает итизаль», но комментирует слово *итиза* как «уклонение от существующих догматов, раскол» [29, 310]. Однако учение мутазилитов — вовсе не уклонение от существующих догматов, а рационалистическое течение в исламе, провозглашенное официальным вероисповеданием при аббасидском халифе ал-Мамуне (813—833), позже подвергавшееся преследованиям. Основными теоретическими положениями мутазилитов были отрицание божественных качеств, утверждение о сотворенности Корана; они также развили учение о свободе воли. Основатели этого учения — басрийцы Васил ибн Ата (ум. 749) и Амр ибн Убайд (ум. 762).

³¹ *Сунниты* — последователи одного из основных направлений ислама. В данном случае те, кто не признавал учения мутазилитов.

³² «Оповеститель» — придворное должностное лицо, в обязанности которого входило оповещать присутствующих о приходе того или иного знатного посетителя. В данном случае Ибн Баттута обозначает этот титул термином *муарриф* вместо более употребительного тогда *музаккир*.

³³ Этот отрывок весьма интересен с точки зрения средневекового

этикета. Настолько велико было уважение к мусульманину, посетившему «святые места», побывавшему во всех крупных мусульманских городах, что эмир отговаривается болезнью. Очевидно, это сообщение соответствует действительности, хотя, может быть, здесь есть и желание показать Абу Инану, с каким почтом принимали магрибинского путешественника правители Востока.

³⁴ Байалун — третья жена Узбек-хана, дочь византийского императора. О ней Ибн Баттута подробно рассказывает [23, II, 393—394].

³⁵ В средние века Ирак славился производством стеклянных чаш.

³⁶ Вероятно, имеется в виду *йазгуджи* — «пишущий», «писец».

³⁷ Очевидно, этот метод не был известен Ибн Баттуте ранее.

³⁸ Это сообщение вызвало большой интерес историков и нумизматов. Так, советский ученый Г. Ф. Федоров-Давыдов на основании этого высказывания пришел к выводу, что «отношение цен серебра и золота в Хорезме в 1330-е годы было равно 1 : 3,65» [129, 208].

³⁹ Малагский инжир — от названия андалусского города Малаги, славившегося экспортом сушеных фруктов.

⁴⁰ Кербела (Машхад Хусайн) [54, IV, 249] — город в Ираке, один из священных городов шиитов. В этом городе находится могила шиитского мученика, внука Мухаммада, имама Хусайна — объект поклонения многочисленных паломников-шиитов. О Кербеле имеются многочисленные упоминания ат-Табари, Ибн ал-Асира и других арабских авторов. Из исследований нашего времени наиболее полные принадлежат Нольдеке, ле Стренджу и Дональдсону (см. [165]).

Слово *шариф* имеет терминологическое значение. *Шарифы* разделялись на несколько ветвей (аббасиды и алиды), и нередко к числу *шарифов* или *сайидов* причислялись люди, не имевшие никакого отношения к «дому Пророка» (см. [63, 165]).

⁴¹ Алмалык — город, расположенный на берегу р. Или к северо-западу от современного города Кульджи в Китае [130, 71], важный торговый центр на караванной дороге, которая вела из Золотой Орды и Средней Азии в Монголию и Китай. Резиденция ханов Чагатайского улуса (см. [123, 215]).

⁴² Мавераннахр (букв. «то, что за Рекой», т. е. за Амударьей) — наиболее общее наименование Средней Азии во времена Ибн Баттуты.

⁴³ Араб. *фундук*. Доли дает значение «Склад для купцов, приезжающих в город для продажи зерна» [70, 292]. Однако, очевидно, значение этого слова шире — и постоянный двор со складами для товаров. У Ибн Баттуты слово использовано именно в этом значении. Словарь Муина, приводя это слово, дает помету о его арабском происхождении. Это слово происходит от греческого «постоялый двор», «гостиница». На Востоке употреблялось в этом значении слово «хан» — «постоялый двор».

⁴⁴ Хама — город в Сирии на берегу реки Эль-Аси (Оронт).

⁴⁵ У Тизенгаузена «где нет ни села, ни города единого» [27, 314] — перевод неверен. В действительности: «Есть только одно селение». Ср. у В. В. Бартольда: «Насколько Хорезм времени монгольского владычества отличался от Хорезма эпохи Саманидов, лучше всего видно из слов Ибн Баттуты, что между столицей Хорезма (Ургенчем) и Бухарой простиралась степь, где был только один населенный пункт — небольшой город Кят» [79, I, 525].

⁴⁶ Почетная одежда, может быть необязательно собственно халат, а любая верхняя одежда. У аббасидских халифов существовали специальные мануфактуры для изготовления одежды, раздававшейся как почетные подарки.

⁴⁷ Кат (Кят) — город, расположенный на правом берегу Амударьи, в конце X в. — столица Хорезма; назывался также Хорезм, а в XIX в. — Шаббаз (шейх Аббас Вали). В 973 г. здесь родился крупнейший ученый средневековья Абу Райхан ал-Бируни; в 1372 г. разрушен Тимуром. Ныне на месте г. Кят находится район Бируни Каракалпакской АССР Узбекистана. См. [79, III, 475—476; 81, 6, 171, 173 и др.; 70, 137, 65].

Иакут уделит этому городу несколько строк, указав координаты Кята и упомянув, что на хорезмийском языке *кят* означает «стена» [55, IV, 222].

⁴⁸ Шейх города (*шайх ал-мадина*) — должностное лицо, своего рода «городской голова».

⁴⁹ Сибай: (*сепая*, или в современном таджикском произношении *сепоя*) означает «треножник, тренога», также технический термин; так называется специальная связка из бревен, предохраняющая берег от размывания водами реки. Возможно, что указанная местность получила название по таким *сепоям*, укреплявшим здесь берег Амударьи [79, I, 59, примеч. 48]. О *сепоях* в Хорезме см. [95, 245].

⁵⁰ Вабканат (Вабкант) — селение в 26 км к северо-востоку от Бухары (см. [79, I, 175]; у О. П. Чехович: [78, 225, примеч. 87]).

⁵¹ Глава *мухаддисов* — ученых, занимавшихся передачей *хадисов* — устных преданий, составляющих сунну.

⁵² Абу Абдаллах Мухаммад ибн Исмаил ал-Бухари (810—870) — один из наиболее известных авторов сборников *хадисов*, автор канонического труда «ал-Джами ас-сахих», составленного на основе 600 тыс. хадисов.

⁵³ «Проклятый Тингиз» — Чингиз-хан. Эпитет «проклятый» Ибн Баттута часто применяет к Чингиз-хану, хотя ни к одному другому монгольскому правителю не решается применить его, говоря о них с большим уважением, даже если они немусульмане.

⁵⁴ Ибн Баттута имеет в виду Ильханидов, потомком Чингиз-хана, правивших в Ираке. Об Ильханидах см. [79, VII, 500; 83, 200—203].

⁵⁵ «Их свидетельство не принимается...», т. е. они не являются юридически полноправными лицами, но в данном случае Ибн Баттута говорит, что оно не принимается главным образом в Хорезме. Может быть, это отражение старого политического соперничества между Бухарой и Хорезмом.

⁵⁶ Хата (Хатай) — северная часть современного Китая (к северу от р. Янцзы) см. [123, 219; 130, 76].

⁵⁷ Хотан — город в Китае; см. [79, III, 553—554].

⁵⁸ Кашгар — город в Китае; подробно см. [79, III, 456—457].

⁵⁹ См. выше, примеч. 42.

⁶⁰ Джалал ад-Дин Манкбурны (о чтении последнего компонента как «Манкбурны» и толковании его значения см. [85, 143—146]) — последний из Хорезмшахов, правил с 1220 по 1231 г. В 617/1221 г. Мавераннахр завосвали монголы Чингиз-хана, и правление его прошло в тщетных попытках преградить монгольской лавине путь на Средний Восток [83; 84а].

⁶¹ Уtrar (Отрар) — небольшой город (Ибн Баттута даже называет его *балда* — «селение»). В Отраре были задержаны купцы из Монголии (Отрарская катастрофа). См. подробно [79, 87, 234—236, 260, 420 и др.; также 89, 315, 448, 459—461; 81, 193—195].

⁶² *Махалла* — одно из слов марокканского диалекта, встречающихся у Ибн Баттуты, в значении «военный лагерь» султана или эмира.

⁶³ Балх — город в Северном Афганистане. В древности этот го-

род носил имя Бактра. Монгольское нашествие положило конец его расцвету. Вблизи Балха построен новый город, получивший название Вазирабад [130, 60].

⁶⁴ Бамийан — город в горах между Кабулом, Хульмом и Балхом. В X в. Бамийан считался главным городом области, в состав которой входили Кабул и Газна, находившейся под управлением местного правителя [79, I, 118]. Он был разрушен Чингиз-ханом и до XVIII в. не восстановлен [38, л. 144а]. Бамийан примечателен своими памятниками древности, многочисленными огромными изваяниями.

⁶⁵ «Персидский Ирак» — северо-западная часть Ирана, иногда весь Иран.

⁶⁶ «Он разрушил [город] до основания» — кораническое выражение [62, II, 261], ставшее общепринятым и употреблявшееся часто в разговорной речи. У Ибн Баттуты встречается постоянно.

⁶⁷ Халиф ал-Мустасим биллах ал-Аббаси — последний аббасидский халиф (1242—1258).

⁶⁸ Улемы (араб. *улама*) — мусульманские богословы.

⁶⁹ Фатхабад — селение в 1 км к востоку от Каршинских ворот Бухары. Ныне входит в черту города; см. [78, 220, примеч. 30].

⁷⁰ Сайф ад-Дин ал-Бахарзи (Сайф ал-Хакк ва-д-Дин Абу-л-Мани Саид ибн ал-Мутаххар ибн Саид ал-Бахарзи) — бухарский шейх (1190—1261); подробную библиографию о нем см. [78, 215—216, примеч. 6].

⁷¹ «Он был из величайших святых». Слово *аулийа* (мн. ч. от *вали*) перешло в тюркские языки со значением «единственного числа» — «угодник», «святой»; арабские толковые словари объясняют его как «друг бога», «сосед бога». Отсюда под влиянием суфийской терминологии слово *вали* приобрело значение «святой», особенно в период позднего средневековья с расцветом житийной, или агнографической, литературы.

Признаком «святого» является *карама*, значение этого слова восходит, очевидно, к Корану [62, X, 62]. Слово *карама* можно объяснить как «чудесный дар, благодать, которыми Аллах отметил своих святых и угодников», т. е. чудо; см. [62, III, 37]. В житийной литературе XI—XIV вв. на арабском и персидском языках рассказывается о *карамат* местных *вали*, причем самый обычный случай часто истолковывается как проявление *карама*, что очень часто встречается и у Ибн Баттуты. Даже Ибн Халдун, современник Ибн Баттуты, признавал *карамат* (см. [48, I 169, 199, а также 160, 118—124]).

⁷² Иахйа ал-Бахарзи (Иахйа ибн Бурхан ад-Дин Ахмад) — внук знаменитого шейха Сайф ад-Дина (см. примеч. 70). Он приехал в Бухару из Кермана в 712/1312-13 г., жил в завии, построенной при могиле Сайф ад-дина Ал-Бахарзи в Фатхабаде; умер в 736/1335-36 г.; см. [133, 150—151; 78, 215, примеч. 1].

⁷³ Ала ад-Дин Тармаширин — султан Мавераннахра, девятнадцатый из Чагатаидов; правил с 726/1326 по 734/1334 г. Тармаширин — иранизированная форма буддийского прототипа его имени Дхармашила («следующий дхарме», т. е. буддийскому закону). Он принял ислам, но слишком решительный разрыв с кочевыми традициями вызвал восстание кочевых монголов восточной части ханства, которые были противниками ислама. Восставшие убили Тармаширина. После его смерти резиденция ханов на несколько лет была перенесена на берег Или (см. [79, II, ч. 2, 33, 543; 83, 198]).

⁷⁴ Нахшаб — древний город в Средней Азии, находится в 10—12 км к северо-западу от современного города Карши. В средние века назывался Насафом (см. о нем подробно [96, а также 105, 147—148]).

⁷⁵ Акика — мусульманский обряд, совершаемый через неделю после рождения ребенка, когда ему впервые стригут волосы.

⁷⁶ Ал-Джакатай — так называет Ибн Баттута султана Мавераннахра Элджигидея, который правил несколько месяцев в 1326 г.

⁷⁷ Кебек («Пес») — тотемистическое имя султана Мавераннахра из Чагатаидов, правил в 709/1309 и вторично с 718/1318 по 1326 г. Он обосновался в Мавераннахре первым после Мубарак-шаха (1266) и Барака (1266—1270) и построил себе дворец в двух фарсах (12—16 км) от Нахшаба. Название г. Карши происходит от монгольского «дворец» (см. [79, II, 2, 33]).

⁷⁸ *Фи аййи сурагин ма шаа раккабак* — слова из Корана (I.XXXII, 8). Здесь имеется звуковое соответствие с именем Кебек. Для того чтобы получить имя Кебек, проповеднику пришлось слова *раккабака* произнести раздельно в паузальной форме с конечным сукуном (*рак-кабак*).

⁷⁹ Это рассказ типа *хикайат*, типичный для агнографической литературы и характерный для Ибн Баттуты, который, рассказывая о «хорошем» правителе, подчеркивает его доброжелательное и уважительное отношение к мусульманам, несмотря на то что этот правитель — «язычник». Думается, этот рассказ очень ярко показывает, каким образом складывались легенды о «правителях-язычниках и проповедниках», которые в большинстве случаев добиваются успеха.

⁸⁰ Это — «поучительный рассказ», смыкающийся по стилю, как и предыдущий, с агнографической литературой и отличающийся определенной слащавостью, несмотря на «грубость» сюжета (явление, вообще характерное для житийной литературы).

⁸¹ Ибн Баттута далее очень точно объясняет значение всех приподнятых слов и не менее точно их «транскрибирует»: здесь он воспроизводит тюркское *хош-ми-сен?* — «Хорошо ли ты себя чувствуешь?»

⁸² Каба — верхняя одежда, соответствующая более позднему *фарджийа* (см. [152, 240, 244, 325 и др.]).

⁸³ Очевидно, здесь следует читать *йакиннуна* от глагола *кан-на* — «скрывать», «скрываться». *Сакаиш* — «крыши» (здесь «навесы»), *сий-аб ал-кутн* здесь не «хлопчатобумажная одежда», а «хлопчатобумажная ткань» [153, I, 166]. В связи с этим мы переводим: «Там сделаны навесы из хлопчатобумажных тканей, под которыми они укрываются».

⁸⁴ Хеброн, город в Палестине, где якобы похоронены пророки Ибрахим, Исхак и Иакуб.

⁸⁵ ан-Насир — Насир ад-Дин Мухаммад, мамлюкский султан, правил трижды: 1294—1295 гг.; 1299—1309 гг.; 1309—1340 гг.

⁸⁶ «Он не пропускал ни утренних, ни вечерних молитв с общиной». Тармаширин представлен Ибн Баттутой как чрезвычайно набожный мусульманин. С этой целью подчеркивается, что дело происходит во время «сильного, губительного холода».

⁸⁷ Каба — «халат, подбитый хлопком», т. е. «стеганный халат»; см. также примеч. 83.

⁸⁸ *Калансува* — остроконечная шапка «в форме сахарной головы» [153, II, 409]. Такие головные уборы носили на западе арабской империи (в Испании, в Марокко).

⁸⁹ *Кират* — мелкая мера веса = $\frac{1}{116}$ дирхема [153, II, 335], употреблявшаяся для измерения веса драгоценных металлов.

⁹⁰ Бузун (правильное произношение Бузан) — султан Мавераннахра (1334—1338).

⁹¹ Ясак (яса) — сборник установлений Чингиз-хана, отражающий монгольское родовое право; см. о ясе [87а, 375—381].

⁹² «Он обращался к нему, называя его братом». Согласно сложному этикету, в общении между феодальными правителями имело большое значение обращение в посланиях. Обращение «брат» означало равного, «сын» — младшего вассала, «отец» — суверена. Вопрос обращения при переписке нередко служил причиной политических осложнений и даже войн.

⁹³ Синд — область, расположенная в низовьях р. Инд.

⁹⁴ «Гулам царя Индии». Гулам — молодой невольник, часто из тюрок. Институт гуламов существовал с IX в., гуламы «часто ... составляли гвардию мусульманских правителей» [39, 78], но из их числа выходили также крупные военачальники, правители, основатели династий (напр., Сабуктегин, отец Махмуда Газнави, основателя династии Газнавидов, был гуламом Бундов).

⁹⁵ Мултан — город в Пенджабе (Западный Пакистан), на левом берегу реки Ченаб, в XIII в. центр небольшого княжества, завоеванного затем Делийским султаном; см. [123, 233].

⁹⁶ Ибн Баттута объясняет неизвестное, очевидно, в Магрибе слово *сирраджа* знакомым ему словом *афрадж*, означающим «ограждение вокруг лагеря султана».

⁹⁷ «...вышел (или выехал) к нему навстречу» — согласно феодальному этикету, высшая почесть, оказываемая высшему или равному. Далее в тексте: «он спешился перед ним», т. е. оказал ему почет. Спешиваться полагалось только перед высшим по положению или происхождению. Въезжать во двор замка имели право только правители.

⁹⁸ «...приказал ему стоять перед ним». Подчиненные (вассалы) или придворные низшего ранга были обязаны в присутствии правителя стоять, обычно скрестив руки на груди, если только правитель не приказывал им сесть — см. [59, 86]. Так можно было обращаться только с низшими по рангу, и в данном случае было актом унижения.

⁹⁹ *Мазаркани* — букв. «осквернитель могил».

¹⁰⁰ Имеется в виду провинция Мекран, которую иногда называли Кедж-Мекран (об этом см. [70, 332, примеч. 1]).

¹⁰¹ «...позволял христианам и иудеям строить их храмы». Мусульмане обычно не разрешали иноверцам строить новые церкви и синагоги, можно было лишь производить их ремонт — по особому разрешению [160, 133—135].

¹⁰² Хусайн, сын Гийас ад-Дина ал-Гури — султан Герата (1331—1370) Муизз ад-Дин ал-Карт.

¹⁰³ Шариф, чья родословная восходит к Хусайну, внуку Пророка; см. также примеч. 40.

¹⁰⁴ Тараз (Тирас) — нынешний город Джамбул КазССР. [130, 74]. Об истории этого города подробно см. [79, III, 495—496].

¹⁰⁵ Каракорум — средневековый город в верховьях р. Урхун (Орхон) в нынешней Монголии. Этот город был построен после смерти Чингиз-хана Угедеем, когда он был избран великим ханом и переехал в Монголию; см. [79, III, 443—444; V, 146; 130, 76].

¹⁰⁶ Бешбалиг (Бешбалик) — джиласарские развалины вблизи нынешнего города Гучен в Западном Китае [130, 61]. Махмуд Кашгари объясняет это название так: Бишбалык значит пять городов. Уйгуры называют другой город Янги Балык, т. е. новый город (*Махмуд Кашгари*. Девону луготит-турк., перевод С. М. Муталлибова.

Таш., 1961, т. 1, с. 145). О названии Бешбалик подробнее см. [79, III, 362, 371—377].

¹⁰⁷ «...написал ему, чтобы его имя поминали в хутбе и чеканили на динарах и дирхемах в стране Хусайна», т. е. потребовал признания вассальной зависимости от него. *Хутба* — пятничная проповедь, в начале которой провозглашается имя верховного правителя страны (области), затем престолонаследника и наместника. Что касается чекана монет, то лишь самостоятельный правитель имел право чеканить свое имя на монетах.

¹⁰⁸ Т. е. в 1347 г.

¹⁰⁹ Букв. «река стиральщиков».

¹¹⁰ *Наур* (нории) — водяные колеса с лопастями-ковшами, употреблявшиеся для орошения; иногда мы оставляем это слово без перевода (нория), так как в этой форме оно вошло в некоторые западноевропейские языки.

¹¹¹ Кусам ибн ал-Аббас ибн Абд Мутталиб — известный арабский военачальник, захвативший Самарканд в VIII в. Его гробница до сих пор находится в некрополе Шахи-Зинда в Самарканде. Подробнее о нем и его гробнице см. [116, 122а, 15, 114, легенда о «живом царе»].

¹¹² Садр ал-Джихан (садр-и джихан) — букв. «столп (центр) мира». Монголы, завоевав Туркестан, в первое время не вмешивались во внутреннее управление страной. Еще в начале XIV в. местное управление находилось частью в руках владетелей из династии домонгольского происхождения, частью в руках представителей мусульманского духовенства, причем в последнем случае звание *садра* часто переходило по наследству от отца к сыну. Еще тридцатью годами позже при Ибн Баттуте самаркандский кади, подобно бухарским *садрам* XII в., носил титул садр-и джихан; см. [79, II, часть 1, 363].

¹¹³ *Сахиб ал-ахабар* — официальный осведомитель. В более раннюю эпоху глава осведомителей области (города) в Халифате (он же — глава почтового ведомства) назывался *сахиб ал-барид*. О функциях его подробно рассказано в [153, I, 347].

¹¹⁴ Абу Хафс Умар ан-Насафи — мусульманский ученый-богослов, родом из города Насаф (Нахшаб), автор труда «Сочинение о спорных вопросах между факихами четырех толков». Имеются в виду четыре ортодоксальных толка в исламе, названные по именам их основателей: маликиты, ханбалиты, шафииты и ханафиты, которые отличались друг от друга рядом особенностей.

¹¹⁵ *Тафл* (марокканский диалект) — своеобразное «глиняное мыло», иногда в виде шариков, сделанных из высушенной глины, смешанной с благовониями [153, II, 48—49].

¹¹⁶ *Каззан* — строительный камень наподобие туфа (см. [153, II, 458]).

¹¹⁷ Аккаша ибн Михсан ал-А-ади — один из сподвижников (*асхабов*) Мухаммада («посланника Аллаха»). *Асхабы* — жители Мекки, последовавшие за Мухаммадом после его переселения из Мекки в Медину, в более широком значении — все те, кто был его сподвижником, т. е. бывал с ним. Согласно мусульманской традиции, считается, что *мухаджиры* и *ансары* (жители Медины, поддерживавшие Пророка, и спутники Мухаммада по *хиджре*), а также «святые» (*авлия*) войдут в рай без отчета на Страшном суде.

¹¹⁸ *Мазарат* — букв. «места посещения», т. е. «места поклонения», гробницы святых, мазары.

¹¹⁹ Хизкийл (Иезекиил) — библейский пророк, гробница которого,

естественно, никак не могла находиться в Балхе. каким образом сложилась такая легенда, неясно, однако XII—XIV вв. вообще богаты такого рода преданиями, создававшимися обычно во время больших политических потрясений и характерными для средневекового мировоззрения.

¹²⁰ Ибрахим ибн Адхам — знаменитый аскет родом из Балха. Большую часть жизни провел в Сирии, зарабатывая на жизнь физическим трудом, переезжая из одного города в другой, читая проповеди. Погиб между 776 и 783 гг. во время одного из морских походов против Византии. Очевидно, если дом, виденный Ибн Баттутой в Балхе, действительно принадлежал Ибрахиму ибн Адхаму, то последний некоторое время проживал и в Балхе. Однако, возможно, здесь имеет место явление, отмеченное выше: усиленное создание агиографической литературы в эпоху Ибн Баттуты требовало подробной разработки биографии «праведников». Может быть, здесь такая же фальсификация, как и в случае с могилой пророка Иезикииля (см. примеч. 119): было известно, что Ибрахим бин Адхам родом из Балха.

¹²¹ Интересно, что далее маршрут Ибн Баттуты в основном совпадает с маршрутом Марко Поло, который также посетил Герат, Балх и другие города (см. [132, 104]). Тем не менее у Марко Поло нет упоминаний ни о Герате, ни о Нишапуре. Балх он описывает следующим образом: «Балх большой, знатный город, а прежде он был и больше, и еще лучше. Татары и другие народы грабили его и разрушали; в старину, скажу вам, тут было много красивых дворцов, много прекрасных мраморных домов; все они разорены, разрушены. В этом городе Александр (Македонский) женился на дочери Дария. Рассказывали мне в этом городе, что здешний народ молится Мухаммеду. До самого этого города земли царя восточных татар и тут же пределы Персии на восток и северо-восток» [70, 73].

Балх — древняя Бактра, после 250 г. до н. э. — столица Греко-Бактрийского царства. В 1221 г. город разрушен монголами. Ныне переименован в Вазирабад. Находится на севере современного Афганистана.

¹²² Найсабур (Нишапур) — главный город Хорасана, родина Омара Хайяма и Фарид ад-Дина Аттара, крупный культурный и религиозный центр в эпоху средневековья.

¹²³ В средние века этот город называли иногда Марви Шахиджан. В 1220 г. был полностью разрушен монголами. Руины Мерва находятся вблизи г. Мары Туркменской ССР (см. [81, 6, 8, 15, 43, 138—139 и др.]).

¹²⁴ Следует заметить, что Ибн Баттута пропустил царствование Шамс ад-Дина Мухаммада, старшего брата Хафиза и Хусайна. Согласно Хондемиру, царствование Шамс ад-Дина длилось около десяти месяцев — см. [76, т. III, с. 2, 74—75].

¹²⁵ Рафидиты — шиитская секта. Ал-Ашари в своем сочинении «Макалат ал-исламийин» объясняет это наименование тем, что будто бы рафидиты (от глагола *рафада* — «отказывать, отвергать») отказывают в праве на власть халифам Абу Бакру и Умару. По Ашари, рафидиты лишь иное название имамитов; см. [68а, 208—209; 77а].

¹²⁶ *Шуттар* (мн. ч. от *шатир*) — «молодцы», «ловкачи». В эпоху позднего средневековья были широко распространены рассказы о *шуттар* — ловких мошенниках, обманывающих простаков. Слово *шатир* наряду с отрицательным получило и положительное значение — «молодец».

¹²⁷ Мараша пишет, что битва произошла 13 сафара 743 года

(18 июля 1342 г.) в двух фарсах от Завэ и длилась три дня и три ночи [64, 104—105]. По свидетельству очевидцев, на которых ссылается Хондемир, было потеряно не более семи тысяч человек [76, III, ч. 2, 62].

¹²⁸ Далее идет рассказ о Низам ад-Дине, гератском праведнике, никак, казалось бы, не связанный с основной тканью повествования. Однако для Ибн Баттуты наиболее важны именно такие рассказы, составляющие для него «событийную» часть его «Путешествия», в которых значительное место занимают «праведники», «святые», рассказы о чудесах, совершенных ими.

¹²⁹ *Хатиб ал-мадина* — главный проповедник, читающий *хутбу* в соборной мечети. См. также примеч. 107.

¹³⁰ «В сопровождении... рабов», т. е. (*мамлюков*). Возможно, термин *мамлюк* восходит к кораническому употреблению слова (XVI, 75): «То, чем владеют ваши десницы». Отсюда *мамлюк* — раб (собственность господина, т. е. общее определение раба без более подробных указаний, напр., *абд* — чернокожий раб, *хадим* — домашний слуга, *гулам* — белый раб, купленный специально для несения военной службы). Слово *мамлюк* никогда не употреблялось в религиозном значении, как употреблялось слово *абд*.

¹³¹ Суйстан — город на притоке р. Инд, современный Суй (Сой).

¹³² *Джарийа* — «девушка» и «молодая невольница». Поскольку в данном контексте трудно отдать предпочтение какому-либо из этих значений, оба они возможны. Мы переводим более общим значением «девушка».

¹³³ Этот рассказ представляет собой типичный образец «житийного» жанра. Сюжет рассказа характерен не только для «житий» (*суйар*) мусульманских святых и праведников — он типичен и для христианской агиографической литературы, а также восточного и европейского фольклора (сюжет «раскаивающегося грешника»). Этот сюжет восходит ко времени новых христиан, распространен в византийской литературе и в легендах и преданиях разных народов (в русском фольклоре и русской литературе разработан в острой форме: см. [89а, 215, гл. VI, «Спор о великом грешнике», где указаны варианты легенды о грешниках в фольклоре народов Восточной и Западной Европы]. Правда, у Ибн Баттуты этот сюжет потерял характер сказочности, легендарности и приобрел весьма «реальный» и прозаический вид, которым отличается вообще все повествование Ибн Баттуты (поэтому странно, что его все еще иногда называют «фантазером»). Ибн Баттута вовсе не хочет рассказать сказку, он повествует о подробностях биографии «святого» как о вполне реальной.

¹³⁴ *Ислах халихи маа раббихи* — букв. «уладить дела (помогать) со своим господом». Мы оставляем такой перевод ввиду его наивного «делового» оттенка, который характерен для Ибн Баттуты, рассматривающего «примирение с господом» как своего рода торговую сделку.

¹³⁵ Абу Хамид ал-Газали (1059—1111) — крупнейший мусульманский богослов, мистик и философ-идеалист, родился в Тусе, учился в Нишапуре, был приближенным известного *вазира* сельджуков Низам ал-Мулка, преподавал философию в медресе «Низамийя» в Багдаде. Он совершил путешествие в Сирию, Египет, Палестину, на Аравийский полуостров. Наиболее известный его труд — «Ихья улум ад-дин» («Воскрешение наук о вере»).

¹³⁶ *Накиб* — «сотник», глава какой-либо группы (сословной или ремесленной); см. также примеч. 138.

¹³⁷ Абу Инан принял титул халифа, называя себя «повелителем правоверных» и «царское имя» — ал-Мутаваккил ала-л-Лахи («Положающийся на Аллаха»). Этот отрывок, содержащий стандартные восхваления Абу Инана, явно выделяется из общего стиля повествования, почти дословно повторяя некоторые фрагменты предисловия к «Путешествию», и, без сомнения, вставлен Ибн Джузайлем, который счел невозможным упомянуть о Фесе, не восхвалив Абу Инана.

¹³⁸ В эпоху Ибн Баттуты уже окончательно сложилась сложная иерархия суфизма. Из суфийской иерархической лестницы, соответствующей духовному восхождению тарика с его степенями *ахвал* и *макамат*, можно выделить основные иерархические степени: *накиб* — «сотник» (слово, имеющее и бытовое и религиозно-терминологическое значение), всего может быть 300 *накибов*; *бадал-абдал* — «замена» (40 *абдалей*); *амин-умана* — «верный» (семь аминов); *амуд* — «столп» (четыре *амуда*) и один *кутб* — «полюс», «центр».

Эта иерархия, видимо, не всегда строго соблюдалась, и был не один, а несколько *кутбов* (по территориальному признаку, хотя известно, что суфии имели широкие международные связи. В данном случае Кутб ад-Дин ан-Найсабури был, очевидно, главой хорасанских суфиев (Хорасан вообще играл значительную роль в развитии мистических учений в исламе).

¹³⁹ Араб. *ариф* — букв. «знающий». Один из суфийских терминов, происхождение которого идет от греческого слова «гностик» («гносис» — *марифа*). Мы переводим «суфий».

¹⁴⁰ Абу Йазид (Байазид) Тайфур ибн Иса, родился в Бистаме, один из самых известных суфиев IX в. О его жизни известно очень мало, но он был героем множества легенд. Таким образом, его биография имеет в основном легендарный характер. Известно, что Байазид подвергался преследованиям со стороны ортодоксальных суннитов, был в изгнании, большую часть жизни провел в Бистаме, где вел аскетический образ жизни. Он — основатель суфийского ордена тайфурийя. Умер в 847 г. В 1313 г. по приказу монгольского султана Улджайту над могилой Байазиды был возведен мавзолей. До нас дошли «Откровения» Байазиды, в которых в форме мистических изречений излагается путь совершенствования суфия «тарика». (О нем см. [166]).

¹⁴¹ «Следы которого стерлись...» Очевидно, это выражение принадлежит Ибн Джузайлю, поскольку представляет собой обычную формулу, применявшуюся еще в доисламской поэзии (следы жилища возлюбленной) и перешедшую в средневековую арабскую поэзию. Говоря о Бухаре, Ибн Баттута постоянно употребляет «разговорное» слово *хараб*. Выражение «следы которого стерлись», относящееся к другому стилю, привычному для Ибн Джузайля, очевидно, употреблено им так же, как и элементы рифмованной поэзии.

¹⁴² Речь идет о Махмуде Газнави (998—1030) — газнийском султано-завоевателе. Его отец Сабуктегин был гуламом Саманидов, затем стал главой тюркских войск, отложился от Саманидов и основал самостоятельное государство. Махмуд, сын Сабуктегина, захватил Афганистан, Пенджаб, часть Средней Азии и Ирана. Под предлогом «священной войны» Махмуд подвергал опустошительным нападениям Северную Индию и соседние государства.

¹⁴³ В тексте «Йулиу» — июль. Название месяца июля по юлианскому календарю, распространенному в Магрибе с римских времен.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Публикации и переводы «Путешествия» Ибн Баттуты

1. Мухаззаб рихлат Ибн Баттута, вакафа ала тахзибиhi ва дабти гарибиhi ва а'ламиhi Ахмад ал-Авамири бек ва Мухаммад Ахмад Джад ал-Мавла бек. Т. 1—2, 1933—1934.
2. Рихлат Ибн Баттута. Саххаха аш-шайх Абу-с-Сауд. Каир, 1287/1870.
3. Рихлат Ибн Баттута. Каир, 1322/1904.
4. Рихлат Ибн Баттута ал-Мусаммат тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва аджа'иб ал-асфар, руджиат ва суххихат ала иддати нусахин сахиха. Каир, 1964.
5. Рихлат Ибн Баттута. Багдад, 1962.
6. Рихлат Ибн Баттута. Бейрут, 1962.
7. Рихлат Ибн Баттута. Бейрут, 1968.
8. Мутараджами Рида ад-Дин ибн Фахр ад-Дин, Ибн Баттутанинг Дашти-Кипчака сайахати. Оренбург, 1917 (на татарском языке).
9. Сайахатнамаи ибн Баттута, мутарджами дамад Хазрат Шахрийари Мухаммад Шариф. Стамбул, 1315—1319/1897—1901. Т. 1—2; изд. 2-е. Стамбул, 1333—1335/1916—1919, т. 1—2 (на турецком языке).
10. Сафарнамеи Ибн Баттута. Тарджоме-йе доктор Мухаммад Али Муваххид. Тегеран, 1970, т. 1—2.
11. Descripte terre Malabar, ex arabico Ebn Batyta. Itinerario edita, interpretatione et annotationibus instructa per Henricum Apetz. Jenae, 1819.
12. Extraits tirés de «Voyages» d'Ibn Battuta. Trad. annotée: R. Mauny, V. Monteil, A. Djenidi, S. Robert. Dakar, 1966.
13. *Gabriel F. Ibn Battuta*, Firenze, 1961.
14. *Ibn Battuta*. Osobliwość miast i dziwy podróży 1325—1364. Wybór. Tłumaczyli z języka arabskiego T. Majda i H. Natorf. Warszawa, 1962.
15. Ibn Battutahs Resa genom Maghrib. Text öfversättning och kommentar at Herman Almquist. Upsala, 1866.
- 15a. *Ibn Battuta*. Reisen aus Ende der Welt. Tübingen, 1974.
16. *Ibn Battuta*. Travels in Asia and Africa 1325—1354. Translated and selected by H. A. R. Gibb, with an Introduction and Notes. L., 1929.
17. Ibn Battuta zarándokúja és, vándorlása. Budapest, 1964.
18. *Moura J. S.-A.* Viagens extensas e dilatadas do celebre Arabe Abu-Abdallah, mais conhecido pelo nome de Ben-Battuta. Lisbon, 1840.
19. De Mohammede ebn Batuta Arabe Tingitano ejusque itineribus, commentation academica, auct. J. G. L. Kosegarten. Jenae, 1818.

20. *Muhammad ibn Abdallah Ibn Battuta*. Cesty po Africe, Asii, a Europe. Preložil Ivan Hrbek. Praha, 1961.
21. Die Reise des Arabes Ibn Batuta durch Indien und China, bearbeitet von Dr. Hans von Mzik. Hamburg, 1911.
22. Travels in Nubia by Burckhardt. 2nd edition. L., 1822.
23. The travels of Ibn Battuta. Edit. by sir H. A. R. Gibb. Vol. 1—2, Cambridge, 1958—1962; vol. 3, 1971.
24. The travels of Ibn Batuta, translated from the abridged arabic manuscript... by S. Lee. L., 1829.
25. Voyages d'Ibn Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. Deffrémery et B. R. Sanguinetti. T. 1—4. P., 1853—1858, 1874—1879.

Переводы отдельных отрывков из «Путешествия»

26. История Африки. Хрестоматия. М., 1979.
27. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алма-Ата — Москва, 1935.
28. Русский Вестник. Т. 2. СПб., 1841.
29. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечение из сочинений арабских. СПб., 1884.
30. Ибн Баттута. Текст, перевод и комментарий Р. Агаряна, Ереван, 1940 (на армянском языке).
31. Deffrémery C. Fragments de geogr. et d'hist. arabes, relatifs aux Asie Minor.—Annales des voyages. 1850, dec.; 1851, janv., mars, avr.
32. De Slane M. G. Voyage dans le Soudan par Ibn—Batouta.—Journal Asiatique. P., 1843, mars.
33. Dulaurier E. Voyage dans les Maldives et archipel indien par Ibn Batouta.—Journal Asiatique. 1847, fevr.—mars.
34. Deffrémery C. Fragments de geogr. et d'hist. arabes et persans, inédits, relatifs aux anciens peuples du Caucase et la Russie méridionale.—Journal Asiatique. 1850, juill.—sept.; 1851, fevr.—mars.
35. de Sasy S. [реч. на:] The travels of Ibn Batuta, transl. by S. Lee.—Le Journal des Savants. P., 1829, août—sept.
36. Seetzen U. J. Ephémérides géographiques du baron de Sach's.—Monatliche correspondenz. Bd. 17. B., 1808.
37. Deffrémery C. Voyages d'Ibn—Batoutah dans la Perse et dans l'Asie Centrale.—Nouvelles annales des voyages.—P., 1848, janv.—avr.—juill.

Средневековые источники

36. (Абу Дулаф) — П. Г. Булгаков и А. Б. Халидов. Вторая записка Абу Дулафа. М., 1960.
37. Балазури. Книга завоевания стран. Текст и перевод. Перевод с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927 (Материалы по истории Азербайджана. Вып. III—IV).
38. Бахр ал-асрар. Рук. ИВАН УзССР, инв. № 1385.
39. ал-Гарнати. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153). М., 1971.
40. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. I. М., 1962; т. II. М., 1967.

41. Зайада, Мухаммад Мустафа. Рихлат Ибн Джубайр ва Ибн Баттута. Каир, 1939.
42. (Ибн Арабшах). Книга аджаиб ал-макдур фи нава'иб Таймур, та'лиф ибн Арабшах. Каир, 1305/1887—88.
43. (Ибн Джубайр). Рихлат Ибн Джубайр. Каир, 1954.
44. (Ибн Руста). Книга ал-а'лак ан-нафсийа, тасниф Аби Ахмад Умар Ибн Руста. Изд. М. J. De Coeje. Leiden, 1967.
45. (Ибн Фадлан). Путешествие Ибн Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий А. П. Ковалевского под редакцией академика И. Ю. Крачковского. М.—Л., 1939; изд. 2-е, Харьков, 1956.
46. (Ибн ал-Факих). Мухтасар китаб ал-булдан ли Аби Бакр Ахмад ибн Мухаммад ал-Хамазани ал-ма'руф би Ибн ал-Факих. Изд. М. J. De Coeje. Leiden, 1967.
47. Ибн Хаджар ал-Аскалани. ад-Дурар ал-Камина фи а'яани-л-ми'ати-с-самина. Т. III. Хайдарабад — Декан, 1373/1954.
48. Ибн Халдун. Мукаддима. Каир, 1322/1904.
49. Ибн Халликан. Вафайат ал-а'йан. Т. 1—3. Каир, 1882.
50. (Ибн Хаукал). Книга сурат ал-ард, та'лиф Аби-л-Касим Ибн Хаукал ан-Насиб. Изд. J. H. Kramers. Leiden, 1967.
51. Ибн Хордадбеж. Книга ал-масалик ва-л-мамалик. Изд. М. J. De Coeje. Leiden, 1967.
52. (Ал-Истахри).—Абу Исхак ал-Фариси ал-Истахри. Книга масалик ва-л-мамалик. Изд. М. J. De Coeje. Leiden, 1873.
53. Иакуби. История. Текст и перевод. Пер. с арабского П. К. Жузе. Баку, 1927 (Материалы по истории Азербайджана. Вып. III—IV).
54. (Ал-Иакуби). Книга ал-булдан, та'лиф Ахмад ибн Аби Иакуб ибн Вадик ал-Китаб ал-ма'руф би-л-Иакуби. Изд. М. J. De Coeje. Leiden, 1967.
55. Иакут. Муджам ал-булдан. Т. 1—6. Тегеран, 1965.
56. (Jacut). Mujam al-buldan. Ed. F. Wüstenfeld. Lpz., 1866—1873.
57. Камус ал-алам. Стамбул, 1306/1889.
58. ал-Килани. Сук аш-шатир. Каир, 1956.
59. Книга ат-тадж. Каир, [б/г.].
60. Клавихо, Рюй Гонзалес. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом и примеч., составленными под редакцией И. И. Срезаневского. СПб., 1881.
61. Книга тысячи и одной ночи. Пер. М. А. Салье. Т. 1—7. Л., 1929—1939.
62. Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963.
63. Ал-Маварди. Ал-ахкам ас-султанийа. Изд. Enger. Bonn, 1853.
64. Мар'аш, Сейид Захир ад-Дин ибн Сейид Насир ад-Дин. История Табаристана и Мазандарана, изд. Б. Дорна. СПб., 1850.
65. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973.
66. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1—2. М.—Л., 1938—1939.
67. ал-Мукаддаси. Ахсан ат-такасим фи ма'рифат ал-акалим. Изд. М. J. De Coeje. Leiden, 1967.
68. Наршахи, Мухаммед. История Бухары. Таш., 1897.
- 68а. ан-Наубахти, ал-Хасан ибн Муса. Шинтские секты. Пер., исследование и комментарий С. М. Прозорова. М., 1973.
69. (Никитин Афанасий). Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1466—1472. М.—Л., 1948.
70. Марко Поло. Книга Марко Поло. Перевод И. П. Минаева. М., 1955.

71. Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Алма-Ата — Москва, 1935.
72. Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрика. Перевод А. И. Маленина, под ред. Н. П. Шастиной. М., 1957.
73. ат-Табари. Ат-Та'рих. Т. 6. Булак, [б/г].
74. (Тизенгаузен В. Г.). Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; т. 2. Извлечение из персидских сочинений. М.—Л., 1941.
75. (ал-Умари). Китаб масалик ал-абсар ва мамалик ал-амсар, та'лиф Ибн Фадлаллах ал-Умари. Изд. Klaus Lech. Wiesbaden, 1968.
76. Хондемир. Хабиб ас-сийар. Т. 3. Ч. 2. Бомбей, 1847.
77. Худуд ал-алам. Hudud al-'Alam. The Regions of the World. An Persian Geography circa 372 A. H.—982 A. D. Translated and Explained by V. Minorski, 1937.
- 77а. аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах. Перевод, введение и комментарий С. М. Прозорова. М., 1984.
78. Чехович О. Д. Бухарские документы XIV в. (Критический текст, перевод, введение, примечание и указатели). Таш., 1965.

Исследования

79. Бартольд В. В. Сочинения. Т. 1—8. М., 1963—1973.
80. Бейкер Дж. История географических открытий и исследований. М., 1950.
81. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
82. Бертельс Е. А. Суфизм и суфийская литература. Избранные труды. Т. 3. М., 1965.
83. Босворт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971.
84. Булгаков П. Г. Сведения арабских географов IX — начала X века о маршрутах и городах Средней Азии. Автореферат канд. дис. Л., 1954.
- 84а. Бунятов З. М. Государство хорезмшахов-ануштегинидов 1097—1231. М., 1986.
85. Бунятов З. М. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны ан-Насаби.— Известия АН АзССР. Баку, 1963, № 5.
86. Вамбери А. Г. История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. По восточным обнаруженным и обнаруженным историческим источникам. Перевод А. И. Павловского. Т. 1—2. СПб., 1873.
87. Васильев А. К хронологии Чингис-хана и его преемников.— ЗВОРАО, т. IV.
88. Воробьев М. Г. Опыт картографирования гонимых печей Средней Азии. Материалы к историко-этнографическому атласу Средней Азии и Казахстана. М.—Л., 1961.
89. Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
- 89а. Гин М. От факта к образу и сюжету. М., 1971.
90. Гибб Х. А. Р. Арабская литература. Классический период. М., 1960.
91. Гордлевский В. А. Избранные сочинения. Т. 4. М., 1968.
92. Греков В. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.

93. Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Таш., 1957.
94. Давидович Е. А. Денежное хозяйство Средней Азии после монгольского завоевания и реформа Мас'удбека (XIII в.). М., 1972.
95. Завадовский Ю. Н. Марокканская литература на арабском языке.— Фольклор и литература народов Африки. М., 1970.
96. Зимин А. А. Нахшеб, Несеф, Карши. Их история и древность. Таш., 1927.
97. Ибрагимов Н. Ибн Баттута и значение его «Путешествия» для изучения истории Средней Азии.— Научные труды ТашГУ. Востоковедение. Вып. 456. Таш., 1973.
98. Ибрагимов Н. Культ святых в исламе по арабским источникам XII—XIV вв. (арабская народная сира и «Путешествие» Ибн Баттуты).— Ислам в истории народов Востока. М., 1981.
99. Ибрагимов Н. Некоторые моменты идеологической и культурной жизни Средней Азии первой половины XIV в. в «Путешествии» Ибн Баттуты.— Некоторые вопросы развития общественно-политической мысли в странах Востока. М., 1976.
100. Ибрагимов Н. «Путешествие» Ибн Баттуты (переводы и публикации).— Вопросы восточного литературоведения и текстологии. М., 1975.
101. Ибрагимов Н. Способы описания Ибн Баттуты и других авторов произведений средневековой географической литературы.— Востоковедение. Научные труды ТашГУ. Востоковедение. Вып. 497. Таш., 1976.
102. Ибрагимов Н. Стилистические особенности и принципы перевода «Путешествия» Ибн Баттуты.— Научные труды ТашГУ. Востоковедение. Языкознание. Вып. 480. Таш., 1975.
103. История Узбекской ССР. Т. 1. С древнейших времен до середины XIX века. Таш., 1967.
104. Карра де Во. Арабские географы. Перевод с французского О. Крауи, под ред. И. Ю. Крачковского. Л., 1941.
105. Караев С. Географик номлар маъносини биласизми? Таш., 1970.
106. Котрелев Н. В. Восток в записках европейского путешественника («Миллион»).— Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.
107. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература.— Избранные сочинения. Т. IV. М.—Л., 1957.
108. Крачковский И. Ю. Арабские географы и путешественники.— ИРГО. Вып. 19, № 5, 1937.
109. Крымский А. Е. История арабов и арабской литературы, светской и духовной. Ч. 1—3. М., 1914.
110. Лукин Б. К истории города Термеза.— Исторический журнал. Кн. 4. 1944.
111. Магидович И. П. Очерк по истории географических открытий и исследований. М., 1957.
112. Массон М. Е. Города Старого Термеза и их изучение.— Труды УзССР. Сер. 1. Вып. 2. Таш., 1940.
113. Массон М. Е. О датировке так называемого мавзолея Тюробекханым в Куня-Ургенч.— Известия АН ТуркмССР, 1952, № 4.
114. Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1973.
115. Милославский Г. В. Ибн Баттута. М., 1974.
116. Немцева Н. Б. Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв.— Зодчество Узбекистана. Вып. 2. Таш., 1970.
117. Петрушевский И. П. Движение сербердаров в Хорасане.— УЗ ИВАН. Т. 14, 1956.

118. Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.—Л., 1960.
119. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII—XV веках. Курс лекций. Л., 1966.
120. Петрушевский Б. К вопросу о транскрипции местных географических названий в Средней Азии и Казахстане.—Известия Всесоюзного географического общества. Т. 90. Вып. 2, 1958.
121. Пилявский В. И. Куны-Ургенч. Л., 1974.
122. Рустамов А. Махмуд Замахшарий. Таш., 1971.
- 122а. Самарканд. Таш., 1970.
123. Свет Я. М. После Марко Поло (Путешествие западных чужеземцев в страны трех Индий). М., 1968.
124. Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
125. Средневековые путешественники. Чтение в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском Университете. М., 1964—1965.
126. Тимофеев И. Ибн Баттута. М., 1983.
127. 300 путешественников и исследователей. Биографический словарь. М., 1966.
128. Федоров-Давыдов Г. А. Монетная система Хорезма XIV в.—Советская археология. 1957, № 2.
129. Федоров-Давыдов Г. А. Нумизматика Хорезма золотоордынского периода.—Нумизматика и эпиграфика. Вып. 5. М., 1965.
130. Хасанов Х. Ўрта Осиё жой номлари тарихидан. Таш., 1965.
131. Хасанов Х. Ўрта Осиёлик географ ва сайёҳлар. Таш., 1964.
132. Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1962.
133. Чехович О. Д. Новый источник по истории Бухары начала XIV века.—Проблемы востоковедения. М., 1959.
134. Шишкин В. А. К исторической топографии Старого Термеза.—Труды УзФАН. Сер. 1. Вып. 2. Таш., 1940.
135. Якубовский А. Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. М., 1931.
136. Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча.—ИГАИМК. Т. 6. Вып. 2. Л., 1930.
137. Якубовский А. Ю. Феодализм на Востоке. Столица Золотой Орды Сарай-Берке. Л., 1932.
138. Якубовский А. Ю., Греков Б. Золотая Орда. Л., 1937.
139. Ал-Араби, Абрахим Ахмад. Ибн Баттута фи-л-алами-л-исламий. Каир, [6/г].
140. Бадави, Фуад. Ибн Баттута. Каир, 1964.
141. Джевдет М. Зайл ала фасли-л-фитйани-л-ахиййи-т-турки фи китаби-р-рихлат ли Ибн Баттута. Стамбул, 1932.
142. Ибн Баттута. Тухфат ан-нуззар фи гара'иб ал-амсар ва аджа'иб ал-асфар (Ал-Бустани). Т. I—III, Бейрут, 1932—1937.
143. Милославский Г. Ибн Баттута. Тегеран, 1977 (на перс. яз.).
144. Мунтахабат мин асари-л-джуграфийин ал-араб фи-л-курун ал-вуста ма назаратин иджмалийа фи-л-джуграфийа инда ал-араб ва та'ликат ва тавдихат би-л-фарансийа. Бейрут — Париж, 1932.
145. Хусбак, Шакир. Ибн Баттута ва рихлатух. Неджеф, 1971.
146. Аш-Шаркави, Махмуд. Рихла ма'а Ибн Баттута. Каир, 1968.
147. Agha Mahdi Husain. Le gouvernement du sultanat de Delhi. Etude critique d'Ibn Battuta et des historiens indiens du 14-e siècle. P., 1936.
148. Beazley R. The dawn of modern geography. L., 1897—1900.
149. Blaque E. Elmorabito de sidi Ahmed Et-Tanyi «Mawritala». Tanger, 1958.
150. Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. T. 1—2. Weimar—Berlin, 1898—1902. Supplementband. T. 1—3. Leiden, 1937—1942.
151. Brockelmann C. Geschichte der islamischen Völker und Staaten. München—Berlin, 1943.
152. Dozy R. Dictionnaire détaillé des noms vêtements chez les Arabes. Amsterdam, 1845.
153. Dozy R. Supplément aux dictionnaires Arabes par R. Dozy. T. 1—2. Beyrouth, 1968.
154. Dvoras R. Zemepis u Arubu Ibn Battuta.—Zemépisny sbornik. Praha, 1887, 11.
155. Ensayo bio-bibliográfico sobre los historiadores y geógrafos arábigos-españoles for F. Pons Boigues. Madrid, 1898.
156. Encyclopaedie of Islam. Leyden, 1934.
157. Ferrand G. Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême—Orient du XIII-e au XVIII-e siècles, traduits, revus et annotés par C. Ferrand, T. 1—2. P., 1913—1914.
158. Fischer A. Battuta nicht Batuta.—Zeitschrift der Deutschen Morgenlandischen Gesellschaft. Bd. 72. Lpz., 1918.
159. Grunebaum C. E. von. Classical Islam. Chicago, 1970.
160. Grunebaum C. E. von. Der Islam im Mittelalter. Bd. 1. Zürich—Stuttgart, 1963.
161. Hrbek I. The Chronology of Ibn Battuta Travels — Archiw orientalni. Вып. 30. Praha, 1962.
162. Janacsek St. Ibn Battuta's journey to Bulghar.—JRAS, L., 1929.
163. Janssens H. F. Ibn Batouta. Le voyageur de l'islam (1304—1369). Bruxelles, 1948.
164. Le Strange G. Baghdad during the Abbasid Caliphate. Oxf., 1900.
165. Le Strange G. The Lands of the Eastern Caliphate. Cambridge, 1930.
166. Massignon A. Essai sur les Origines du Lexique technique de la mystique musulmane, P., 1922.
167. Meillassoux C. L'itinéraire d'Ibn Battuta de Walata a Mali.—Journal Africain Histoire. T. 13, № 3, L., 1972.
168. Newton A. P. Travel and Travellers of the Middle Ages. L., 1930.
169. Ruska J. Zur geographischen Literatur in islamischen Kulturbericht.—Geographische zeitschrift. T. 33. Lpz., 1927.
170. Schefer Ch. Notice sur relations des peuples musulmans avec les Chinois, depuis l'extension de l'islamisme jusqu'à le XV-e siècle. Centenaire d'Ecole des langues orientales vivantes. P., 1895.
171. Yamamoto Tatsuro. On Tawalisi described by Ibn Battuta.—The Oriental Library, № 8. Tokyo, 1936.
172. Yule H. Cathay and way thither. Vol. 2. L., 1915.
173. Yule H., Cordier H. Ibn Battuta's Travels in Bengal and China (circa 1347). L., 1915.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Жизнь и путешествия Ибн Баттуты	11
Глава 2. Изучение «Путешествия Ибн Баттуты. Переводы и публикации	47
Примечания	69
Ибн Баттута о Средней Азии (перевод глав «Путешествия», касающихся Средней Азии)	71
Комментарий к переводу глав «Путешествия» Ибн Баттуты	108
Источники и литература	122

Книга узбекского ученого Н. Ибрагимова, изучающего жизнь арабского средневековья, посвящена великому путешественнику XIV в. Ибн Баттуте и его странствиям по Средней Азии. Путешествия Ибн Баттуты имели не меньшее значение для Средней Азии, чем в свое время для Европы путешествия Марко Поло. Для нас путевые заметки Ибн Баттуты с описанием городов и селений Средней Азии служат также ценным историческим источником, приводят сведения о тех потерях, которые понес этот край от нашествия монголов.

